Ирина Левонтина

Честное слово

CoRpvS

Ирина Борисовна Левонтина
Честное слово

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64036567
Честное слово: CORPUS; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-134957-8

Аннотация

Ирина Левонтина – известный ученый-лингвист, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, автор словарей и блестящих статей, популяризатор лингвистики, специалист по судебной лингвистической экспертизе, колумнист газеты «Троицкий вариант – Наука». А еще она вот уже 20 лет пишет веселые и яркие эссе о переменах в русском языке, о новых словах и необычных грамматических конструкциях, о речи представителей разных поколений и социальных слоев, о проговорках политиков и рекламных «перлах». Эти эссе вошли в книги «Русский со словарем» (2010, 2016) и «О чем речь» (2016). За минувшие годы к ним добавились новые рассказики. Так получилась книга «Честное слово» – увлекательная хроника, которая охватывает период с 90-х годов XX века по 2020-й и убедительно доказывает, что язык, по словам автора, неотделим от жизни: «Наша жизнь пропитана языком – и сама в нем растворена».

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

От автора 9
Новый русский лексикон 14
Великий вызов 14
We are the champions, my friend… 19
На рубль амбиции 25
Агрессивный макияж 28
Безукоризненный апломб. Футурологические заметки 31
Позитивчик 36
Выбирай, дарагой! 39
События и размышления 43
В неслыханную простоту 46
Каждому по труду. О конкуренции между словами 51
В хорошем смысле 55
В самую точку 59
Какая-то не такая 62
Культура и отдых 66
Слово и дело 70
Неформат 74
Гад же ты! 79
Красиво жить не запретишь 83
Комфорт – наше все! 83

Дешевая распродажа 86
Отдайся шопингу! 91
Доказательство любви 95
Старость не радость. Об утешительных эвфемизмах 99
Устный счет 103
Жизнь в цвете. Три слагаемых успеха 107
Гламурненько! 113
Гламурная феня 116
Фьюжн. Как и всё на Руси 121
Второе дыхание. Удивительная история слова вечеринка 125
Суесловие 131
Россиеведение 131
Страшный суд следующей инстанции 135
Священный порядок 139
Это смачное слово зачистка 142
Опозоренный имидж 145
Собеседник для вождя 150
Не в лад, невпопад 153
А по нечетным? 156
Личная фурия 159
Без ансамбля 162
Немногочисленный властитель 166
Милые улики 170
Креатив.ру 175

Лояльность к недостаткам 179
Деликатный вопрос 183
Шок и радость 186
Шпрехен зи дойч? 191
Персона грата, или Hominem quaero 194
All correct 198
Публичность 202
Табличка на газоне 206
Типа упс 210
Отторжение или присвоение 215
Марксизм и вопросы перевода 219
Прости – знаю, как перевести 225
Невпопад 229
Вселенная в алфавитном порядке 229
Импортного производства 233
Неравный брак 236
БлагоWест 239
Медный барабан 243
Кенгуру и верблюды 248
Грех по месту жительства 251
Мещанин Фет 254
Эра милосердия и индукции 257
Последний парад наступает 260
Мученики Аляски 264
Младограмматика 267
Ветру и орлу. Споры о языке и глобальное 267

потепление
Современный шибболет 271
Надуманный предлог 275
Непорядок слов 278
Syntaxisu.net 281
Конец ознакомительного фрагмента. 283

Ирина Левонтина
Честное слово

© И. Левонтина, 2021
© Е. Ольшанская, рисунки на обложке
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2021
© ООО “Издательство АСТ”, 2021
Издательство CORPUS ®

От автора

Вот уже больше 20 лет я пишу популярные рассказики о переменах в русском языке – сначала для радиопередачи “Грамотей”, которую несколько лет вела на “Маяке” моя коллега и подруга Елена Шмелева, и для старых “Итогов”, потом для “Еженедельного журнала”, “Знамени”, Полит. ру; затем были колонка о языке в газете “Троицкии вариант – Наука” и “Ворчалки о языке” в интернет-издании Stengazeta.net, школа литературного мастерства “Хороший текст” и журнал “Русская речь”. Большая часть вошла в две мои книжки: “Русский со словарем” (2010, 2016) и “О чем речь” (2016).

Замечательный поэт Лев Лосев писал когда-то:

> “Но главное – шумит словарь,
> словарь шумит на перекрестке.

И вот все эти годы я стою на этом перекрестке и все прислушиваюсь к шуму словаря.

За 20 лет русский язык сильно изменился. Некоторые слова и значения, о которых я в старых рассказиках говорю как о новых и непривычных, с тех пор совсем прижились. Иду недавно по улице, а там девушка рассказывает: “Она была *на* бешеном макияже!”, или слышу зазывный голос ведущей телемагазина: “Внимание! Пудровый цвет *в* шестидесятом раз-

мере начинает заканчиваться!” – и киваю удовлетворенно. Правильно я все когда-то сказала и про предлог *на*, и про предлог *в*. Некоторые языковые процессы продвинулись гораздо дальше: выражения типа *о том то что* и *потому то что*, о которых я писала как о приметах подростковой речи, подросли вместе с теми подростками и замелькали в речи вполне взрослых людей. С некоторыми словами случились новые приключения. Вот я отмечала забавные употребления слова *кощунство* – но это ведь сущие пустяки по сравнению с тем, как оно потом прогремело в деле “Пусси Раиот”. Писала об особом использовании слов *свои* и *наш* – а сколько всего с ними случилось после того рассказика! Тут ведь и *крымнаш*, и “*Своих* не бросаем”. Я в 2007 году говорила о том, как слово *выбор* постепенно обретает вес и значимость, хотя пока только в рекламе – но это только пока. А вскоре *выбор* стал ключевым словом “Снежной революции” 2011–2012 годов: “Вернем стране выбор!”, “У меня украли выбор!” Прошло еще несколько лет – и летом 2019-го во время протестов против фальсификации московских выборов мы услышали, как молодежь скандирует перед зданием мэрии на Тверской: “Свобода! Выбор!” В 2006 году я написала о непривычном тогда выражении *бюджетные цены* (ну, чтобы не обижать человека, соблазняя его дешевизной). А недавно я стала замечать новую грамматическую конструкцию: *выгода столько-то процентов на что-то* по аналогии с выражением *скидка на что-то*.

И вот получилось так, что мои рассказы сложились в своего рода хронику русского языка с 90-х годов XX века по 2020-й. Но язык так устроен, что мы очень быстро привыкаем к новому и вскоре уже не верим, что какого-то слова еще недавно не было. А если слышим слово впервые, то не можем поверить, что другим оно давно знакомо. Поэтому в этой книге каждый рассказик снабжен указанием на год первой публикации. А в конце книги есть словоуказатель, чтобы можно было быстро найти слово, о котором идет речь.

Эта книга – о том, что язык неотделим от жизни. Настолько, что иной раз о нем и поговорить почти невозможно: пишешь про слова, а читатели яростно возражают про жизнь. Наша жизнь пропитана языком – и сама в нем растворена. Мы самонадеянно считаем, что владеем языком. На самом деле это язык владеет нами. Впрочем, я все равно не сформулирую лучше Льва Лосева:

“Грамматика есть бог ума.
Решает все за нас сама:
что проорем, а что прошепчем.
И времена пошли писать,
и будущее лезет вспять
и долго возится в прошедшем.

Глаголов русских толкотня
вконец заторкала меня,
и, рот внезапно открывая,

я знаю: не сдержать узду,
и сам не без сомненья жду,
куда-то вывезет кривая.

На перегное душ и книг
сам по себе живет язык,
и он переживет столетья.
В нем нашего – всего лишь вздох,
какой-то ах, какой-то ох,
два-три случайных междометья.

За эти годы мы столько всего пережили. Мы надеялись и отчаивались, мы сжимали зубы и опускали руки. И наша речь переживала наши надежды и разочарования вместе с нами. К сожалению, язык впитывал, транслировал и нашу ненависть. И здесь я хочу процитировать стихотворение Булата Окуджавы 1992 года:

““Язык не виноват, – заметил пан Ольбрыхский, –
все создает его неповторимый лик:
базарной болтовни обсевки и огрызки,
и дружеский бубнеж, и строки вечных книг.
……

Когда огонь вражды безжалостней и круче,
и нож дрожит в руке,
и в прорезь смотрит глаз,
при чем же здесь язык, великий и могучий,

вместилище любви и до, и после нас?”

[2020]

Новый русский лексикон

Великий вызов

Скандально прославившаяся журналистка Елена Трегубова – “кремлевская диггерша” – так написала о Ельцине:

> “Просто был тем, кто неожиданно почувствовал этот великий ритм и дыхание времени, этот великий шанс и великий вызов. И – как мог постарался соответствовать этому вызову.

Надо заметить, что до недавнего времени такое употребление слова *вызов* было для русского языка совершенно невозможным. Да и сейчас фраза “Он почувствовал этот великий *вызов* и постарался соответствовать этому *вызову*” звучит не вполне по-русски. Можно, однако, с большой степенью вероятности предположить, что освоение такого употребления – дело ближайшего будущего.

Это калька с английского *challenge* – одного из самых ярких английских слов, которого нет в русском языке – во всяком случае, до недавнего времени не было. Буквально оно означает “вызов”, однако имеет гораздо более широкое значение. Слово *challenge* описывает, в частности, следующую ситуацию. Человек берется за выполнение какой-то трудной

задачи, на пределе или даже за пределами своих профессиональных или иных возможностей, и трудность задачи подстегивает его, заставляет превзойти самого себя. Восхитительна эмоциональная тональность этого слова: оно выражает эдакий веселый азарт и вкус к жизни. Почувствовав *challenge,* человек ощущает, как повышается количество адреналина в крови. Излишне говорить, сколь важны это понятие и это ощущение для всей американской цивилизации. По-русски человек не может, например, соглашаясь занять какую-то должность, воскликнуть, потирая руки: “Это для меня *вызов*!”

Ну, не будем пускаться по этому поводу в спекуляции, а вспомним лучше русское слово, в котором азарта не меньше, чем в английском *challenge,* – выразительное словцо *слабо.* “А вот *слабо* тебе это сделать?” – подзуживаем мы собеседника. “Кому? Мне *слабо*??? – заводится он. – А вот и не *слабо!”* И действительно немедленно прыгает с крыши, выпивает бутылку водки, стоя на подоконнике, и т. п. Такой нехитрый риторический прием, кстати, так и называется – *брать на слабо.* Конечно, это слово выражает совершенно другую идею, чем слово *challenge.* В ответ на *challenge* человек повышает производительность труда, продвигается по службе, в то время как, доказывая, что ему *не слабо,* человек может сделать то, чего он вовсе не хотел и не собирался делать. И, пожалуй, даже, чем бессмысленнее действие, тем лучше.

Это по-дурацки удалое *слабо* – очень характерное и за-

бавное словцо. Есть свое обаяние в бескорыстном желании проверить, на что ты способен, не достигая при этом никакой разумной цели, – как в известном пассаже из “Москвы – Петушков”:

> “А ты мог бы: ночью, тихонько войти в парткабинет, снять штаны и выпить целый флакон чернил, а потом поставить флакон на место, одеть штаны и тихонько вернуться домой? ради любимой женщины? смог бы?..

(И да, в первой версии “Москвы – Петушков” так и было – *одеть штаны*, так сам Ерофеев и произносил, когда читал свое произведение вслух, хотя в более поздних версиях стало *надеть штаны*.) Однако то, что в русском языке нет слова *challenge,* в последнее время все больше ощущается как упущение. Оно все чаще и чаще оказывается нужным, когда люди говорят о своей или чьей-то еще жизненной позиции, отношении к профессии, карьере. И вот слово *вызов,* в котором раньше ничего такого экзистенциального не было, прямо на наших глазах расширяет свое значение. Так сказать, пытается соответствовать *вызову эпохи.*

Мне особенно нравятся две фразы в рекламе. В одном случае о новом пятновыводителе говорится: “И еще больший *вызов* – засохшая свекла”. В другом рекламируется модель автомобиля: “Ваш ответ *вызовам* жизни!”

Наш пример очень показателен. Часто по поводу нового слова люди машут рукой: да это заимствование! Как будто такое указание что-то объясняет. Вот слово *вызов* жило се-

бе и столько лет абсолютно не собиралось калькировать данное значение слова *challenge.* Но вдруг собралось, и новое значение моментально прижилось. Просто раньше оно было не нужно, а теперь понадобилось. Замечательно, как быстро люди привыкают к таким вещам. Я много раз сталкивалась с тем, что мне не верят, когда я говорю, что раньше не было выражений типа *почувствовал великий вызов.* “Как это не было? Да всегда так говорили! А как же иначе это сказать?” Да в том-то и дело, что раньше так не говорили и этого не говорили никак, потому что этого не думали. Как сказано у Цветаевой, “даже смысла такого нет”.

Правда, фраза про свеклу пока еще большинству людей кажется смешноватой. Но это ненадолго.

Тут вот что еще интересно. В последнее время для русского языка стало очень характерным использование слова *проблема* там, где раньше сказали бы просто *неприятность.* Теперь вместо *плохая кожа* скажут *проблемная кожа.* Такой *позитивный* взгляд на жизнь. Но вот когда я рассказывала об этом в “западной” аудитории, то несколько раз получала однотипную реакцию: “Ну надо же, а у нас теперь, наоборот, лучше не произносить слово *problem,* если не хочешь испортить себе карьеру. Теперь надо вместо *problem* говорить *challenge”.* То есть больше не стало *проблем,* а есть только *вызовы.* Это уже следующий этап – еще более лучезарный взгляд на жизнь, при котором даже неприятность рассматривается лишь как возможность проявить себя. В общем, как

пел герой Ефремова в фильме “Айболит-66”: “Это очень хорошо, что сейчас нам плохо” – с полным, впрочем, осознанием того, что это лишь способ поддержать деморализованных малышей.

Один мой сослуживец остроумно заметил по поводу нового словоупотребления: “Ясно… Значит, теперь надо говорить: «Это ваши *вызовы*»”.

[1999]

We are the champions, my friend…

Среди рекламных слоганов мобильных телефонов можно услышать и такой: “Мобильные телефоны для успешных людей”. Такое употребление слова *успешный* – явление совсем новое.

До последнего времени русское слово *успешный* могло употребляться только по отношению к действиям, деятельности, процессам (*успешные переговоры, успешная работа, успешный рост)* – но не по отношению к людям. Однако за последние годы сочетание *успешный человек* стало очень типичным.

Более того, пожалуй, *успешный человек* – это герой нашего времени. Уже о нем и для него пишут книги и издают журналы: Михненко П. А. “Как стать успешным: … на опыте *успешных* людей”, Кановская М. Б. “Деловой этикет для *успешных* людей”, “«Фаворит» – журнал для *успешных* людей”. Существует интернет-рассылка “Афоризмы *успешных* людей” и сетевая “Библиотека *успешного* человека”, социальный навигатор “*Успешные* сироты”. Этот новый герой – адресат рекламы: “Автосалон для *успешных* людей”, “Леонбергер – собака для *успешных* людей!”, “Красивые зубы – пропуск в мир *успешных* людей”, “*Успешные* люди” – рекламно-продюсерская компания. Этот новый вид ведет стадную жизнь: “Клуб *успешного* человека”, “*VIP*-лига *Infinum* –

лига *успешных* людей!" "*Успешным* может стать каждый", – сулят педагоги, психологи и психотренеры: "Образование для *успешных* людей", "Новый тренинг «*Успешный* Человек» Николая Ивановича Козлова", "Тренинг *успешных* людей", "«Как вырастить из ребенка *успешного* человека» – На вопросы читателей отвечает педагог-психолог".

Это стремительное изменение смысловых возможностей слова не случайно.

Успешный, конечно, калька с английского слова *successful.* Например, в фильме "Секс в большом городе" одна из героинь сетует, что мужчины предпочитают молодых девушек, "а *успешная* пятидесятилетняя женщина никого не интересует". В английском тексте, естественно, звучит *successful.* Представление об *успешном человеке* пришло к нам вместе с западным культом успеха, достижения. Прежде в русской культуре успех не рассматривался как основополагающая жизненная ценность. Это, разумеется, не означает, что люди не стремились к успеху. Просто экзистенциальный статус успеха был невысок. Своими успехами, успехами детей гордились, но гордиться немного стеснялись. Достижение както ассоциировалось с риском для собственной души.

Раньше говорили: *состоявшийся человек,* а это ведь несколько другое, это слово не характеризует социальный аспект человека. *Состоявшийся* – значит реализовавший свой внутренний потенциал, а добился ли он чего-нибудь в жизни, неизвестно. Было еще слово *преуспевающий,* того же кор-

ня, что *успешный*. Оно всегда было связано с финансовым успехом и выражало некоторое сомнение в моральной безупречности средств достижения этого успеха. *Преуспевающий адвокат* – это тот, у кого высокие гонорары, а не тот, которому удалось много невинных людей спасти от тюрьмы. Чрезвычайно характерно высказывание Олега Целкова в интервью о Бродском:

> “По-видимому, Бродскому претило то, что Евтушенко был весьма *преуспевающим* поэтом в СССР, публиковался гигантскими тиражами, был богат, разъезжал месяцами по всему белому свету, о чем и во сне не могло присниться обычному советскому человеку. Бродского Евтушенко раздражал.

Что касается самого Бродского, можно себе представить, что, защищая его от обвинений в тунеядстве, кто-нибудь назвал его *состоявшимся поэтом*. Но *преуспевающим поэтом* – невозможно.

Вспомним и Довлатова:

> “Двое писателей. Один *преуспевающий*, другой – не слишком. Который не слишком задает *преуспевающему* вопрос:
>
> – Как вы могли продаться советской власти?
>
> – А вы когда-нибудь продавались?
>
> – Никогда, – был ответ.
>
> *Преуспевающий* еще с минуту думал. Затем поинтересовался:

– А вас когда-нибудь покупали? (*Соло на IBM*, 1980)

Чрезвычайно характерны строки из поэмы Наума Коржавина “Сплетения”:

“И, может быть, стал бы отменным,
Исполненным сложных забот,
Престижным саксесыфулмэном,
Спецом по обрывкам пустот…

Строки дышат отвращением к этому чуждому “саксесыфулмэну”. Дикая транслитерация (или транскрипция?) эту чуждость подчеркивает. Ну ясное дело, если *successful,* то непременно за счет даже не пустот, а *обрывков пустот.* Поэма написана в 1980 году, и к слову *саксесыфулмэн* в книжке сноска, поясняющая, что это “успешливый человек”. Пришлось автору, видимо, использовать редкое слово *успешливый,* поскольку сочетание *успешный человек* четверть века назад казалось вовсе немыслимым. Оно и в начале XXI века было еще непривычно. Это довольно много обсуждали, особенно профессиональные переводчики, которые как раз мучились с этими самыми *саксесыфулмэнами.* Приведу пример с сайта Ассоциации лексикографов “Лингво” (там есть форум “Беседы переводчиков”):

“4 *февраля* 2003 *г.*

Инна Ослон: “Еще года два назад слово «успешный» в значении «преуспевающий» не то чтобы резало мне слух, а вызывало определенный дискомфорт. Теперь

уже не вызывает (почти)".

П. Палажченко: "С «успешным» в этом значении мы, наверное, действительно «проехали»"…

Итак, *успешный человек*. Пожалуй, лучше всего можно определить это понятие, используя другое модное современное выражение – *жизненный проект*. Одна из современных гимназий так рекламирует себя:

> "Гимназия видит свою основную миссию в утверждении новых ценностей школьного образования: главное – умение применить полученные знания, опыт совместной работы и личных достижений при построении собственного *жизненного проекта*.

Успешный человек – это тот, кто успешно осуществил свой *жизненный проект*. Не обязательно он так уж разбогател, но он добился определенной позиции в обществе. Его *проект* социально признан.

Интересно, что точно такие же изменения, как со словом *успешный*, произошли и со словом *эффективный*. Раньше говорили: *эффективные меры, эффективное лечение*. Теперь же мы сплошь и рядом слышим: *эффективный человек*. Например, как сказали в одном телешоу: "Человек в любом возрасте может быть *эффективным*". Есть даже такая книга – "Формула успеха, или Философия жизни *эффективного* человека". В аннотации сказано:

> "Это реальная психология для деловых и *эффективных людей*:

для предпринимателей и психологов, руководителей и домохозяек, для всех тех, кто хочет стать – универсальным бизнесменом.

Нельзя не заметить, что новое значение слова *успешный* – более или менее на ту же тему, что и новое значение слова *вызов*. Вообще здесь мы имеем дело не просто с изменениями семантики отдельных слов, а с обновлением целого фрагмента языковой картины мира. Ведь и слово *неудачник* за последние годы несколько изменило свой оценочный потенциал. Раньше оно могло произноситься чуть ли не с нежностью и подразумевать, что человек не достиг земных благ, потому что бескорыстен и думает о душе. “Золотое клеймо неудачи”, как мы помним, разглядела Ахматова на челе молодого Бродского. Но чем дальше, тем более сурово начинает звучать по-русски это слово, приближаясь по тональности к английскому *loser*. А слово *карьера?* Еще двадцать лет назад в ходу была формулировка *карьера в хорошем смысле*. Почему надо было оговариваться, что в хорошем? Да потому, что вообще-то *карьера* – это было что-то слегка постыдное.

[2006]

На рубль амбиции

Есть и еще одно интересное слово из этой же серии. В последнее время многим бросается в глаза, как изменились слова *амбиции* и *амбициозный.* Яркая примета нашего времени – словоупотребления типа: “кадровый центр «Амбиция»” (он занимается трудоустройством), “11-я ежегодная конференция «Управление в России: время *амбициозных* целей»”. А вот из объявления о вакансиях: “Нужен еще один *амбициозный* и целеустремленный сотрудник”.

До последнего времени слово *амбиции* связывалось преимущественно с завышенной самооценкой и безосновательными притязаниями. Так его толковали и словари: *амбиция* – “обостренное самолюбие, чрезмерное самомнение”. Замечательно, что в русском языке чуть ли не все слова, указывающие на высокую оценку человеком собственной персоны, окрашены отрицательно: *самомнение, апломб, гонор, чванство, спесь, самонадеянность, самоуверенность*. Список можно продолжить. Это язык так отражает укорененное в русской культуре представление о том, что гордому человеку следует смиряться. Причем на самом-то деле мы понимаем: бывает, что человек трезво оценивает свои силы, готов справиться с задачей и говорит об этом без пустого жеманства, и это хорошо. Однако употребить применительно к такому случаю слово *самоуверенность* невозможно даже

с уточнением *в хорошем смысле*. Нужно слово распороть и сложить в другом порядке – *уверенность в себе*. Иначе негативную оценку не изгнать.

Когда слово *амбиция* было заимствовано в русский язык, оно очень быстро приобрело этот оттенок. Правда, например, Достоевский часто использует слово *амбиция* просто в смысле “самолюбие”, например:

> “Моя репутация, *амбиция* – все потеряно! Я погиб, и вы погибли, маточка, и вы, вместе со мной, безвозвратно погибли! Это я, я вас в погибель ввел! Меня гонят, маточка, презирают, на смех подымают, а хозяйка просто меня бранить стала; кричала, кричала на меня сегодня, распекала, распекала меня, ниже щепки поставила (*Бедные люди,* 1845).

Но гораздо более типично всегда было представление об *амбициях* непомерных и неправомерных, как в таком примере:

> “На грош амуниции, на рубль *амбиции*! Уходи, не проедайся! Банкомет взял за плечи барона и вмиг выставил его за дверь, которую тотчас же запер на крюк (В. Гиляровский. *Москва и москвичи*, 1926).

А в советское время и тем более трудно было употребить слово *амбиция* вне отрицательного контекста. И вот все изменилось. Появилось поколение *успешных* и *амбициозных* молодых людей, которые отвечают на *вызовы* жизни – делают *карьеру*. И ничего в этом плохого язык уже почти не ви-

дит. Да, еще эти молодые делают карьеру *агрессивно.*

[2006]

Агрессивный макияж

В последние годы многие люди замечают, что и слово *агрессивный* на наших глазах меняет свой оценочный потенциал. Раньше, если о человеке говорили *агрессивный,* это всегда означало, что мы оцениваем его поведение отрицательно. Раньше сказали бы *агрессивная тактика* – с неодобрением. А если хотели одобрить, говорили – *наступательная тактика*. И вот все чаще мы слышим и читаем: “Нужны инициативные, энергичные, мечтающие о карьере, *агрессивно* нацеленные на результат, готовые инвестировать свое время и силы” – это в объявлении о вакансиях. “*CNN* – молодое и *агрессивное* информационное агентство. Самые оперативные новости, фотографии, видеорепортаж”. Или: “Современная леди прогрессивна и *агрессивна*: она делает карьеру в мужском коллективе, настаивая, чтобы ее называли по фамилии, как и коллег, и ни при каких обстоятельствах не просили принести кофе”.

И особенно распространилось выражение *агрессивный макияж.* Вот несколько примеров, извлеченных из интернета:

> “Вместе с воспоминанием о тех годах (80-х) к нам возвращается более *агрессивный макияж*: яркие глаза с черной подводкой, много перламутра, “кровавые” губы и безумные объемы в прическах…

“*Агрессивный макияж* для неформальной вечеринки.

“Удивительный и яркий, консервативный, стильно-утонченный, подчеркивающий, *агрессивный макияж* поможет создать визажист. Он подчеркнет образ, сгладит природные недостатки и подаст образ в максимально выгодном свете.

“Но, признаться, женский пол и сам не прочь воспользоваться запрещенными приемчиками – лишняя расстегнутая пуговица на блузке, мини-юбка много выше коленок и *агрессивный макияж* могут сослужить неплохую службу начинающей карьеристке.

“Четыре процента (женщин) предпочитают *агрессивный макияж*. Такой макияж предпочитают женщины, стремящиеся к власти. А еще он помогает обрести уверенность в себе и выделиться из толпы. Если ваш *макияж* не просто *агрессивный*, но и правильно подобранный, кратковременный успех вам обеспечен.

О сумочках, совсем маленьких, размером с кошелек, в женском модном журнале говорится: “В таком случае в сочетании с *агрессивным макияжем* создается эффект уверенной в себе, но в то же время нуждающейся в защите женщины”. А одна счастливая новобрачная делится в “Живом журнале”:

> “Я, жених и все гости остались просто в восторге. Причем у меня было достаточно необычное платье, к которому мы подобрали яркий *агрессивный макияж* с накладными ресницами и красными стразами над бровями. Получилось просто потрясающе.

Да, жених, наверно, был сильный духом.

Думая о подобных новых словоупотреблениях, люди часто считают само собой разумеющимся, что они заимствованы из английского языка. Мол, вместе со словом перенимаем новые ценности мира наживы и чистогана. Между тем это далеко не всегда так. Конечно, слово *aggressive* действительно и в английском все чаще употребляется одобрительно, но, например, термина *агрессивный макияж* по-английски нет, его назовут *тяжелым (heavy make-up).* Да и вообще, употребляя слово *агрессивный* с положительной оценкой, мы зачастую не столько заимствуем конкретные иноязычные словоупотребления, сколько воплощаем свое представление о том, как это должно быть там у них, на Западе.

[2005]

Безукоризненный апломб. Футурологические заметки

Как-то раз я услышала по телевизору, как фигуристка Татьяна Навка сказала после выступления: “Мы катались сегодня с таким *апломбом* шикарным!” Тут есть над чем подумать.

Вот про слово *кураж* все знают, что у него есть в русском языке два значения. Одно обычно выражает отрицательную оценку и употребляется в ситуации, когда человек устраивает что-то несусветное без всяких разумных причин, просто в видах самовыражения. Очень типично сочетание *пьяный кураж*. Тут вспоминается Гоголь: “Ноздрев, захлебнув *куражу* в двух чашках чаю, конечно не без рома, врал немилосердно”.

Этот *кураж* довольно далеко отошел от французского прототипа *courage* (“мужество”, “смелость” или даже “упорство”, “усердие”) и сродни русским *удали, разгулу* и *загулу*. Даже, пожалуй, хуже, поскольку *кураж* больше связан с идеей разрушения. Особенно эта отрицательная оценка видна в производном глаголе *куражиться*. *Куражиться* можно даже *над* кем-то, то есть чувствуя свою власть над более слабым существом, издеваться над ним и притом находить это забавным и любоваться собой.

Но есть у русского слова *кураж* и другое – очень положи-

тельное – значение. Оно особое – цирковое. Это то состояние подъема и абсолютной уверенности в себе, которое так необходимо цирковому артисту. А если артист потерял *кураж,* то ему просто нельзя делать опасные трюки или выходить к хищникам.

Конечно, это значение слова *кураж* используется не только применительно к цирку: о человеке, который сделал что-то, превосходящее его возможности, иногда скажут, что он сделал это *на кураже.* Танцовщик Александр Годунов говорил: “Человека можно научить танцевать. Но если не будет *куража,* он не станцует”. Подобное высказывание приписывают и Барышникову: мол, когда у него есть *кураж,* он летает, а когда нет, то просто танцует хорошо. Но это скорее игра, вообще-то *кураж* – в основном не про балет, а про цирк. А в балете не *кураж,* а *апломб.*

Множество цирков в России называются “Кураж” (а когда так называется театр, мы сразу понимаем, что это театр особого рода – с элементами эксцентрики), а вот балетные студии нередко имеют название “Апломб”.

Слово *апломб* – тоже французское заимствование, и оно тоже имеет в русском языке общеязыковое отрицательное значение и специальное положительное. Только балетное значение слова *апломб* не так широко известно, как цирковое значение слова *кураж*. Слово *апломб* по происхождению родственно *пломбе* и связано с кусочком свинца, выполняющим функцию отвеса (как мы помним из школы, *plumbum* –

это как раз свинец). То есть изначально это слово подразумевает вертикаль.

В основном употреблении слово *апломб* указывает на чрезмерную и безосновательную самоуверенность в суждениях человека. Каковая, естественно, осуждается, как и вообще осуждается в русской культуре человек, который много о себе понимает.

А *апломб* в балете – это умение сохранять баланс в пируэте. В позиции идеального равновесия балерина может долгое время стоять на одной ноге на пуантах. Невероятная устойчивость обеспечивается особой осанкой или, как говорили о школе Вагановой, “стальным *апломбом* корпуса”. Вообще часто пишут, что классический балет танцуется спиной. О знаменитом танцовщике Кшесинском, отце балерины Кшесинской, писали, что он “лихо, с *апломбом* исполнял польские, цыганские, венгерские танцы в балетах и операх”. Здесь, очевидно, речь не только о равновесии, но и об уверенности, вдохновении, как теперь бы сказали, *драйве*.

Что-то в этом роде, очевидно, имела в виду и Навка. *Апломб* как ощущение того, что лед тебе полностью подвластен.

Кстати, во французском языке *aplomb* – это еще и характеристика уровня швейного мастерства – чтобы костюмчик сидел. И вот недавно я встретила русское выражение *безукоризненный апломб* в качестве заголовка отчета о модном показе. Что имелось в виду? Прекрасный крой? Или царствен-

ная осанка и безупречная походка моделей? Или так, вообще – и божество, и вдохновенье?

Да, но почему я поставила подзаголовок “футурологические заметки”? Мне кажется, что слову *апломб* в скором времени предстоит растерять свой морализаторский пафос.

Во-первых, *апломб* как балетный термин в последнее время начинает выходить за рамки сугубо балетного жаргона, расширять смысловой потенциал и постепенно сливаться с общеязыковым значением. Во-вторых, в русской культуре скромность перестает быть основополагающей ценностью, что и отражается в изменении оценочного потенциала многих слов – таких, например, как уже упоминавшиеся *амбиция* и *карьера*. Так что происходит встречное движение.

Очень типичная история. Когда слово *апломб* было заимствовано, оно не сразу стало выражать осуждение. Вот в Брокгаузе об *апломбе* сказано, что “так называют уверенность в действиях и находчивость в речи и в обращении с людьми; слово это целиком взято из французского языка и совершенно вошло в употребление в разговорной речи”. Постепенно, однако, под напором того, что Анна Вежбицка называет свойственной русскому языку *moral passion*, это осуждение в слове появилось. А вот теперь концепция меняется. Правда, слово *гонор* пока никто, кроме покойного Солженицына, не готов употреблять как хвалебное, но *апломб* уже, кажется, склонен последовать за *карьерой* и *амбицией*. Тем более, русская балетная школа…

[2008]

Позитивчик

Сейчас в моде слова *позитивный, позитивно, позитив*. Спросишь: “Ну, как в кино сходили?” И получаешь энтузиастический ответ: “Очень *позитивно*!” Один из сайтов – он, собственно, так и называется: “*Позитивный* сайт” – призывает: “Живи позитивом!” А бойкое слово *позитивчик* – это тоже из интернета: кто-то добрый предлагает “халявную музыку, юмор и приколы”.

Слово *позитивный* – давнее заимствование в русском языке. Причем это тот характерный для нашего языка случай, когда сосуществуют прямое заимствование *(позитивный)* и калька *(положительный)* – с причудливым распределением по математическим, философским, грамматическим и прочим контекстам.

Конечно, в ряде случаев эти два слова более или менее взаимозаменимы: например, можно сказать *положительные изменения, положительный импульс, положительный настрой* или *позитивные изменения, импульс, настрой*. Но часто *положительный* нельзя заменить на *позитивный: положительный герой, положительное число, положительное безобразие* (в смысле “форменное”). А теперь вот появились и контексты, в которых *позитивный* никак не заменишь на *положительный: развлекательный позитивный портал, позитивный визит* (так называлась недавняя статья о визите

Путина куда-то там), *позитивное видео*. Кстати, совершенно не обязательно подобные контексты строятся по образцу английского *positive.* Они возникают вполне самостоятельно в соответствии с пониманием новообретенного концепта.

Мне нравится пара: *положительный человек* и *позитивный человек*. Совершенно разные вещи.

Положительный человек – такой морально устойчивый, нудновато-правильный, надежно-предсказуемый, за которого мама мечтает выдать дочку, а дочка сопротивляется, дура. А *позитивный человек* (так сейчас говорят, хотя пока не все привыкли) – это совсем на другую тему.

Что же вообще такое *позитив* в этом современном смысле? Один из попавшихся в интернете *позитивных сайтов* имеет подзаголовок “Заметки оптимиста” и “говорящий” адрес *iamfine.ru.* Очень тонко. Итак, общий оптимизм, умение видеть во всем в первую очередь хорошие стороны, приписываемая американцам манера отвечать *I am fine,* вместо того чтобы обрушить на собеседника кучу жалоб на жизнь, вообще принцип *Keep smiling* (в русской версии – “Улыбайтесь, господа, улыбайтесь!”). И еще конструктивность. Это та же жизненная установка, что заложена в другом популярном теперь слове – *проблема*. Я уже писала, что вместо прежнего “У меня *неприятности*” теперь часто скажут: “У меня *проблемы*”, встроив в саму эту констатацию мысль, что надо искать решение. Про *позитивное мышление* пишут книжки и проводят семинары, на специальных тренингах учат, как

стать *позитивным человеком,* объясняя, что без этого никакой *успех* невозможен.

Так что *позитивный человек* – это такой, у которого *позитивная* жизненная установка, который думает *позитивно* и которому поэтому обеспечен карьерный рост и прочие радости жизни. Или еще это такой, от которого при взаимодействии с ним получается *позитивный* эффект – практический или эмоциональный.

И я понимаю, что значит *Позитивно в кино сходили.* Не зря потратили время и деньги: и от фильма удовольствие получили, и пообщались вполне душевно – в общем, сплошной *позитив.*

[2007]

Выбирай, дарагой!

Был когда-то анекдот про Брежнева и грузина с арбузом.

> ""Выбирай, дарагой!" – "Как же выбирать, когда он один?" – "Э! Ты у нас адын, мы тэбя выбираем!"

Анекдот, понятное дело, разоблачает фальшь официоза. Едва ли, однако, значительная часть народа причисляла отсутствие свободных выборов к худшим преступлениям режима.

Выбор никогда не был в русской культуре экзистенциальной ценностью.

Когда западные противники абортов начинали пикетировать клиники под лозунгом *PRO LIFE*, можно было спросить любого носителя русского языка, как он думает, каков был лозунг защитников абортов, и вряд ли кто-то догадался бы, что лозунг был – *PRO CHOICE. Жизнь* и *выбор* как две сопоставимые ценности – воля ваша, это как Божий дар с яичницей. *Свобода* – да, конечно, это ценность, но *свобода* не ассоциировалась у нас с *выбором. Свобода* и тем более *воля* – это в первую очередь когда не мешают, не пристают, не заставляют. А *выбор* с его сомнениями, головной болью, с риском ошибки и последующих сожалений – что ж здесь особенно хорошего? Когда-то давно я читала о психологическом исследовании, в котором у польских и советских студентов спрашивали про ассоциации.

И вот поляки в качестве первой реакции на слово *свобода* дружно выдали – *выбор*. А наши отвечали как-то вразнобой, не помню как, но *выбор* не фигурировал.

Да что там психологические тесты, вспомним стихотворение Губермана:

> “Свобода – это право выбирать,
> с душою лишь советуясь о плате,
> что нам любить, за что нам умирать,
> на что свою свечу нещадно тратить.

Почему же оно звучало так вызывающе, даже парадоксально? Казалось бы, почти плеоназм. Ну да – *свобода*, конечно, – это право выбирать. А что же еще?

Но вот как-то не было такой тривиальной связи в русском языке. Возможно, это связано с его фаталистичностью – всякими там *авось* и *не судьба*, с нелюбовью к ответственности – *не работается, угораздило, образуется*.

Кстати о поэзии. Помните, как мы любили стихотворение Левитанского?

> “Каждый выбирает для себя
> Женщину, религию, дорогу.
> Дьяволу служить или пророку,
> Каждый выбирает для себя.

И потом финал, финал:

“Выбираю тоже, как умею.
Ни к кому претензий не имею.
Каждый выбирает для себя.

Думаю, нам оно так нравилось не просто потому, что это хорошее стихотворение. Оно звучало, в особенности положенное на музыку Берковским и исполненное Никитиными, как гимн индивидуальному *выбору*. Черт бы с ним, с Брежневым, но уж женщину и слово для любви я сам себе выберу. В каком-то смысле это было революционнее, чем открыто антисоветские тексты.

Я запомнила одну рекламу первых лет нового капитализма: “При всем богатстве выбора другой альтернативы нет. НПО «Альтернатива»”. Закручено, конечно, лихо: *нет альтернативы, другая альтернатива*. Но ясно одно: предполагается, что человека богатство *выбора* пугает, а отсутствие необходимости делать *выбор* успокаивает.

И вот в последнее время что-то стало меняться. В рекламных слоганах все чаще мелькает слово *выбор* в самом положительном контексте.

Особенно ясно видно, как меняется ценностный статус выбора, по распространению идеологии подарочных карт: “Подарите ей *выбор*!” То есть лучший подарок – не духи, например, а возможность самой выбрать духи. Держать в руках яркий кусочек пластика, который можно по своему желанию превратить вот в тот флакончик духов или вон в тот, а можно

и вовсе в тушь, тени и помаду. Такого цвета или вот такого… Или все же духи? Ходить по магазину, принюхиваться, колебаться, зная, что что-то из этого уже твое, а надо только решить что. Если так пойдет дальше, то мы постепенно уверуем, что сама по себе возможность выбора – это большая ценность. Вот интересно: в политической жизни пространство выбора в последнее время все сужается. Но есть, как нас учат отцы экономического либерализма, невидимая рука рынка, и она рулит куда надо. А грешный наш язык, естественно, готов транслировать новые соблазны – соблазны *выбора*.

[2007]

События и размышления

“Доверьте ваше событие профессионалам!” – так звучит рекламный слоган одного агентства по организации праздников. Другое такое агентство так и называется – “Событие”, а еще одно – с большей претензией – “Министерство событий”. А вот компания *Event-cafe* предлагает полный спектр услуг по организации событий и мероприятий, в их числе презентации, модные показы, корпоративные вечеринки… Или вот еще формулировка: “Организация Событий: корпоративы, свадьбы, детские праздники…” Мне понравилось и сочетание *свадебное событие*. Ну, то, что русское слово *событие* употребляется здесь по образцу английского *event* – это и так понятно. Более того, это самое *event* не всегда и переводится. Вот пример:

> “В Авторской школе Сергея Князева для *event-менеджеров* была разработана методика, позволяющая обучать специалистов в области организации мероприятий… Обучение этой, сравнительно новой в России, профессии – *event-менеджер* – необходимо и, главное, востребовано. За прошедшее время школа подготовила и переподготовила более 300 *ивенторов.*

И вот еще там же: “Учиться *event’y,* не выходя из дома!”

Сложнее другое: а в чем, собственно, необычность таких употреблений слова *событие*, как во фразе *Доверьте ваше*

событие профессионалам? Русское слово *событие* толкуется в словарях примерно так: “то, что произошло, случилось, значительное явление, факт общественной или личной жизни”.

Произошло, случилось – значит, скорее всего, в ходе естественного течения жизни. Но тогда *организация событий* – это нечто странное.

Разумеется, и *несчастный случай* можно *организовать,* но это будет значить, что кто-то организовал покушение так, чтобы выдать его за несчастный случай. А название “Министерство событий” наводит на мысль о небесной канцелярии или о чем-то таком.

Такое же значение, как у русского *событие,* есть и у английского слова *event.* Но есть у него и другие значения. В частности, *event* может пониматься как “мероприятие” и указывать на праздник, концерт, прием, торжественную церемонию, спортивное соревнование и т. п. Собственно, слово *мероприятие* вполне годится во многих случаях в качестве эквивалента этого *event.* Оно даже и продолжает использоваться в этом качестве. Но слово *мероприятие* – такое суконное, казенное и совсем не праздничное. Его недостаточно. Часто *event,* а особенно *special event,* до сих пор переводят как *праздник*. Но у этого слова значение более узкое, не всякое *event* можно назвать *праздником.* Так что у нового употребления слова *событие* все шансы закрепиться, а с ним и у сочетания *специальное событие* (иногда, впрочем, говорят

особое событие). И правда, в нашей новой реальности куда же без *special event* – этого краеугольного камня пиара.

Это раньше события *происходили,* а потом сообщения о них становились новостями. Теперь считается, что события надо *планировать* и *организовывать,* причем сразу с таким расчетом, чтобы из них сами собой получались удобные и эффективные новости.

[2008]

В неслыханную простоту

Если постоянно наблюдать за языковыми изменениями, то можно заметить, что явления, на первый взгляд разрозненные и случайные, как-то друг с другом перекликаются. Вот, например, многие новшества последнего времени концентрируются вокруг идеи простоты.

Простота вообще-то, как известно, вещь сложная, и языковые процессы это подтверждают.

Вот уже несколько лет, как многие люди замечают, что в русском языке утрачивается смысловое различие между словами *трудно* и *сложно*: “Вам не *сложно* закрыть дверь?”, “Передайте, пожалуйста, соль, если вам не *сложно*”. Вообще-то слово *трудно* указывает на усилие, которое требуется для выполнения действия, а слово *сложно* – на то, что имеется много компонентов ситуации, которые надо согласовать, много факторов, которые надо учесть. Скажем, человек не хочет ехать с двумя пересадками: хоть это и быстрее, но очень *сложно.* Или не может настроить *Bluetooth* в телефоне – *сложно.* Одна моя знакомая втолковывала своей (очень интеллигентной, даже рафинированной) дочке: “Почему ты говоришь «*сложно* дозвониться»? Что, номер какой-то очень длинный? Например, по некоторым карточкам звонить *сложно* – нужно вводить кучу кодов. Нет, просто номер все время занят. Значит, надо говорить «*трудно* до-

звониться»!" Да и меня сын недавно спросил: "Мам, я забыл, какая, ты говоришь, разница между *трудно* и *сложно*?" Видимо, с этим уже ничего не поделаешь.

По-моему, сейчас *сложно* используется как легкий эвфемизм, для вежливости: людям кажется, что *трудно* грубоватое слово – как-то бесцеремонно указывает на усилие. Хотя, с другой стороны, вместо *трудно* часто говорят *тяжело (тяжело сказать)*, а там ведь тоже усилие. Ну не знаю.

Любопытным образом слова *простой, сложный, трудный* сейчас используются для характеристики выражения лица. Говорят: "Лицо сделай *попроще*!" В смысле "Твоя недовольная физиономия тут неуместна". А вы знаете, что такое *на сложных щах*? Вот небось не знаете. Это значит "с высокомерным, презрительным, мрачным и т. п. лицом". В этом выражении замечательно использованы все три слова. Во-первых, предлог *на* в моем любимом употреблении *(пришел на костюме, весь на кажуале)*. Во-вторых, слово *щи* в значении "лицо". Оно, кстати, обсуждается на форуме *Lingvo* "Городские диалекты" в качестве довольно распространенного среди московской молодежи. Там, правда, не отражена не лишенная фонетической изысканности угрозительная формула *Ща по щам*. И наконец, революционно употреблено и слово *сложный*. Мне понравилось, как кто-то на своей страничке описывает путешествие в затерянный город инков в Перу:

"Идет дождь, и по ступенькам вверх и вверх – я так

не могу, и сердце стучит, и в куртке жарко, а без куртки холодно… вопщем, поэтому на всех фотографиях у меня *сложные щи.*

Я поинтересовалась у сына: “А *трудные щи* бывают?” – “Не встречал, – говорит. – Да ты ж сама любишь объяснять про разницу между словами *трудный* и *сложный*!” Конечно, люблю. Но факты прежде всего. В интернете встречаются и *трудные щи* – вот, например, человек рассказывает о проникновении на закрытую территорию: *сделали,* мол, *трудные щи,* и борсетка придавала солидности. Если я правильно понимаю, это то же, что раньше назвали бы *сделав морду лопатой*.

Но это еще не всё.

Я много раз задумывалась, почему людей… даже не раздражает, а как-то беспокоит современное словечко *легко*. “Ты сможешь это сделать?” – “Легко!” Меня часто спрашивают: что это вообще такое, почему, откуда? А ведь слово-то даже не иностранное и вполне прозрачное по смыслу. Мне кажется, дело здесь в том, что такой способ отвечать совершенно противоположен обычной русской стратегии, наиболее ярко воплощенной в слове *постараюсь*, о котором мы в свое время писали с Анной Зализняк.

“Ты сделаешь?” – “Постараюсь”. Говоря так, человек вроде бы и не отказывается и даже намекает на готовность приложить усилия, но в то же время не берет на себя ответственности и вообще не гарантирует, что хотя бы приступит к вы-

полнению просьбы.

Для ответственного человека такой ответ – средство избежать пустого обещания, для легкомысленного – способ отмахнуться. Поэтому собеседник часто не принимает этого ответа. Мы когда-то приводили замечательный пример:

> “– Папа, ты меня извини, но надо как-то с Валентином Осиповичем… Ты уж соберись, хотя я знаю, удовольствие небольшое…
>
> – Я поговорю, – сказал Павел Евграфович. – *Постараюсь.*
>
> – Нет, уж ты не тяни. На следующей неделе будет правление, а в конце месяца общее собрание (Ю. Трифонов. *Старик*).

За ответом “Постараюсь” стоит много характерных свойств русской языковой картины мира: и представление о том, что уверенно говорить о будущем вообще трудно, и идея, что результат действий человека не вполне предсказуем – может, *получится,* а может, нет, да и вечная надежда, что все как-то само рассосется – *образуется* – и делать вообще ничего не придется.

И вот сейчас в ответ на просьбу мы часто слышим от молодежи: “Легко!” Конечно, это не мешает молодым людям порой манкировать своими обещаниями. Просто изменились речевые обыкновения: по-русски становится можно уверенно высказаться о будущем и о планируемом результате собственных действий.

[2007]

Каждому по труду. О конкуренции между словами

Я обратила внимание, что в последнее время все чаще вместо уже привычного слова *трудоголик* стало употребляться слово *работоголик*. Это чрезвычайно занятно. Вообще оба слова сейчас употребляются весьма активно. Они постоянно встречаются в современных пособиях по психиатрии и психологии. В статьях по медицине можно прочитать:

> “Кроме уже известных негативных последствий переработки, таких как: повышенное кровяное давление, аритмия, боль в груди, депрессия и хроническая усталость, *трудоголикам* грозит сердечный приступ. Результаты проведенного недавно исследования показали, что, если человек – *работоголик*, то это обязательно означает наличие у него подорванного здоровья.

Этими словами переполнен интернет. На одном из сайтов женщина жалуется: “Мой муж – *трудоголик*”. На другом предлагается психологический тест, позволяющий определить, не *работоголик* ли вы.

Трудоголик (работоголик) – это человек, полностью поглощенный работой. Правда, словари слово *работоголик* еще практически не освоили, а слово *трудоголик* дают с пометой “разговорное” или “шутливое”. Кажется, это совер-

шенно не соответствует его современному употреблению.

Слова *трудоголик* и *работоголик* – это разные переводы английского слова *workaholic.* Источником их является слово *alcoholic* (“алкоголик”*),* и смысл их в том, что как алкоголик впадает в зависимость от спиртных напитков, так и *трудоголик* оказывается психологически зависимым от своей работы. Английское *work,* собственно, и переводится русскими словами *труд* и *работа*. При этом на самом деле здесь совершенно не безразлично, какое из них выбрать.

Между словами *работа* и *труд* есть несколько смысловых различий, однако в данном случае особенно существенно одно. *Работа* ставит в фокус внимания объект, а *труд* – субъект, самого человека. Для *работы* очень важно ее содержание. Поэтому можно говорить о *сделанной работе.* Можно *произвести работу,* но невозможно *произвести труд.* Можно сказать: “У меня много *работы*” – т. е. предстоит много сделать. Однако никто не скажет в этом смысле: “У меня много *труда*”.

С другой стороны, *труд,* даже подневольный, – это всегда самовыражение человека. Можно *дать себе труд* сделать что-то, но нельзя *дать кому-либо труд.* Для *труда* на первом плане усилия. Говорят о *затратах труда,* т. е. о количестве затраченных на достижение какой-либо полезной цели усилий.

Соответственно сочетания *много/мало работы* и *много/мало труда* имеют разный смысл. В первом случае го-

ворится о масштабе задачи, во втором – о потраченных силах и времени. Допустим, вы пришли забирать автомобиль из ремонта, а мастер просит прибавить, мотивируя это так: “*Работы* было очень много: пришлось разбирать весь двигатель”. Вы же можете возразить: “Вы затратили так много *труда* только из-за недостатка опыта”. Поменять в этом диалоге местами слова *работа* и *труд* абсолютно немыслимо.

Исходя из всего этого, слова *трудоголик* и *работоголик* должны значить не вполне одно и то же.

Трудоголик – это скорее человек, который не может оставаться без дела, которому необходимо постоянное приложение усилий. В этом отношении слово *трудоголик* сходно со словом *трудотерапия*. Для *трудотерапии* важен сам тот факт, что человек трудится, а содержание, цель его деятельности отодвинуты на второй план. Иное дело *работоголик*. Это скорее азартный человек, который стремится к достижению результата и для этого готов работать круглые сутки.

Я говорю, что слова *трудоголик* и *работоголик* должны пониматься таким образом, просто исходя из значений слов *труд* и *работа*. Однако реально эти слова еще не вполне устоялись, и значение их в русском языке еще не до конца определилось. Возможно, через какое-то время какое-то из них победит в конкурентной борьбе, вытеснит второе. Что ж, поживем – увидим.

Между прочим, в советских идеологических клише “оплата по *труду*”, “От каждого по способностям, каждому

по *труду*” слово *труд* изначально было употреблено неточно, поскольку по замыслу имелся в виду скорее конечный результат деятельности, чем затраченные усилия. Предполагалось, что до наступления коммунизма, когда каждый будет получать *по потребностям,* при социализме больше будет получать тот, кто больше сделал, а не тот, кто больше устал. То есть на самом деле не *по труду,* а *по работе, по результату.* Но в реальности все получилось не по замыслу, а по слову. Печально знаменитый затратный принцип – это, собственно, и есть *оплата по труду*.

[2006]

В хорошем смысле

Некоторое время назад в Орле произошла такая история. Одна журналистка написала статью “Край непуганых ментов”, а оскорбленные правоохранительные органы подали в суд, утверждая, что в УВД нет такой должности – “мент”. Правда, дело они проиграли. Похожие случаи были и в других городах.

Слово *мент* появилось в русском языке достаточно давно. Уже в словарях начала XX века, посвященных блатному жаргону, оно фиксируется со значением “надзиратель, постовой”. Это слово было заимствовано из польского жаргона. По происхождению оно, по основной версии, связано с *ментиком* – короткой гусарской накидкой. В 20-е годы XX века слово *мент* стало было устаревать, вытесняемое синонимом *мусор*, однако впоследствии стало использоваться более активно. В позднесоветское время это пренебрежительное обозначение было общеизвестным и широко употребительным, причем не только в уголовной среде. Все мы помним его хотя бы по старым шуткам и анекдотам вроде таких. Загадка: “Что такое постамент?” Отгадка: “Постовой милиционер”. Или: “Что это за машина?” – “Цементовоз”. – “А почему там люди?” – “Так це менты”.

В постсоветское время слово *мент* стало употребляться еще более широко, причем прямо на наших глазах с этим

словом происходят изменения: оно все чаще выступает в нейтральном или даже положительном контексте. Например, человек может в критической ситуации закричать: “Скорей вызывай *ментов*!” Естественно, никакого пренебрежительного оттенка тут не будет.

Вот еще примеры, встретившиеся в интернете: “Я *мент*”, “Я работаю *ментом*”, “Я знаю настоящих *ментов*, кто именно делает свою работу невзирая ни на что, не будем путать сюда мелкую шваль, недостойную звания *мента*”. А вот пример из “Новой газеты” за 2004 год, где с восхищением говорится о мужестве милиционеров:

> “Ингушские *менты* – народ героический. В ночь на 22 июня, когда были атакованы МВД, отделения милиции и другие объекты, никто не пришел к ним на помощь. Но они дрались до последнего. Отстреливались, рассчитывая только на собственные силы. И если даже не хватало сил, то ни разу не случилось так, чтобы кому-то не хватило бесстрашия.

Ну и, разумеется, нельзя не вспомнить название популярного телесериала – “Менты”, сыгравшее немалую роль в реабилитации этого слова. Изменение оценочного потенциала слова *мент* особенно заметно на фоне двух его основных жаргонных синонимов – слов *легавый* и *мусор*. В отличие от слова *мент*, для этих двух слов по-прежнему невозможно употребление в нейтральном и тем более положительном контексте.

Никогда не говорят: “Я работаю *мусором*”, “Я работаю *легавым*”, “Мелкая шваль, недостойная звания *мусора*”, “Ингушские *легавые* – народ бесстрашный”.

В современном языке встречается даже такое противопоставление: “Ты просто *мусор*, а не *мент*”. Эта фраза совершенно понятна любому носителю языка: она выражает ту мысль, что человек, о котором идет речь, – плохой, недостойный представитель правоохранительных органов. Фраза “Ты просто *мент*, а не *мусор*” абсолютно не может выражать этот смысл, что ясно свидетельствует о разнице в оценочном потенциале двух слов.

Важно еще вот что. Такие обозначения, как *милиционер, сотрудник милиции, работник правоохранительных органов*, чересчур длинны и официальны, обиходный язык нуждается в более коротких и фамильярных обозначениях вроде американского *коп* (полицейский), которое используют и сами полицейские. И тут слово *мент* имеет все шансы.

Вообще, принятие изначально негативного ярлыка в качестве самоназвания очень типично, особенно для разного рода политических группировок и эстетических направлений. Так, например, слово *декаданс* означает “упадок”, слово *декадент* первоначально использовалось как ругательство. Однако представители соответствующего художественного направления с удовольствием сами применяли это слово к себе, и постепенно оно стало стандартным наименованием самого течения.

[2005]

В самую точку

Часто бывает так, что некое слово вдруг выскакивает откуда-то и внезапно оказывается у всех на устах. И уже невозможно поверить, что недавно никто его знать не знал. Ну, кроме кучки специалистов. Вот спроси у любого москвича про ситуацию с возведением новых домов прямо во дворах старых – и любой обязательно произнесет это сакраментальное сочетание: *точечная застройка*. В нем – в этом сочетании – сосредоточен весь ужас ситуации, когда люди в отчаянии чувствуют, как трясется и идет трещинами их дом, наблюдают, как вырастает стена нового строения прямо перед их окнами, закрывая им солнце, глохнут от нечеловеческого шума строительных работ, задыхаются от цементной пыли – понимая при этом, что нарушены все и всяческие нормы, но жаловаться бесполезно, потому что цена вопроса слишком высока.

Точечная застройка звучит сейчас почти так же угрожающе, как недавно звучало другое модное сочетание – *точечный удар* (в отличие от *ковровой бомбардировки*).

Точечная застройка – и вот уже спилены тополя, посаженные в детстве на субботнике, – а вот и котлован зияет на месте детской площадки…

Между тем не то чтобы сочетание *точечная застройка* кто-то недавно придумал в пылу баталий. Оно давно суще-

ствовало как градостроительный термин. Просто когда экстенсивное разрастание Москвы путем клонирования бесконечных Черемушек стало сменяться поиском свободных пятачков, на которые можно втиснуть парочку небоскребиков, сочетание *точечная застройка* перестало быть термином и стало боевым кличем. Типичная ситуация. Когда какая-то тема приобретает большую общественную значимость, это часто находит свое выражение в том, что какой-либо термин или термины из соответствующей области становятся достоянием общего языка – иногда не без смысловых потерь и искажений.

Чудный синоним *точечной застройки – уплотнительная застройка*. Тут уже слышен голос не строителя, а чиновника.

Уплотняют Москву, как уплотняли раньше профессорские квартиры, подселяя по семье в каждую “лишнюю” комнату. Потому что то, что было *домом,* стало *жилплощадью.* Ах, не можете обедать в смотровой? Не обедайте.

Я еще вот о чем все думаю. Ведь в Петербурге градостроительная ситуация, в общем, похожа на московскую. Она должна тоже выражаться какими-то словами – только вряд ли это может быть *точечная застройка*. И вот почему я так считаю.

Тут все дело в различиях между московским и питерским вариантами литературного языка. Это не только всякие старинные *поребрики* и *парадные*. То, что у нас называется *ша-*

урма, в Питере – *шаверма*. А то, что у нас называют *башней*, в северной столице именуют *точечным домом* или *точкой*. Кстати, в разных городах России одноподъездные многоэтажные дома называются еще *высотками, свечками* или *шишками*. А в Москве *высотки* – это вовсе не *башни,* а “сталинские” *высотки.* Ну так вот. Если в питерском языке за прилагательным *точечный* уже закреплено вполне определенное архитектурное содержание, то сочетание *точечная застройка* оказывается неоднозначным и для написания на знамени непригодным. И все же в Петербурге нашлось аналогичное сочетание, выплеснувшееся за пределы строительного языка и ставшее невероятно популярным. Это выражение *пятно застройки* или *пятно под застройку*.

Петербуржцы обсуждают современные градостроительные проблемы, лихо оперируя именно этими выражениями. Так что если в центре Москвы исчерпала себя *точечная застройка,* то в центре Петербурга не осталось *пятен под застройку.* В общем, любимый город может спать спокойно. Оба любимых города.

[2008]

Какая-то не такая

Есть такая телевизионная реклама: девушка разговаривает по телефону и одновременно делает себе бутерброд с каким-то мягким сыром. Текст следующий:

> “Представляешь, пошла вчера по магазинам, она с *таким* красавчиком идет, вся модная, и прическа… А вчера сама *такая* позвонила, оказывается…

Что оказывается, нам не суждено узнать, потому что девушка в этот момент надкусывает свой бутерброд и выпадает из общения. Но главное произнесено: *сама такая позвонила.* Это употребление местоимения *такой* существует довольно давно, но в последнее время очень распространилось. Лингвисты уже обратили на него внимание и изучают на материале записей разговорной речи. Чаще всего это местоимение используется для введения прямой речи, вместо речевого глагола или вместе с ним, скажем, “Она *такая*: «А сколько вам лет?»” или “А я *такая* говорю: «Я здесь останусь»”. Но это не обязательно: “Я *такая* сижу, книжку читаю”. В этом слове есть изобразительность, приглашение представить себе, как именно это выглядело, даже какое-то любование. Не знаю, может, кто-то и может сказать: “А она *такая* побледнела и мгновенно умерла” или “Я *такой* приставил ему нож к горлу”, но обычно все же это слово попадается в легкомысленном девичьем щебетанье. Примеры пока-

зывают, что его можно встретить и в мужской речи, но больше оно все-таки женское.

Я бы сказала, что в сочетании *я такая* есть легкое жеманство и трогательный нарциссизм.

Недавно в такси я услышала песенку. Сюжет ее вкратце таков: девушки приходят на пляж. Солнце, море, прекрасная природа и интересные представители противоположного пола, однако им, этим представителям, скучно. Героини песни быстро решают эту проблему. Так незаметно проходит лето, но теперь есть что рассказать подружкам, хотя и с купюрами. Если вы разбираетесь в современной музыкальной культуре, то, возможно, догадались, что речь идет о песне "Море зовет" группы "Фабрика". Но это я потом выяснила, что есть такая группа – детище "Фабрики звезд", что мелодию этой песни можно установить на телефон. Правда, автор слов, как, впрочем, и музыки, остался мне неведом. А тогда я обратила внимание как раз на необычное употребление местоимения "такой":

"Море зовет,
Волна поет,
А мы *такие* загораем.
Море зовет,
Диджей готов,
А мы *такие* зажигаем.
Ла-ла-ла…
Море зовет,

Волна поет,
А мы *такие* загорели.

В первой фразе – “А мы *такие* загораем” – все нормально. Девушки красивые, спору нет, поэтому вполне естественно, что они предлагают всем мысленно полюбоваться, как они загорают. Совсем другое дело – фраза “А мы *такие* зажигаем”. Об этом глаголе я еще как-нибудь напишу отдельно, но сейчас важно, что он не указывает на какое-либо конкретное действие. *Зажигать* можно самыми разными способами, главное, чтобы было… *зажигательно*.

И когда говорят, что кто-то *зажигает,* мы понимаем, что человек хорошо проводит время, но не можем себе точно представить, что именно он делает. А в такой ситуации использовать “изобразительное” местоимение *такой* довольно странно.

Действительно, одно дело “Я *такая* захожу”, “Я *такая* сижу, курю” или даже “Я *такая* зажигаю спичку и подношу к его сигарете” – но совсем другое “Я *такая* развлекаюсь”, “Я *такая* пускаюсь во все тяжкие” или “Я *такая* зажигаю”. По-моему, это неудачно.

И уж совсем неестественно звучит фраза: “А мы *такие* загорели”. Местоимение *такой* в сочетании с глаголом служит сигналом, что надо “увидеть”, как именно это происходило, а за ним следует форма *загорели* с, так сказать, перфектным значением – она предлагает сконцентрироваться как раз не

на процессе, а на результате. Как нам объясняли когда-то про значение глагольных форм серии *perfect* в английском языке: действие завершено, и результат налицо. То есть, в данном случае, на лице. И не только. Так что уж либо “Мы так загорели”, либо “Мы такие загоревшие”.

Но тут вот что интересно. Мне могут возразить: какое вообще может быть правильно-неправильно, когда речь не идет о кодифицированном литературном языке?

А кто-то еще скажет: да это все неправильно. *А я такая захожу* – тоже, мол, неправильно.

Тем более что я сама не являюсь носителем той разновидности русского языка, где есть значение местоимения *такой*, о котором я повествую. А девушки-фабрикантки, вероятно, как раз являются. Можно сказать: раз их устраивает, значит, для них это правильно.

И все же я уверена, что “А мы *такие* загорели” – неправильно, неправильно, неправильно. И в жизни даже сами певицы так наверняка не говорят.

[2007]

Культура и отдых

Среди слов – героев нашего времени – выделяется словечко *отдыхает*. Например, человек на вопрос о том, хорошо ли поет его сосед, жизнерадостно отвечает: “Басков *отдыхает*!” Хорошо, значит, поет. К одним людям это слово прилипло и не отлипает, других от него трясет, третьи цитируют его со смехом. Что-то в нем есть такое – дразнящее.

Сама по себе логика тут понятна.

Например, *освободить от занимаемой должности* – это такой эвфемизм. Как будто должность тяготит человека. На самом-то деле имеется в виду, что место от человека освобождают.

Да и слово *уволить* – от воли. И, скажем, немецкое *entlassen* – “уволить”, а буквально “отпустить”. “Посредников просят не беспокоиться” – читай *не беспокоить*. Так что в принципе все понятно, но интересно: откуда взялась именно эта формулировка? У меня есть гипотеза, но сначала хочу сказать о самом глаголе *отдыхать*.

Этот глагол за два последних века довольно сильно изменил набор своих значений (его эволюцию недавно подробно описала моя коллега Анна Зализняк). Например, у него были значения “не умереть, остаться живым” и “успокоиться, убедившись в том, что опасность миновала”:

> “Я подумал, что дедушка умер ‹…›, но Параша

скоро воротилась и сказала, что дедушка начал было томиться, но опять отдохнул (С. Т. Аксаков. *Детские годы Багрова-внука,* 1858).

“Для шутки камешек лукнул
И так его зашиб,
что чуть он *отдохнул* (И. Дмитриев. *Два голубя,* 1795).

“…с одним нахалом казаком, которого за насмешки я хватил неловко по голове нагайкою ‹…› да, к счастию, он *отдохнул* (М. Н. Загоскин. *Юрий Милославский, или Русские в* 1612 *году,* 1829).

“– Фу, братец, как ты меня напугал, – проговорил Заруцкий, садясь на канапе, – насилу могу *отдохнуть*! (М. Н. Загоскин. *Вечер на Хопре*, 1834).

Вообще раньше *отдых* был больше связан с *дыханием (отдохнуть* как *отдышаться* или *перевести дух).* В XX веке значение избавления от усталости стало у слов *отдыхать* и *отдых* основным. У них также развилась идея неработы и особым образом проводимого досуга: *проводить на заслуженный отдых*, т. е. на пенсию, *дом отдыха, парк культуры и отдыха, зона отдыха, отдыхающие, культурно отдыхать* (что бы это ни значило), *я уже отдохнул* (в этом году уже съездил в отпуск) и т. д. Оно и понятно: канонизация форм отдыха служила необходимым дополнением культа труда.

Доходило до смешного, как в знаменитой формуле борьбы рабочих за свои права: “Восемь часов работе, восемь часов отдыху, восемь часов сну”. Это – то есть поездка на работу и обратно на трамвае, стояние в очереди за туалетной бумагой, чистка картошки, стирка и пр. – это все отдых. Потому что не *работа*, в смысле не общественно полезный труд.

В связи со словом *отдыхать* нельзя не вспомнить замечательный довлатовский пример:

> “Случилось это в Пушкинских Горах. Шел я мимо почтового отделения. Слышу женский голос – барышня разговаривает по междугородному телефону:
>
> – Клара! Ты меня слышишь?! Ехать не советую! Тут абсолютно нет мужиков! Многие девушки уезжают, так и не *отдохнув*! (С. Довлатов. *Соло на ундервуде,* 1980)

Пример, конечно, шуточный, но совершенно понятный: *не отдохнув* – значит не получив того, за чем ехали в отпуск, которого дожидались 11 месяцев, томясь на работе.

Но вернемся к новому употреблению глагола *отдохнуть (Басков отдыхает)*. У меня есть гипотеза, откуда оно взялось. Это, впрочем, чистая игра ума, никаких доказательств у меня нет. Мне кажется, что оно пришло из спорта, прежде всего из тренерской речи. Я представляю себе, например, футбольного тренера, который производит замену игроков на поле. Удаляя игрока, он как раз и может сказать: “Такой-то *отдыхает*”. *Отдыхает*, то есть не работает, то есть не нужен, то есть недостаточно хорош.

Здесь характерна еще замена повелительного наклонения на изъявительное, причем на третье лицо: не *отдохни*, а *отдыхает*. Как будто это не распоряжение, а констатация свершившегося факта.

А скорее, тренер даже не заменяет игрока, а выбирает, кто выйдет на поле, а кто будет сидеть на скамейке запасных. Это *отдыхает* – формула отвержения. От нее один шаг до метафорического употребления: *Басков отдыхает*, потому что появился кое-кто получше. Сосед, то есть, который поет.

[2007]

Слово и дело

Хорошо известно, что для живой неподготовленной речи человеку необходимы особые языковые средства. Например, заполнители пауз и показатели неточности выбранного слова (всевозможные *типа, это самое, как бы*). Без них человек просто не успевал бы формулировать, облекать в слова свои соображения.

Так сказать, не мог бы угнаться за мыслями-скакунами. Этой же цели служат слова с максимально широкими значениями – типа *штука* или *хреновина.* Причем интересно, что иногда в этой роли выступают слова с исходно предметным значением *(штука, вещь)*, а иногда – с отвлеченным *(это дело)*. Вот у Галича:

> “Мы пивком переложили, съели сельдь,
> Закусили *это дело* косхалвой.

А у Окуджавы – наоборот:

> “Любовь – такая *штука*,
> В ней так легко пропасть.

Да это еще у Толстого было:

> ““Борис, подите сюда, – сказала она с значительным и хитрым видом. – Мне нужно сказать вам *одну вещь*.

Сюда, сюда", – сказала она и привела его в цветочную. "Какая же это *одна вещь?"* – спросил он. Она смутилась, оглянулась вокруг себя и, увидев брошенную на кадке свою куклу, взяла ее в руки. "Поцелуйте куклу", – сказала она *(Война и мир)*.

Читатель с легкостью вспомнит похожие словоупотребления и в других языках.

Разумеется, не всегда такие универсальные слова так уж полностью выхолащиваются. Например, *такая штучка*, казалось бы, то же самое, что *такая штука,* но нет – *штучкой* можно назвать все-таки скорее что-то из мира материального. Никому не придет в голову сказать: "Любовь – такая *штучка*".

Подобные словечки сменяют одно другое: то то входит в моду, то это. Они могут служить своего рода приметами времени. *Это дело* сейчас стали говорить как-то меньше, а одно время оно было очень популярно. Помню, даже в книжку "Русская разговорная речь" (1981) попал пример: "Засунь *это дело* (табуретку) на антресоль". Да и социально они различаются. Сомневаюсь, что кто-то из читателей активно использует слово *шняга (Что это там за шняга?)*. Или говорит так: *Дай-ка сюда вон ту ерунду!* И уж конечно, здесь есть и индивидуальные пристрастия.

Я это все вот к чему. В последние годы стремительно вошло в моду, особенно в языке молодежи, слово *тема: Тема такая – завтра идем в кино, Да у меня там в машине та-*

кая тема…, Такая классная тема – эта картошка. И даже в песенке поется: “Такая *тема* – врубайся, страна!”

Одобрение теперь часто выражают формулой: *А что! Это тема!* или просто *Тема!* А неодобрение, напротив: *Не-е, ну это ваще не тема*. Есть такая социальная реклама: “Наркотики – не моя *тема*”. Это не в том смысле, что журналист не специализируется на данном предмете, а в том, что человек их не употребляет. Источник такого значения понятен: *не тема* – значит, не о чем говорить, неинтересно, а отсюда и вообще – плохо.

У слова *тема* в этом употреблении сначала был какой-то приблатненный оттенок. Мне кажется, на его распространение очень повлиял телевизор, а именно сериал “Бандитский Петербург”. Это любимое слово главного мафиози по кличке Антибиотик, ставшего культурным героем довольно широких слоев населения. Сейчас блатной налет с *темы* вроде стерся.

Слово *тема* еще не прошло до конца свой путь. Пока я не слышала, чтобы говорили: “Вон ту *тему* положи в чемодан” или “Что-то эта *тема* подгорела”. Может, до этого дойдет, а может, и нет.

До *темы*, помню, слово *сюжет* пробовалось было на эту роль: *Тут такой сюжет…* Но как-то не привилось. Точнее, не вышло за пределы довольно узкого круга говорящих.

Зато другое близкое слово – *история* – уже употребляется вполне предметно. Например, в телевизионных передачах

о моде и интерьерах постоянно слышится: “Эта клетчатая *история* гармонирует с тем-то”, “Нашу барочную *историю* мы дополним тем-то”, “К такой роскошной шелковой *истории* необходимы каблуки”. Это слово, правда, используется не так широко, как *тема*, и социально оно совершенно другое, но оно тоже очень активно распространяется. Чудно сказала печально известная Елена Ямпольская: “Тут ничего не поделаешь – молодежи свойственно самоутверждаться. Это гормональная *история*, это духовная *история*…”

Уж не знаю, откуда вдруг такая мода на это популярное литературоведение в наше непростое время…

[2008]

Неформат

Собственно, чуть не половина моих заметок строится по одной схеме: *Включаю я тут телевизор и слышу… Вообще это слово сейчас стало употребляться очень активно… Даже так, например, стали говорить… И это не случайно…*

Так вот. Включаю я тут телевизор, а там одна из тех передач, где непосредственно в прямом эфире люди встречаются, влюбляются и женятся. И как раз герой передачи капризно так говорит: “Эта девушка – не моего *формата*”.

Конечно, слово *формат* было давно. Только раньше говорили о *формате* книг, потом мы узнали о *формате* файлов, а уж теперь *формат* появился буквально у всего: у радиопередач и телеканалов, у мероприятий и магазинов, у шоколадок, у напитков и у девушек.

В одной рекламе популярный шоумен произносит, закатывая глаза: “Какой *формат*!” – и уточняет: “Я о журнале, конечно”. Ну да, а то ведь всякий человек при слове *формат* представляет себе номер бюста или что-нибудь в этом роде. Я, кстати, не думаю, что, говоря *девушка не моего формата,* жених из телепередачи подразумевал именно и исключительно размеры. Он явно имел в виду то, что раньше называлось *не в моем вкусе*. Здесь важно то, что слово *формат* не просто распространилось в каких-то специальных контекстах, но и стало общеупотребительным. Вот уже и о

формате свидания говорят. Вот молодой человек жалуется, что повел девушку на прогулку, а она в недоумении:

> “Она начала спорить, что наша встреча не укладывается в *формат* свидания. Я спросил:
> – Что такое свидание?
> – Ну… это… когда в ресторане сидишь!

Интернет заполнен обсуждениями самого понятия *свидания* в терминах *формата:*

> “Свидание или нет – определяется ощущением (причем чисто субъективно, для себя) и абсолютно не зависит от *формата*. Кстати, *формат* обычно как раз определяется наличием/отсутствием этого ощущения, хотя, впрочем, и не всегда.

Или:

> “Свидание само по себе есть не что иное, как просто условленная встреча, и не имеет определенного *формата*.

А вот дискуссия на интересную тему: “Секс на первом свидании, ЗА и ПРОТИВ”. И кто-то решительно заявляет: “Смотря каков *формат* свидания”. А кто-то другой задает насущный вопрос: “Где устроить в Омске свидание *нон-формат*?”

Мой коллега рассказывал, как был поражен, услышав от сына, собиравшегося жениться: “Мы наконец определились с *форматом* свадьбы”.

И из нового, почерпнутого на НТВ: “Янукович был бы убит в гораздо более страшном *формате*, чем Каддафи”.

А мой любимый пример использования обсуждаемого слова – это набор шоколадных конфет “Формат”. Это показатель. На коробках шоколадных конфет всегда пишут самое заветное: их ведь дарят учительницам детей. Да и вообще шоколад – ну там, “гормон счастья” серотонин и пр. Раньше, к примеру, были конфеты “Родные просторы”. А теперь вот “Формат”. Почувствуйте, как говорится, разницу.

Формат в современном смысле – очень емкое слово. Оно подразумевает и то, что мы раньше обозначили бы как *канон* или, скажем, как *жанр (формат мероприятия),* и вообще любую совокупность заранее заданных свойств, необходимых для того, чтобы объект “вписывался” в ситуацию, соответствовал определенным требованиям и ожиданиям, был *успешным и эффективным.*

Эта установка на успешность в сочетании с чрезвычайной технологичностью делает слово *формат* таким непривычным для русской культуры и одновременно столь современным. Как многократно отмечали культурологи и философы, традиционная русская культура отличалась пониженной “достижительностью” и высокой степенью интуитивности. Но вот сейчас это меняется: как я уже говорила, на наших глазах появились выражения *успешный человек, эффективный человек*, стерся осуждающий оттенок у слов *амбициозный* и *карьера*, захватило все сферы жизни слово *проект*,

входит в моду слово *позиционировать*. Поэтому стремительное распространение слова *формат* действительно не случайно.

Обращаю внимание читателей, что заявленный в первом абзаце *формат* заметки выдержан полностью (в формальной поэтике это, кстати, называется *обнажение приема).* Но к пункту “не случайно” хочу добавить еще кое-что.

Формат теперь – важное культурное слово. Кому из пишущих людей не доводилось слышать от редактора: “Ах, это так интересно, но, к сожалению, не наш *формат*”. В смысле, подите вон.

Вечное противостояние мейнстрима, официоза, эстетического конформизма, масскульта, салона, попсы, с одной стороны, и андерграунда, альтернативы и всех прочих видов вольного парения духа, с другой стороны, концептуализуется сейчас в волшебном слове *неформат*. Как поет “альтернативная” группа *IFK*:

“*Неформат* – любимое слово,
В том, что для вас так ново,
В том, чего вы не знаете,
Хотя должны были бы знать.
Вас нельзя узнать,
Вас нельзя понять.
Нельзя понять то,
Что они называют
Радиоформат.

Вам нас не узнать,
Вам нас не понять

и т. д.

Сначала при помощи слова *неформат* душат все живое и прогрессивное, а потом само живое и прогрессивное превращает это слово в гордое самоназвание. Любой человек, немного знакомый с устройством культуры, понимает, что следующий шаг состоит в том, что сам *неформат* образует новый *формат*.

[2008]

Гад же ты!

Моя невестка спросила, различаются ли, на мой взгляд, по смыслу слова *гаджет* и *девайс*. Я, не задумываясь, ответила, что, да, конечно, различаются. У врачей есть такая шутка: здоровых людей нет, есть недообследованные. Так вот, многолетняя работа над синонимическим словарем (Новый объяснительный словарь синонимов русского языка, под общим руководством академика Ю. Д. Апресяна, вышел вторым изданием в 2003 году) убедила меня в том, что нет полных синонимов, а есть недоописанные.

Слова *гаджет* и *девайс* в русском языке не стали еще, конечно, общеупотребительными, но уже вышли далеко за рамки компьютерного сленга. Это вам не какие-нибудь *гизмо* или *виджет*. И хотя сейчас очень часто так и говорят *гаджеты и девайсы* – в качестве парного сочетания (вот, например, что нам пишут на сайте “DeviceGadget цифровые гаджеты и девайсы”: “Мы ежедневно перерываем весь Интернет в поисках гаджетов и в итоге находим самые оригинальные гаджеты и интересные девайсы”), – различаются эти слова действительно довольно существенно. Я, пожалуй, отметила бы три основных различия.

Во-первых, *гаджет* всегда очень маленький, а *девайс* – не обязательно. Можно сказать, что *гаджеты* – это такие “штучки”. А *девайсы* могут быть и “штуковинами”. *Гаджет*

именно своей миниатюрностью вызывает восхищение: надо же, такой маленький, хорошенький – а вот поди ж ты. Например, вмещает нереальное количество музыки и картинок, как *iPod*.

Во-вторых, *гаджет* – как он понимается сейчас – всегда цифровой (*гаджетами* даже называют некоторые элементы программного обеспечения), а *девайс* – не обязательно. *Девайсом* можно назвать и механическую мясорубку, и электропилу. Вообще *гаджет* скорее умненький (вспомним слово *смартфон),* а *девайс,* хороший *девайс* – скорее мощный. Даже турбомегамощный.

И третье различие между *гаджетами* и *девайсами,* которое труднее сформулировать, касается стоящей за словом системы ценностей и представлений о жизни. Оба слова – современные, технократические. В русском языке, я имею в виду. Их трудно перевести на английский: получатся банальные *устройства* и *приспособления.* В русском же языке оба слова излучают восторг перед прогрессом и достижениями технической мысли. Только ценность *девайса* скорее утилитарная: он облегчает человеку работу, помогает добиваться своих целей. *Девайс* отвечает какой-то практической потребности. *Гаждет* же имеет ценность более эстетическую и отвечает в основном потребности в новых ощущениях. *Гаждет* хорош тем, что он новый, забавный, интересно разобраться, где там у него что переключается, и вообще тем, что это же надо было такое выдумать. *Гаждет* – это игрушка. Не

обязательно буквально игрушка, как *PSP*, но по сути именно игрушка. Это модно, это, конечно, безумно дорого, но эту штучку хочется иметь, в нее хочется поиграть, а потом она, наверное, надоест или сломается. И слава богу, ведь к этому времени на рынке появится новый *гаджет.* Не потому, что в нем есть такая уж нужда, а потому, что прогресс не остановить. Еще недавно *гаджеты* понимались как шпионские штучки из арсенала Джеймса Бонда (всевозможные стреляющие лазером часы и взрывающиеся очки). Но современному человеку не надо обосновывать, зачем флэшка должна заключаться в часах, а телефон – в авторучке. Просто прикольно. Собственно, самое прекрасное – бесполезно. Эстетическое наслаждение бескорыстно и неутилитарно. Это ощущение фокуса, чуда, вероятно, поддерживается еще и тем, что, становясь все менее доступной пониманию обычного человека, современная техника обретает все более “дружелюбный интерфейс”: теперь уже четырехлетний ребенок, стянув родительский мобильник, запросто может качать картинки из интернета.

Идея “архитектурного излишества” очень важна для *гаджета.* Она хорошо видна и в шутливой этимологии этого слова: “Гад же ты!” – в бессильной ярости говорит жена мужу, угрохавшему всю зарплату на компьютерные прибамбасы. Кстати, объясняя слово *гаджет,* люди обычно и используют слово *прибамбасы,* а также *причиндалы, мулечки, фенечки.* Во всех этих и подобных словах, правда, нет ничего

технократического. И еще я бы сказала, что в этом ряду слово *причиндалы* – лишнее. Вот *прибамбасы,* да, это действительно всегда что-то необязательное. Так, каприз, фантазия. Но в слове *причиндалы* этого смысла нет.

Пожалуй, новое русское слово *гаджет* и вправду позволяет понять что-то важное о нашем времени. Но я вообще-то о другом.

Нам часто кажется, что язык состоит из слов и грамматики. На самом деле язык – это в первую очередь тончайший и мощнейший механизм фиксации, структурирования и трансляции смыслов. Мы тревожимся, что язык “засоряется” разного рода заимствованиями и жаргонизмами. А он вон как быстро и ловко управляется с этим сором! Слово *гаджет,* возможно, скоро снова канет в небытие. Но тот неповторимый сплав смыслов, материальным носителем которого оно сейчас служит, – он уже попал в наше сознание.

[2009]

Красиво жить не запретишь

Комфорт – наше все!

Реклама одной из марок спортивных курток гласит: “Экстремально комфортно!” В этом словосочетании интересны оба слова. Слово *экстремальный,* в отличие от своего английского прототипа, не просто указывает на высшую степень какого-либо качества, но всегда связано с трудностями и опасностями, а вовсе не с комфортом. Но это, понятное дело, игра, здесь содержится намек на то, что эти куртки подходят для разных *экстремальных* авантюр.

А вот слово *комфортный* само по себе замечательно. Оно появилось в русском языке недавно (точнее, оно появлялось было в первой половине XX века, но тогда не прижилось и постепенно совсем изчезло, не попав даже в словари), и взлет его не случаен. *Комфортный* – это такой, который благоприятно отражается на самочувствии, доставляет приятное ощущение. Это может быть физическое ощущение: например, *комфортная температура* – это когда не холодно, но и не слишком жарко. А может иметься в виду психологическое состояние: человеку *некомфортно,* то есть он не в своей тарелке. При этом *комфортность* как раз исключает всякое представление об экстремальности. Если человек ис-

пытывает острое наслаждение или бурный восторг, то в этой ситуации никак не скажешь, что ему *комфортно*. Не характеризуют это слово и глубокие душевные отношения между людьми. Если говорят: “Мне рядом с этим человеком *комфортно*”, то это, скорее всего, не про любовь.

Собственно говоря, в русском языке и до появления в нем слова *комфортный* было несколько слов на эту тему. Было, да и есть, слово *удобный*. Но *удобный* – это не столько доставляющий приятные ощущения, сколько не доставляющий ощущений неприятных. Например, *удобные очки* – это очки, которые не мешают. И потом, *удобный* – очень широкое слово. *Удобно* то, что не противоречит планам человека. “Какое время вам *удобно*?”, “Это самый *удобный* рейс”. Не говоря уже о том, что русское слово *удобный* употребляется применительно к поведению человека: “А *удобно* звонить ему так поздно?”, “Мне *неудобно*, что вам пришлось ждать”.

Есть в русском языке и замечательное слово *уютный*. Но его значение чрезвычайно специфично. *Уют* связывается с закрытостью, небольшим размером, теплом, покоем. Если человек стоит на морском берегу, его обдувает легкий ветерок, ему может быть славно и *комфортно,* но никак не *уютно*.

Есть еще слово *комфортабельный*, которое появилось в русском языке гораздо раньше, чем *комфортный*. Но значение этого слова намного эже. *Комфортабельным* может быть только что-то созданное человеком и для человека, в

то время как *комфортной* может быть и температура морской воды. *Комфортабельными* бывают кресла, автомобили, квартиры, дома – то, в чем человек может находиться. Заметим, что, как слово *экстремально* отличается от английского *extremely,* так и слово *комфортабельный* мало похоже на английское *comfortable.* Последнее имеет гораздо более широкое значение.

Итак, всех этих слов оказалось недостаточно. Поэтому в русском языке и появилось, и прижилось слово *комфортный*, описывающее одну из главных ценностей эпохи потребления: в ходе жизни, занимаясь своими делами, человек должен попутно постоянно получать удовольствие – не слишком заметное, не отвлекающее его от дел.

[2006]

Дешевая распродажа

И снова я о том, что новые слова и значения просто так в языке не появляются. Когда пришли новые времена, русский язык, как, впрочем, до него и другие языки, столкнулся с проблемой.

Конечно, все помнят анекдот про двух новых русских. Один купил галстук, а другой ему говорит: мол, ты что, дурак, за углом такой же на сто баксов дороже.

Мне еще нравится, как пишут иногда в объявлениях: “Дорого!” Я всегда думаю, что это значит: то ли предупреждают, мол, голодранцев просят не беспокоиться, то ли завлекают – типа за такие деньги плохого не предложат?

Тем не менее любой продавец понимает, что в норме человек стремится отдать за вещь не больше денег, а меньше. Но тут этот продавец и сталкивается с проблемой. Дело в том, что русское слово *дешевый* сомнительно с точки зрения привлечения покупателей. Мало денег отдать, конечно, приятно, но *дешевизна* как-то связана с убожеством, низким качеством, ширпотребом и т. п. *Для бедных,* в общем. Ну и всякие там презрительные производные *дешевка, дешевенький.* Вот у Галича:

> “Эй, ты, – в брючках, пшено, *дешевка*,
> Ты отчаливай, не форси.

Тут трамвайная остановка,
А не очередь на такси!..

А еще есть завет пушкинского Балды – “не гоняться за *дешевизной*”. Есть речения типа “*Дешево* хорошо не бывает”. В лучшем случае – *дешево и сердито*. Слово *недорого* тоже сразу навевает какие-то унылые ассоциации: *бедненько, но чистенько* или *скромненько, но со вкусом*.

Вот в немецком языке, кроме столь же уничижительного слова *billig* (“дешевый”), есть и нисколько не компрометирующее покупателя слово *gunstig* – то есть не то чтобы дешевый, но имеющий оптимальное соотношение цены и качества. Как только в России образовался новый капитализм, вместе с ним родилась и потребность в таком же русском слове.

Сначала на эту роль баллотировалось слово *доступный*. В нем явно отразились утопические представления о том, что стоит отменить 6-ю статью и объявить свободу, как у каждого появится автомобиль.

Доступный – кому? И если товар *доступный,* как он одновременно может быть, например, *эксклюзивным?* Сначала об этом не думали, да и сейчас думают не всегда: “Интернет-магазин парфюмерии dyxu.net – это сертифицированный парфюм и туалетная вода от лучших производителей парфюмерии и косметики по *доступным* ценам”. Ну допустим. “Меховой салон «Эль Тападо» – шубы из натурального меха по

доступным ценам". Хорошо, я не показатель. "*Dell Inspiron* 1300 – наилучший выбор практичного портативного компьютера по *доступной* цене! 849 у. е.". Гм. В общем-то недорого, конечно, но все же 849 у. е. – не три копейки. "YES!: эксклюзивный родстер по *доступной* цене. Один из немецких автомобильных вузов представил на женевском автосалоне родстер и купе, которые совместно с одной из немецких компаний планируется запустить в мелкосерийное производство. Ориентировочная стоимость базовой версии составляет 75 350 евро". Вот уж это дудки. В каком смысле сумму 75 350 евро можно назвать *доступной*? Ну, анекдотичную формулировку про *элитное московское жилье по доступным ценам* оставим без комментариев.

Просто слово *доступный* очень прозрачно по смыслу, как его ни затирай. Периодически оно провоцирует самих рекламодателей на трогательные попытки объясниться – кому все-таки *доступны* их *доступные* цены:

> "Уникальное предложение! Элитная пластическая хирургия по *доступным* ценам!

Погодим смеяться, почитаем дальше:

> "Если Вы хотите сделать пластическую эстетическую операцию, но цены у главного хирурга клиники Корчака Владимира Васильевича для Вас *недоступны*, клиника предлагает Вам операцию у хирурга клиники к.м.н. Архипова Дениса Михайловича. Цены ниже в среднем на 25 %.

“Теперь понятно”, как говаривала Екатерина Вторая.

А то еще бывают *выгодные цены* (но стремление к *выгоде* в нашей культуре выглядит не очень симпатично), *выигрышные, смешные* и *сумасшедшие,* а также *разумные, привлекательные* и даже *демократичные* и *лояльные цены.* Мне особенно понравилось выражение *бесплатные цены.*

Но вот в последнее время в нужном значении все более активно используется слово *бюджетный*. Это раньше говорили только *бюджетный профицит, бюджетное финансирование, бюджетные организации,* теперь же мы слышим и читаем: *бюджетная видеокамера, бюджетный ноутбук, бюджетный тур, бюджетная цена.* Что такое *бюджетная видеокамера?* Это вовсе не значит плохонькая, дешевенькая, послезавтра сломается. *Бюджетная* – значит, в ней есть необходимые функции и нет лишних наворотов, так что если вы не профессионал, и если вам нужна камера, а не понты, и если вам не все равно, сколько за нее платить…

В слове *доступный* есть некий вызов: а вы цену видели? а у вас деньги-то вообще есть? В слове *бюджетный* этого нет. Человек, может, и за десять тысяч таких камер мог бы заплатить, но он запланировал потратить на эти цели такую-то сумму, а намного больше платить считает нецелесообразным.

Новое значение прилагательного *бюджетный* заимствовано из английского языка, в котором слово *budget* употребляется еще более широко. Вот, например, по-русски пока не

говорят о *бюджетных шлепанцах.* А по-английски пожалуйста:

> "*Budget slipper. Good quality sheepskin slipper at a budget price. Leather heel support. Strong vinyl outsole. Years of comfort. Great price. Beige only.*

У нас *бюджетными* все-таки бывают достаточно дорогостоящие вещи. Тем не менее шансы у русского слова *бюджетный*, по-моему, неплохие. Поживем – увидим.

Слаб все-таки человек. Казалось бы, все всё понимают, все читали у Шекспира про имя и розу. Все знают пословицу: "Хоть горшком назови, только в печь не ставь". Но все же спросим себя: приятнее купить вещь по относительно низкой цене, если над ней что написано – *уцененные товары* или *специальное предложение*?

[2006]

Отдайся шопингу!

Недавно я была на конференции в Америке, и там у меня произошел любопытный разговор с коллегой, нашей соотечественницей, живущей сейчас в этой самой Америке. Вообще надо сказать, что носители языка, переехавшие в чужие страны, зачастую бывают особенно строги к фактам “порчи” родного языка. Мы-то привыкаем к разным языковым новациям постепенно, а вот на них новые слова и выражения сваливаются неожиданно, при встрече с родиной или компатриотами.

Так вот, коллега возмущалась новым русским словом *шопинг*. (К слову, сейчас все более распространяется написание этого слова с двумя “п”, но словари его пока что не очень признают.) Вот, мол, опять схватили совершенно не нужное, есть ведь *поход по магазинам* или *за покупками*.

Я в ответ завела свою обычную песню: раз слово в языке так хорошо прижилось, значит, оно зачем-то языку нужно, а *по магазинам* или *шопинг* – совершенно не одно и то же.

Через пару дней я уже возвращалась на родину самолетом компании *Alitalia*. И в самолетном рекламно-ознакомительном журнале, какие рассовывают в сеточки на спинках кресел, оказалась статья (ее показал мне приметливый Алексей Шмелев), которая начиналась словами: *Andare a comprare e fare shopping…* то есть “идти за покупками” и “делать шо-

пинг” – и далее привожу сразу в русском переводе: “…на первый взгляд эти выражения значат одно и то же, и тем не менее не существует двух более непохожих занятий”. Текст производил поразительное впечатление: казалось, что это перевод на итальянский русского текста, описывающего выражения русского языка. Вот вкратце, что там было написано. *Идти за покупками* – значит идти с целью купить нечто, в чем мы нуждаемся, туда, где мы рассчитываем купить это нечто по доступной или разумной цене. Перед началом сезона, рассказывает автор, мать проводила ревизию детской одежды и обуви, отец подсчитывал финансы, а потом составлялся список, кому из детей нужно купить новые ботинки, а кому позарез нужна куртка, а ботинки пока сойдут и старые. Потом следовал поход в магазин, где дети терпеливо примеряли указанные матерью вещи и, с трудом дождавшись окончания экзекуции, спешили вернуться к играм и другим важным делам. Никому не приходило в голову рассматривать мероприятие как удовольствие. Разумеется, все это не было *шопингом.* Иное дело, когда мы бродим по магазинам, как по музею, и покупаем вещи, которые заранее не планировали покупать, а то и такие, о существовании которых не имели ни малейшего представления, пока не увидели их в магазине.

Шопинг – это времяпрепровождение, праздник, игра, способ снятия стресса, способ познания мира, своего рода спорт (последнее касается особенно шопинга в период распродаж). *Шопинг* – это терапия и это мания.

Наконец, автор выразительно описывает современные храмы *шопинга* – моллы начала третьего тысячелетия, которые являют собой целые города, с площадями и фонтанами, но – и тут обнаруживается, что глобализация все-таки пожрала еще не всё – в этих мнимых городах человек не рискует испытать *стендалевский синдром.*

Синдром Стендаля – это то, о чем всегда пишут в итальянских путеводителях. Стендаль якобы потерял сознание от красоты церкви Санта Кроче во Флоренции. Идея болезненности чрезмерно острого эстетического переживания – это то, что вряд ли пришло бы в голову упомянуть русскому автору, взявшемуся писать о *шопинге.*

Страх быть травмированным избытком красоты не входит в принятую в русской культуре номенклатуру человеческих фобий. Да оно и понятно – у нас ведь не Италия, наши красоты несколько иного свойства.

В остальном же все нам близко. И про подростков, которые тусуются в торговых центрах, хотя у них и денег-то почти нет. Просто это среда, в которой жизнь современного подростка обретает смысл и ценностные ориентиры.

Английское слово *shopping* попало не только в итальянский и русский, но и во многие другие языки, причем мне кажется, что в языках-реципиентах оно обрело даже больший концептуальный накал, чем в английском. Как получается, что в разных языках с этим словом связывается практически одинаковый круг идей? Ведь его и словари-то пока

плохо фиксируют. Видимо, это те идеи, которые в современном обществе потребления кодируются и транслируются самыми разными способами. Ничего удивительного, что человек их вольно или невольно считывает и ассоциирует с глуповатым словом *шопинг*.

[2007]

Доказательство любви

Как только мы завели у себя конкуренцию, вместе с ней завелось и все, что служит привлечению клиентов вообще и постоянных клиентов в особенности. В частности, скидочные карты. Как же обозначить эти карточки и этих клиентов? Можно, конечно, клиентов никак не называть, а карты именовать просто, ну там *карта нашего магазина, серебряная, золотая, платиновая карта.* Ага, *клубные карты.* Тоже бывают. Я всегда вспоминаю диалог из “Служебного романа”:

> “– Ну блайзер, клубный пиджак.
> – Это что, для Дома культуры?
> – Туда тоже можно.

Бывает еще *VIP-карта* – впрочем, *VIP* – это уже о клиенте. А еще какие варианты?

Проще всего было бы заимствовать обозначение этого постоянного покупателя, но тут все как-то неудачно. По-английски бывает чаще всего *loyal, valued* или *preferred customer*.

Вот слово *loyal* – как написать *верный, преданный* покупатель? А что, ничего. Но немного чересчур патетически.

Таких карточек я не встречала, хотя они, возможно, существуют. Вообще же вместо *loyal customer* стали писать про-

сто *постоянный покупатель,* хоть это и несколько невыразительно. Например, на дисконтной карте магазинов *Stockmann* так и значится: *loyal customer* – и выше по-русски: *постоянный покупатель*.

Смешно, конечно, тупо написать: *лояльный покупатель.* По-русски это значило бы, что этот покупатель не ворует с полок и не говорит о своем придворном магазине гадости направо и налево.

А то еще слово *лояльный* сейчас часто употребляется в значении "толерантный" *(лояльное отношение к недостаткам)*. В этом смысле *лояльный покупатель* – это тот, кто терпеливо сносит несвежие продукты, завышенные цены и хамство кассиров. Такого действительно стоит привечать! Впрочем, оказалось, что это я думала, что смешно, а кому-то не смешно. Вот баскетбольный магазин "Ситислэм" сообщает: "Карта *лояльного покупателя* выдается при покупке на сумму 7000 руб. в течение одного дня. ‹…› Два раза в год проводятся акции для *лояльных покупателей*". Да и у сотового оператора "Мегафон" есть *бонусная программа для лояльных клиентов.*

С формулировками *valued* ("ценный", "высокоценимый"), *preferred* ("предпочитаемый", "привилегированный") *customer* тоже все непросто. Нет, конечно, полно этих самых *привилегированных,* но все же как-то это слово ассоциируется со спецраспределителями, спецпайками и чем-то незаконным (что соответствует и его происхождению). Кому-то

это приятно, но не всем и не всегда.

А в сочетании *ценный клиент* и вовсе есть что-то охотничье – оно звучит как “богатенький Буратино”.

Но в последнее время русский бизнес нащупал свой путь в этом вопросе. Дело в том, что наш человек не настолько жаден, экономен и тщеславен, чтобы стоило жать в первую очередь на эти рычаги. Он эмоционален и душевен. Приятнее всего для него не экономия, не привилегии, а хоть намек на персональное сердечное отношение и всплеск чувств. Эта простая мысль все чаще реализуется в рекламных кампаниях: “Мега – шоппинг от всего сердца”, “Спортмастер – эмоции в подарок” и т. д. Вот и с карточками так.

Теперь покупатель уже оказывается не просто *постоянным,* не каким-то там *лояльным,* что бы это ни значило, а просто – *любимым.*

“Карта *Любимого покупателя* Обувного центра «Zenden»”; “Торговая сеть «Пятерочка»: дисконтные карты «Любимый покупатель»”. Вот что нам сулят:

> “Стать Любимым Гостем? Легко! Вы можете стать Любимым Гостем уже при первом посещении заведений компании “Малахит”. Для этого Вам достаточно обратиться к менеджеру и получить анкету на получение карты участника Программы “Любимый Гость”. Обратите внимание: карта получается бесплатно!

Что ж, приятно так легко стать любимым, хоть бы и го-

стем.

> ««Карта Любимого клиента» дает право на скидку при покупке товаров/заказе услуг в розничной сети *General Satellite* в размере 3 %. ‹…› «*VIP*-карта» дает право на скидку при покупке товаров/заказе услуг в розничной сети *General Satellite* в размере 5 % ‹…› «Карта Любимого клиента» обменивается на «*VIP*-карту» при совершении повторной покупки на сумму более 50 у. е. (за вычетом 3 % скидки). «Карта Любимого Клиента» при этом у покупателя изымается.

То есть, став *особо важной персоной,* перестаешь быть *любимым.* Логично.

Разумеется, всем понятно, что на самом деле карты типа «Любимый клиент» имеют мало отношения к любви. Но немножко как будто и имеют. Ну, хоть чуть-чуть.

[2007]

Старость не радость. Об утешительных эвфемизмах

В одной психологической статье я прочитала, что у автора была пациентка, дама, гм, не совсем первой молодости, которая в своем рассказе все время употребляла выражение *взрослая женщина* (“Я пришла, а там была одна *взрослая женщина*, и она сказала…”). То есть вроде как если та *взрослая*, то сама пациентка, что, девочка, что ли? Психолог объясняла эту путаницу тем, что пациентка уже столько сделала пластических операций, так долго и усиленно молодилась, что теперь сама совершенно дезориентирована и не понимает, где ее возрастная группа.

Я думаю, что здесь есть еще одна причина. Для той пациентки назвать даже другую женщину *пожилой* – значит впустить в свое сознание мысль о существовании старости.

Сейчас в обществе царит такой культ молодости, что сами упоминания о старении стали очень рискованными. Как написано на упаковке полезного кисломолочного продукта, “Актуально быть молодым!”. И язык, как водится, быстро отреагировал на это.

Лет двадцать назад двадцатишестилетних соплячек врачи и акушерки бодро обзывали *пожилыми первородками* или *старородящими*. А теперь будьте любезны – роженицу под пятьдесят деликатно назовут не *старой*, не *пожилой*, а *воз-*

растной.

Это новое, но стремительно распространившееся употребление слова *возрастной* – яркая черта нашего времени. Многие люди пока еще берут его в этом случае в кавычки. Раньше говорили: *возрастные группы, возрастные изменения*. Ну, еще были у актеров *возрастные роли.* А теперь появились *возрастные женщины* и даже *мужчины, возрастная аэробика* и *возрастная кожа.* А вместо сочетания *против старения* скажут скорее *антивозрастной эффект*. Когда я несколько лет назад впервые услышала сочетание *возрастная женщина*, мне оно показалось жутким просторечным эвфемизмом – ну как, например, *отдыхает* в значении "спит". Но оно мгновенно прижилось в женских журналах и оказалось незаменимым при обсуждении любовно-гинекологической, парфюмерной, парикмахерской и эстетико-хирургической проблематики. Вот несколько примеров:

> "Есть "*возрастные*" женщины, которые делают химическую завивку средством "Локон" перед дачным сезоном.

Но еще чаще, мне кажется, к услугам пластических хирургов обращаются *возрастные* женщины.

> "При этом ядро яйцеклетки *возрастной* женщины переносится в энуклеированную яйцеклетку женщины молодого возраста.

Мне понравилось, как любознательный юноша интересу-

ется у братьев по сайту: “Кто-нибудь *** с *возрастными женщинами*? Просто я хотел понять, в чем прелесть *возрастной женщины*?” Трогательно, что его не смущает глагол, но слово *пожилая* кажется слишком грубым.

А про *возрастную кожу* – это вообще здорово. Тут не только страх перед старением, тут еще и недавно к нам занесенный оптимистически-конструктивный взгляд на жизнь.

Плохую кожу теперь называют *проблемной, увядающую – возрастной* или *зрелой*. Действительно: *плохая кожа* – значит сиди в уголочке и плачь. А если *проблемная кожа* – иди в косметический салон, в аптеку или хоть купи новый тональный крем. Решай *проблему! Увядающая кожа* – звучит мрачно-романтически. Мол, цветку скажи: прости, жалею – и на лилею нам укажи. А вот *возрастная кожа* – это уже почти формулировка задачи. Собственно, в рекламе так и пишут: “Возраст не препятствие для красивой кожи!” Решение же предлагается на каждом шагу: *крем для возрастной кожи, уникальные методы коррекции возрастной кожи, омолаживающие процедуры для возрастной кожи.*

А еще лучше определение *зрелая кожа*:

> “*Зрелая* кожа нуждается в специальном уходе, особенно в сохранении эластичности и тонизировании, а также в разглаживании мелких морщин.
>
> “Крем питательный ночной для *зрелой* кожи в области глаз “Пшеница и василек”.

Надо же, а мы-то все думали, что же такое с годами происходит с кожей вокруг глаз. А она, оказывается, созревает. Ну, тогда ладно.

[2007]

Устный счет

Зря спасатели русского языка думают, что можно оградить его от тлетворного влияния чуждых идей, запретив те или иные заимствованные слова. Язык наш, как известно, *правдив и свободен* или, если угодно, *празднословен и лукав*, так что его на кривой козе не объедешь. Если ему нужно выразить какой-то смысл, будьте благонадежны: он его выразит, сколько слов ни вычеркни. Да, собственно, язык и сам любит важный смысл донести окольными путями – так, чтобы он как бы сам собой вдруг обнаружился в головах людей.

По этому поводу хочу поделиться одним наблюдением.

До совсем недавнего времени слова *запах, вкус, аромат* практически не могли сочетаться с числительными, да и их множественное число вело себя своеобразно. Если посмотреть, как употреблялась форма *вкусы* еще десять лет назад, мы увидим, что практически везде имеется в виду вкус не в гастрономическом, а скорее в эстетическом смысле. “Угождать *вкусам* публики”, “У нас с ним разные *вкусы*”. Да даже “О *вкусах* не спорят” – это ведь, скорее всего, не о том, пересолен суп или недосолен. *Запахи, ароматы* раньше понимались как смесь запахов, сложный аромат: скажем, *запахи лета, ароматы осеннего леса.*

Пожалуй, и прежде можно было сказать: “Из-за болезни он перестал различать *вкусы*”, то есть не отличает сладкое от

соленого. Может быть, даже нормально прозвучало бы: “Есть 4 основных *вкуса*: сладкий, горький, кислый, соленый”. Но, конечно, немыслимо было то, что мы на каждом шагу слышим сейчас: “2 новых *вкуса* лапши быстрого приготовления”, “три новых *запаха* средства для мытья посуды”, “пять новых парфюмерных *ароматов*”.

Вот примеры:

> “Порошок с тремя *ароматами*: морской бриз, лимон, яблоко – предназначен для ручной и машинной стирки всех типов белья.
>
> “Говядина два *вкуса*: обжаренные в сухариках аппетитные кусочки мяса, с лимонным и острым соусами.
>
> “Два *вкуса* в одной пачке (лимон-изюм, курага-мак, орех-земляника), оригинальный дизайн. Европейское качество, низкая цена.
>
> “Гелевый ароматизатор воздуха (для автомобиля). Четыре *запаха*: “цитрус”, “груша”, “зеленый лимон”, “свежесть”.

Интересно, что слово *цвет* и раньше вело себя иначе. Была возможна и нормальная форма множественного числа *цветб*, которая указывает не на сочетание цветов или какой-то сложный цвет, а просто на несколько отдельных цветов. Слово *цвет* свободно употреблялось в счетной кон-

струкции: *два цвета, три цвета, семь цветов.* Это различие не случайно. Зрение занимает привилегированное положение среди чувств человека. Большую часть информации о мире мы воспринимаем зрением. К тому же зрительное восприятие у человека – самое осознанное, самое дискретное. Именно поэтому рациональное, логическое понимание обычно описывается при помощи метафоры зрения, другие же чувства используются скорее как метафоры интуитивного, иррационального постижения. Мы говорим: “Я *вижу* здесь две принципиальные возможности”, но “Ох, *чует* мое сердце, это добром не кончится”.

А вот теперь, пожалуйста: стали возможны не только *семь цветов,* но и *пять вкусов* и *четыре запаха.* Оно и понятно.

Обществу потребления предлагаются готовые номенклатуры всего – в том числе вкусов, запахов, удовольствий (вспомним формулу “два удовольствия в одном”). Потребителю остается только ткнуть пальцем – выбрать. Все каталогизировано, посчитано, только что не пронумеровано пока. А то можно как в фантастическом романе – “вкус 22–12”.

Все совершенно закономерно. Между прочим, предыдущее пришествие капитализма в Россию тоже сопровождалось счетом запахов. Вот что писала Тэффи в 1911 году в рассказе “Рекламы”:

> “А глаза читают: “Прежде чем жить дальше, испробуйте наш цветочный одеколон, двенадцать тысяч *запахов*”. “Двенадцать тысяч *запахов*! – ужасается ваш

утомленный рассудок. – Сколько на это потребуется времени! Придется бросить все дела и подать в отставку”. Вам грозит нищета и горькая старость. Но долг прежде всего. Нельзя жить дальше, пока не перепробуешь двенадцать тысяч *запахов* цветочного одеколона.

[2006]

Жизнь в цвете. Три слагаемых успеха

Сейчас в магазинах продавщицы, показывая какую-то вещь, говорят: “Есть еще *в таком цвете*” *(в черном, в зеленом)*, а не *такого цвета*. Эта конструкция стала в последние годы чрезвычайно популярной. Вот характерный пример. Речь идет о кухне:

> “Я увидел ее в одном французском журнале, и эта картинка меня зацепила. Кухня понравилась мне своим креативом. Я поверил, что она милая, удобная и обаятельная. Когда у меня появилась квартира, я решил во что бы то ни стало ее найти, причем именно *в том цвете – перламутрово-синем*. Я очень доверяю своим первым впечатлениям и не верю в случайности. Мне кажется, все события и ситуации ведут к чему-то правильному (Юлия Пешкова. *Chapourin дом //* Домовой. 04.04.2002).

Я давно заметила, что то или иное явление стремительно распространяется в языке чаще всего в том случае, если соблюдены три условия. Во-первых, в языке должно уже существовать что-то подобное: скажем, отдельные выражения такой структуры, зачатки конструкции – пусть и совершенно до поры до времени непродуктивной, – которые помогают языку принять новое явление. Во-вторых, такая конструкция должна быть в другом языке, который активно влияет на

наш – не секрет, что в последнее время это прежде всего английский. И наконец, третье и самое главное. Языку должно быть для чего-то нужно это новое явление. Скорее всего, оно отражает изменения в так называемой картине мира. Иначе оно не приживется и уж во всяком случае не распространится со скоростью эпидемии.

Теперь посмотрим на фразу: “Эта юбка есть еще *в синем цвете*”. Что ж, тут все три условия полностью соблюдены.

В принципе, оборот *в таком-то цвете* в русском языке существовал давно. Разумеется, раньше это сочетание было возможно лишь в строго определенных контекстах. Но важно, что оно в принципе существовало и могло послужить в дальнейшем плацдармом для экспансии нового явления.

Образные выражения *видеть (представлять) все в черном (или розовом) цвете* и т. п. активно употреблялись и в XIX веке:

> “Обстоятельства представлялись не *в розовом цвете*! (Д. В. Давыдов. *Дневник партизанских действий* 1812 *года*)

> “А вот теперь весна, так и мысли все такие приятные, острые, затейливые, и мечтания приходят нежные; все *в розовом цвете* (Ф. М. Достоевский. *Бедные люди*).

> “В беспокойстве моем, в негодовании моем я видел все *в черном цвете* (Ф. М. Достоевский. *Село Степанчиково и его обитатели*).

Вот еще интересный пример:

> “Я бы мог попасться в руки к одному из тех немилосердных крикунов, которые, будучи больны желчью, все предметы видят *в желтом цвете*, или, что еще хуже, к тем, кои, страдая чернью (сплином), то есть охотой видеть все *в черном цвете* и выуча наизусть Лагарпа, как сорока Якова, перебранили и переценили все русское от поэмы до эпиграммы (Н. И. Греч. *Записки о моей жизни*).

Интересно, впрочем, что это выражение люди употребляют как-то неуверенно – все время сомневаясь, как правильно: *в розовом (черном) цвете* или *в розовом (черном) свете*.

И в позапрошлом, и в прошлом, и в нашем веке говорили то так, то так:

> “Это обыкновенная манера стариков разочаровывать молодых людей: представлять им все *в черном свете* (А. Н. Островский. *Доходное место*).

> “Мы говорим: он видит все *в розовом свете*. Это значит, что человек настроен радостно (В. Г. Короленко. *Слепой музыкант*).

> “С другой стороны, если жизнь показывается только *в черном свете*, может, действительно ее лучше снимать в темноте? (Лидия Смирнова. *Моя любовь*)

Но, кроме того, сочетание *в цвете* или *в каком-то цвете* характерно для речи художников или дизайнеров, наряду с

выражениями *в каких-то тонах* или *в каком-то колорите*.

Вот примеры:

> “И каждая даль – я насчитал их шесть – была выдержана, как говорят художники, *в своем цвете*, в своем освещении и воздухе (К. Паустовский. *Ильинский омут*, 1965).

> “Внутри можно найти отдельные “садовые комнаты”, каждая из которых оформлена *в определенном цвете* (*Выразительный дизайн* // Ландшафтный дизайн. № 1, 2001).

> “На фоне сочной терракоты стен жилого дома особенно нарядно выглядит парадная цветочная композиция, выдержанная *в одном цвете* (М. Великотная. *Подмосковный сераль* // Ландшафтный дизайн. № 4, 2003).

> “Азиатский декор в доме может быть представлен *в натуральном цвете* и теплых пастельных тонах, варьирующихся от желтого и карамельного, нежно-зеленого и светло-лилового до песочного, табачного и изысканного винно-красного (Т. Косарева. *Гербарий. Новый подход к оформлению стен* // Мир & Дом. City. 03.05.2003).

Разумеется, в подобных художественных контекстах *в красном цвете* – это далеко не то же, что *красного цвета*. Но конструкция есть, а значение ее может дальше расширяться.

Теперь второе условие. На современное выражение (“Этот свитер есть еще *в красном цвете*”) повлиял английский язык. Мне очень нравится, например, забавная надпись на значке: *If the shoe fits, buy it in every color!* (“Если туфля подходит, купи ее *в каждом цвете*”).

И самое главное. Новое выражение прижилось, потому что в нем проявляется новый взгляд на потребление.

Раньше продавщица сказала бы: “Вот есть свитер еще ТАКОЙ же, только красный” (как в “Бриллиантовой руке”: такой же, но с перламутровыми пуговицами). Кажется, почти то же, что “ЭТОТ свитер есть еще *в красном цвете*”. Почти – но не совсем.

Здесь появляется идея матрицы. Вещь, которая тиражируется с изменениями определенных признаков: *в другом цвете, в другом размере* – как вам будет угодно. Показательно, что в речи продавцов в последнее время распространилось еще слово *вариант*: “А как вам такой *вариант*?” (вместо “этот свитер”). В этой формулировке покупателю снова и снова напоминают, что у него есть выбор. Каждая вещь существует не изолированно, а занимает свое место в пространстве возможностей, пространстве выбора. Отсюда же всевозможные *коллекции, серии* и *линейки.* А выбор – это свобода.

И еще. Как мы знаем, реклама, например, не столько помогает человеку удовлетворять потребности, сколько формирует их. Вот так и в этом случае: нужен человеку свитер.

Пришел человек за подходящим свитером, а ОН есть *в разных цветах*. Как бы он же. Но в разных цветах. Как тут не задуматься: может, правда – *buy it in every color! – Купить его в каждом цвете?*

[2006]

Гламурненько!

К числу новых слов, частое употребление которых является яркой приметой нашего времени, относится слово *гламур*. В современном русском языке оно указывает на эдакую красивость и соответствие стандартам “роскоши”, “шика”, внешнего “блеска”. Это понятие связывается прежде всего с глянцевыми журналами. Сочетания *гламурный журнал* и *глянцевый журнал* обычно используются как синонимы.

История слова *гламур* чрезвычайно поучительна. Дело в том, что большинство носителей русского языка, употребляющих это слово, совершенно уверены, что оно пришло к нам из французского. Говорят, такое даже написано в каком-то словаре иностранных слов. Собственно, то, что слово появилось в русском языке с ударением на последнем слоге, уже показывает, что оно было воспринято как французское. Многие люди даже думают, что *гламур* – это по-французски “глянец”. Думаю, здесь играет роль то, что в европейских языках довольно много слов, начинающихся с “гл” и связанных с идеями чего-то блестящего, светящегося или чего-то скользкого.

Между тем в действительности слово *гламур* пришло вовсе не из французского, а из английского. Во французском языке его можно встретить, но только как английское заимствование недавнего времени.

По-английски слово, естественно, произносится [glæmə] и означает “чары”, “очарование”. В английском языке это слово отмечено с 1720 года как шотландский вариант слова *grammar* – грамматика. Первоначально оно имело значение, связанное с ученостью, преимущественно оккультного характера, с колдовскими чарами. Распространилось это слово в английском языке в XIX веке благодаря книгам Вальтера Скотта, а вскоре у него развилось новое значение: *glamour* стало указывать не только на колдовство, но и на женскую привлекательность. То же самое, кстати, произошло и с русскими словами *очаровательный* – от слова *чары, обворожительный* – от слова *ворожить*. Кстати, и слово *обаяние* связано с глаголом *баять*.

Уже в XX веке в американском английском существительное *glamour* и прилагательное *glamourous* стали указывать уже не столько на колдовское очарование, сколько на привлекательность, связанную с внешней красотой, внешним лоском и успешностью. Именно в этом смысле слово было использовано в названии глянцевого журнала *Glamour*. Он издается в США с 1939 года. С 1992 года *Glamour* вышел в одиннадцати странах (включая Россию). Чтобы все это выяснить, не нужны никакие специальные исследования, достаточно заглянуть в большие английские словари.

Слово *гламур* в России появилось недавно, а активно распространяется с начала этого века. Думаю, что его источником и было как раз название журнала *Glamour*, написанное

латинскими буквами. Еще до появления русской версии самого журнала в России – ну там, в каком-нибудь другом журнале: фото из журнала *Glamour*.

В русской культуре все шикарное, красивое, изысканное традиционно ассоциируется в первую очередь с Францией. Да слово и по написанию похоже на многие французские. Вот оно и встроилось в ряд: *бонжур, амур, тужур, абажур* – а теперь и *гламур.*

С другой стороны, в русской культуре и до этого было представление о внешнем лоске, “хрестоматийном глянце” (у Маяковского о Пушкине: “Я люблю вас, но живого, а не мумию. Навели хрестоматийный глянец”). И, если уж на то пошло, о “лакировке действительности”. Во всех этих случаях внешняя гладкость противопоставляется живой жизни.

Многие люди, читая русские глянцевые журналы, замечают, что они – по сравнению с западными версиями – утрированно легковесные, подчас почти карикатурно залакированные и запредельно оторванные от жизни. Так проявляется наша тоска по красивой жизни. В мнимо французском русском слове *гламур* и воплотился этот вопль: “Красиво жить не запретишь!” И вот уже возникло и модное словцо *гламурненько*, которое у кого-то выражает неопределенно-положительную оценку, а кем-то произносится с издевкой.

[2006]

Гламурная феня

Довольно давно я услышала название модельного агентства – *Modus vivendis*. Я стала ужасно смеяться: всякому, кто хоть немного изучал латынь, ясно, что есть выражение *modus vivendi,* что означает “образ жизни”, а *modus vivendis* – это просто какой-то грамматический абсурд. Я еще подумала: “Написать им, что ли, чтоб не позорились?” – но поленилась. Прошло много лет, и они называются по-прежнему, что не мешает им преуспевать. Я не верю, что никто за это время не объяснил, как безграмотно их столь шикарно звучащее название. Просто перерегистрироваться хлопотно, а грамматическую ошибку они не считают достойной причиной для этого. Мне могут возразить, ну и что, ведь еще Пушкин говорил:

> “Как уст румяных без улыбки,
> Без грамматической ошибки
> Я русской речи не люблю.

Но там ведь ситуация другая: Татьяна выросла на французских романах и потому “изъяснялася с трудом / На языке своем родном”, в том смысле что любовное письмо ей было проще написать по-французски. А вот неуклюжие попытки блеснуть малопонятным иностранным словом в духе “ино-

странца Василия Федорова” и смеси “французского с нижегородским” – совсем другое дело. Это смешная претензия на изысканность.

Но носительница современной гламурной культуры если и боится скомпрометировать себя, то не речевой ошибкой, а разве что неправильно выбранным тоном колготок. Тут дело не в том, что кто-то что-то коряво сказал. Важно, что языковые ошибки уже не наносят ущерба престижу, их не боятся и не спешат исправить.

В “Двенадцати стульях” “цирульный мастер Пьер и Константин” обещал своим потребителям “холю ногтей и ондулясион на дому”. Этот Пьер и Константин, который, впрочем, как далее говорится, охотно отзывался на имя Андрей Иванович, наводит на мысль о часто встречающемся в последнее время выражении *маникюр для волос* (например, обложка журнала “Красота и здоровье”, № 10, 2003 – “Маникюр и пилинг… для волос”). Слово *маникюр* означает уход за пальцами рук, чистку, полировку и окраску ногтей и восходит к латинским словам *manus* – “рука” (ср. *манипуляция* – от *manipulus* – “горсть”, *манифест, мануфактура* – буквально “сделанное руками” – и конечно, *манускрипт* – “рукопись”) и *curare* – “ухаживать” (ср. *курировать, куратор*, да, собственно, и *педикюр* – “уход за пальцами ног”). Так что *маникюр для волос* – это как прическа для губ.

А мой любимый пример – это заимствованное из французского выражение *от кутюр. Haute couture,* то есть высо-

кая мода (*кутюр* значит “швейное искусство”, а *от* – “высокое”). Однако очень многие люди, в том числе и носители гламурной культуры, понимают здесь *от* как русский предлог *от* и поэтому произносят: *ат кутюр.* Была даже телереклама, которая звучала так: “Магазин высокой моды *а-ат кутюр*”.

Замечательно, что по-украински сейчас очень часто говорят так: *від кутюр. Від* – по-украински *от.* Собственно, по происхождению это одно и то же слово, просто в украинском оно немного по-другому фонетически оформлено. Эта ошибка чрезвычайно выразительна. С одной стороны, она показывает, что выражение заимствовано в украинский язык не прямо из французского, а через посредство русского языка, иначе с чего бы французское прилагательное *высокий* стали передавать как предлог *від.* С другой же стороны, по этому *від* ясно видна попытка откреститься от русского посредства. В общем, как у Булгакова: “Спрашиваю: как по-украински «кот»? Он отвечает: «Кит». Спрашиваю: «А как кит?» А он остановился, вытаращил глаза и молчит. И теперь не кланяется”. Кстати, на самом-то деле никакой проблемы с украинским *китом* (произносится как [кыт]) нет.

Но не все так печально. Гламурная культура знает и случаи действительно творческого обращения с языком. Среди слов, которые в последнее время изменили свое значение, есть слово *актуальный*. Мы все чаще слышим: “Оборки сейчас очень *актуальны*” или “Это самый *актуальный* цвет”.

Вот например: “Наиболее *актуальные* цвета и фасоны этого сезона мы рады представить вам в нашей глянцевой рубрике «С обложки»”. Всего несколько лет назад какой-нибудь *актуальный шарфик* воспринимался как языковой курьез, а сейчас уже можно сказать, что новое значение слова *актуальный* прочно вошло в язык. Думаю, что в ближайшее время оно будет фиксироваться словарями. Толковые словари, начиная со словаря Ушакова, разъясняют:

> ““актуальный” – это “важный, существенный для настоящего момента; злободневный, насущный”. *Актуальный вопрос. Актуальная задача, тема.*
>
> *Исследование, актуальное для экологии. Шекспировские пьесы актуальны для нас и сегодня.*

Конечно, есть у этого слова специальные, научные значения, но именно *актуальные проблемы* нам наиболее привычны. Кстати, у английского слова такого значения нет: *actual problems* – типичная ошибка русских в английском языке. И вот теперь русское слово *актуальный* расширило свое значение и может характеризовать не только вопросы, проблемы и подобные сущности идейного характера, но и другие вещи, которые тоже могут быть остросовременными.

Мне понравился такой диалог в одном журнале. Читательница Татьяна Зинякова интересуется, изменились ли прически, длина волос и *актуальные* цвета этим летом?

> “На вопрос читательницы отвечает парикмахер-модельер, стилист парикмахерского салона “Пиаф”

Ирина Белова:

– Понятия “*актуальная* длина” сейчас практически не существует, волосы могут бытъ любой длины. ‹…› Хотя есть и *актуальные* моменты.

Конечно, это звучит комично. Конечно, стилист просто заменила привычное слово *модный* на модное слово *актуальный*. Однако по сути *актуальный* – это не то же, что *модный.* Слово *модный* содержит в себе императив, велит бездумно и рабски следовать образцам, сулит человеку несвободу и обрекает на бесконечную и безнадежную погоню за идеалом. А слово *актуальный* – о, оно не диктует, оно интригует и намекает, оно демократично приглашает человека к творчеству.

При этом слово *актуальный* чем-то так полюбилось современному русскому языку, что в последнее время у него появилось и еще одно новое значение: сочетание *актуальное искусство* теперь стало употребляться в качестве эквивалента английского *contemporary art,* в отличие от “современного искусства” – *modern art.*

Так что можно сказать, что *актуальный шарфик* в концептуальном отношении занимает почетное место между *актуальными проблемами* и *актуальным искусством.*

[2006]

Фьюжн. Как и всё на Руси

Прихожу я недавно в магазин и вижу такое… Вообще-то у меня специально на этот случай телефон с двухмегапиксельной камерой (это осталось от первого издания, не буду заменять – пусть останется приметой времени и знаком того, что техника развивается еще быстрее, чем язык), и обычно я просто незаметненько фотографирую понравившуюся этикетку и имею ее совершенно бесплатно. Но тут я схватила предмет, не поинтересовавшись даже, что это такое и сколько оно стоит, потому что почувствовала, что ни за что с ним не расстанусь. А этикетка гласила: “Пасхальный набор «Гламур»”. Это оказалась, как написано на упаковке, “новинка сезона” – набор для окрашивания и декорирования пасхальных яиц.

Вообще-то, на этом можно было бы и остановиться. Чего тут еще говорить – можно смеяться, плакать или и то и другое, смотря по темпераменту. Но я поговорю. Тоже в соответствии с темпераментом.

Почему, собственно, так смешно? Ведь понятно же, что имелось в виду – красиво, все переливается: в набор входят “сверкающие блестки (серебро, золото)” и бисер шести цветов.

Кто сказал, что на Пасху не должно быть красиво? А в отношении яиц – тут и товарищи Фаберже с Вексельбергом

подтвердят. Но есть такие слова, которые связаны не просто с красотой, но с ее сугубо внешним, социальным, светским аспектом.

Едва ли кому-то придет в голову назвать пасхальный набор “Модница” или, скажем, “Щеголь”. Или вот еще хорошая идея – пасхальный набор “Шик”. *Шик* вообще занятное слово. В нем есть какая-то трудноуловимая идея: *шик* – это не только особая эффектность и изысканность, это что-то не каждому доступное и вызывающее зависть у других, которая, скорее всего, тешит тщеславие носителя этого самого *шика.* Слово отличное, яркое, выразительное, но… *безблагодатное.*

Да, кстати о *шике.* Не могу не вспомнить чудную историю. 6 января 2004 года Государственный историко-архивный Владимиро-Суздальский музей-заповедник посетил президент Путин. Он оставил в книге отзывов восторженную запись: “Шикарно, как и всё на Руси! Владимир Путин”. Здесь замечательно всё: и то, как подходит эпитет *шикарный* историко-архивному заповеднику, и идея, что вообще “всё” может быть *шикарным* (а также, вероятно, *эксклюзивным* и *элитным),* и особенно смелый разрыв со стереотипными представлениями о России.

Номинация “Русь” означает, что наша страна рассматривается здесь в аспекте древней истории, традиционной культуры, исконно-посконно-домотканых ценностей. К каковым относится как раз *неброская красота*, а отнюдь не *шик.*

Но вернемся к пасхальному набору “Гламур”. Это в современном русском языке модное слово *гламур* используется в смысле шик-блеск, красота. А можно ведь вспомнить его происхождение и историю в английском языке, о которой говорится в пред-предыдущей главке: шотландский вариант слова *grammar* (грамматика) стал использоваться для указания на оккультную ученость, потом на колдовские *чары*, а потом на женскую привлекательность – *обворожительность.*

Так что название пасхального набора “Гламур” звучит похоже не только на “Шик”, но и на такие названия, как “Ворожея”, “Черная магия”, “Колдовство”, “Чары” или, скажем, “Прелесть”. А что – это, собственно, в порядке вещей. Все со всем смешивается. Я вот прочитала в одном гороскопе, что “Для Раков не существует Пасхи без шикарного праздничного стола”. А одна девушка в интернете рассказывает, как красиво расписала пасхальное яйцо: *готично,* мол, получилось. А сжигание чучела Масленицы перед началом Великого поста – это как? А восточные собачки или мышки в колпачке Санта-Клауса?

Просто встречать год Мыши под елкой с рождественской звездой мы уже привыкли, а сочетание Пасхи и *гламура* нам пока в диковинку.

Кстати, у меня был смешной разговор с дочкой. В ответ на какой-то ее вопрос я стала объяснять, что объявлен год семьи. “Ты что, мамочка! – возмутилась она. – Сейчас же год

мыши и крысы!”

[2008]

Второе дыхание. Удивительная история слова вечеринка

Году, наверно, в девяносто пятом я пригласила на день рождения знакомую немку, которая изучала в Москве русский язык. Она радостно спросила: “У тебя будет *вечеринка*?” Я растерялась. С одной стороны, я совершенно точно знала, что у меня будет не *вечеринка*. Придут гости, будем выпивать и закусывать, песни петь и веселиться. С другой стороны, чем же это не *вечеринка*? С третьей стороны, я не считала, что это слово устаревшее, я вообще-то могла его употребить.

Тем не менее я совершенно отчетливо ощущала, что мой день рождения назвать *вечеринкой* мог только иностранец. Нет, еще, возможно, очень пожилой человек.

История слова *вечеринка* в литературном русском языке весьма показательна. Оно есть еще в “Словаре Академии Российской” конца XVIII века, с толкованием “вечерняя беседа, дружеское вечернее собрание”. У Пушкина читаем:

> “По воскресениям танцевали у предводителя. Все мы, т. е. двадцатилетние обер-офицеры, были влюблены, многие из моих товарищей нашли себе подругу на этих *вечеринках*.

Ясно, что *вечеринка* здесь – это что-то не такое помпезное,

как *бал.* А вот Гоголь, “Мертвые души”:

> “Уже более недели приезжий господин жил в городе, разъезжая по *вечеринкам* и обедам и таким образом проводя, как говорится, очень приятно время.

Пожалуй, более активно это слово стало фигурировать в литературе со второй половины позапрошлого века, приобретая все более явственные разночинско-демократически-богемные коннотации.

В этом смысле очень характерна картина Маковского “Вечеринка” (1875, Третьяковка). Она изображает народовольческий уклад жизни: не просто молодежь собралась потанцевать, а одновременно и революцию готовят. В рассказе Чехова “Попрыгунья” (1891) жанр мероприятий, которые с таким азартом устраивала героиня, стремясь залучить на каждое какую-нибудь знаменитость, обозначается именно как *вечеринка.* А вот пример из Горького:

> “У Лютова будет *вечеринка* с музыкой, танцами, с участием литераторов, возможно, что приедет сама Ермолова (*Жизнь Клима Самгина*, 1927–1937).

Интеллигенция и революция, богема, алкоголь – музыка во льду, в общем. Конечно, одновременно слово *вечеринка* обозначало и другой, более народный жанр. Эта вторая традиция *вечеринки* как мероприятия неофициального и неэлитарного преобладала в советское время.

Вот яркое описание:

> “Патефон, чаще всего трофейный, с ручкой, подобной рукояти, которой заводились автомобили того времени, собирал вокруг себя офицеров и их жен так же верно, как позднее проигрыватель, а еще позднее магнитофон. Танцы под пластинки, разбавленные алкоголем, назывались запросто – “вечеринка” (Э. Лимонов. *У нас была Великая Эпоха*, 1994).

Здесь особенно показательно это *запросто*. Некоторый вульгарный привкус по мере приближения к концу XX века становился у слова *вечеринка* все ощутимее:

> “*Вечеринка* – это сборище одной компании у кого-то на дому с выпивкой, игрой в бутылочку, иногда чем-нибудь еще более пошлым. В зависимости от содержания алкоголя в крови. Чтоб родители на вопрос других родителей: “Чем они там у вас занимаются?” – честно отвечали: “Танцуют” (А. Карахан. *Манифест нового поколения москвичей* // Столица. 07.01.1997).

Я прошу прощения за сугубый схематизм изложения и возвращаюсь к своему личному опыту старших классов и студенческих лет. Как же мы говорили? *Вечеринка* точно не говорили. Если организованное школьное мероприятие, то было слово *вечер*, если школьное, но менее официальное, – *огонек*. Ну а если домашнее? Помню, был фильм из школьной жизни “Розыгрыш” (1976), там в нужном значении использовалось слово *сабантуй*. А так я существительного что-то вообще не припомню, говорили просто – *собира-*

емся. Ах да, было замечательное слово *сейшн* – о нем дальше в этой книжке рассказывается отдельно.

Впрочем, существовал и еще один режим употребления слова *вечеринка* – в переводных текстах или просто при описании иностранной жизни. Дело в том, что надо было как-то переводить слова *party* и *soirée,* а хорошего русского перевода не было. Вот как-то не было в русском языке такого слова. *Праздник* – слишком торжественно и связывается с поводом. Ну, допустим, *birthday party* можно назвать просто *день рождения,* хотя встречались и неуклюжие переводы типа *праздник дня рождения*. Но если это не день рождения, а просто? *Танцы, попойка, посиделки* – все эти слова чересчур конкретизируют характер времяпрепровождения.

В торопливые 90-е сразу схватили бы иностранное слово и стали бы говорить *пати, парти* (вряд ли *партия*) или там *суаре*. Но в советское время так было не принято. Какое еще *суаре,* когда есть буквальный перевод – хорошее русское слово *вечеринка*? Его и стали использовать.

Вот, скажем, из перевода “Крестного отца” Марио Пьюзо:

> “Четверо людей – крупье, банкомет, их помощник и официантка в типичном для ночного клуба платье – готовили все необходимое для частной *вечеринки*.

И вот началась новая эпоха, и оказалось, что катастрофически недостает слов, описывающих разные жанры препровождения времени. Собственно, этим объясняется рекордно быстрое, даже для девяностых, освоение слова *тусо-*

ваться. Оно пришло из лагерно-блатного жаргона, где давно уже употреблялось, причем в разных значениях, и первое время это еще ощущалось. Пуристы сначала довольно сильно по поводу этого слова ворчали. Однако тюремный налет очень быстро с него смылся, слово стало общеупотребительным, обросло вариантами и производными: *тусоваться, тусовать, тусъть и тэсить, тусовка, туса, тусыч, тусня, тусэ́* и т. д. Заметим в скобках, что происходит слово от французского *tasser* и первоначально пришло как карточный термин – *тасовать*. Кстати, моя питерская бабушка так и говорила – *Давай, тусуй карты*. Очень яркий образ: на *тусовке* люди перемешиваются, как карты в колоде, то с теми вступая в мимолетный контакт, то с другими.

Вот и слово *вечеринка* обрело второе дыхание. Конечно, если бы не было этой традиции употреблений типа *частная вечеринка*, вряд ли у него были бы шансы. Но ему повезло, и настал его звездный час. Архаичная или простонародная окраска стерлась, и теперь стали уже совершенно привычными сочетания *корпоративная вечеринка, светская, клубная* или *гламурная вечеринка.* Яндекс дает почти 24 тысячи *вечеринок* только в “Новостях”, а уж “Везде” – почти 8 миллионов. А от *вечеринки* обратным словообразованием было произведено и слово *вечерина* (тоже несколько сотен тысяч) – как синоним уже только для *вечеринки* в этом новом смысле, а не для картины Маковского.

Такая вот оптимистическая история. Совсем было слово

выдохлось, и вдруг раз – и оказывается, что жизнь его только начинается.

[2006]

Суесловие

Россиеведение

Они подают нам знаки. Когда Путин сказал свое знаменитое “в сортире замочим”, это был, конечно, знак. И тут важнее не смысл выражения, а его стилистическая окраска. Если бы он сказал: будем, мол, вести решительную борьбу с терроризмом, это было бы не то. Ну, фирменный путинский стиль и характерный юморок всем давно и хорошо известны: и насчет “замучаетесь пыль глотать”, и шуточка про обрезание. Почему-то особенно полюбилась ему тема соплей: и “а мы все сопли жуем”, и “это все выковыряли из носа и размазали по своим бумажкам” (это был отпор журналисту, задавшему вопрос о его личном состоянии), и “утирать кровавые сопли”. Да что там “почему-то” – на самом деле понятно: сопли обеспечивают практически ту же степень грубости, как шутки на сексуальную или анально-фекальную тему, но без риска совсем уж окончательной непристойности.

И когда Медведев произносит: *придурки, уродцы, подставили, крышу сносит*, – это тоже знак. Я, мол, тоже Собакевич. Конечно, обычно трудно оценить, насколько сознательно это делается.

Я помню, как Чубайс в пору своего медового месяца с

Ельциным, еще, конечно, до того, как оказался во всем виноватым, что-то такое говоря, вдруг закончил фразу столь знакомым и совсем не подходящим ему “понимаешь”… Не думаю, что он пытался подражать Ельцину – просто в ходе интенсивного общения словцо прицепилось.

В 2007 году, в День памяти жертв политических репрессий, тогдашний президент России Владимир Путин приехал в Бутово, где похоронены больше 20 тысяч расстрелянных в 1937–1938 годах. Что было с его стороны, безусловно, очень мило. Путин сказал, что в годы репрессий уничтожались “наиболее эффективные люди, цвет нации”. А, как я уже написала выше, одно из важнейших концептуальных изменений в языке последних лет состоит в том, что русские прилагательные *успешный* и *эффективный* стали употребляться не только по отношению к деятельности *(успешные переговоры, эффективное лечение)*, но и по отношению к людям.

Поразителен здесь, конечно, и знак равенства между понятиями *цвет нации* и *эффективные люди.* Кстати, вспоминается и недавно возмутившая общество фраза о Сталине из нового школьного учебника истории – Сталин, мол, был *эффективным менеджером.* В общем, *эффективный менеджер* уничтожил наиболее *эффективных людей.* Свежий взгляд на гибель Мандельштама и Вавилова.

Весной 2008 года тот же оратор сказал, причем не один раз, что “России сегодня нужны более амбициозные цели”.

Было бы неверно думать, что, ставя перед страной *амбициозные цели* вместо привычных *великих целей,* Путин просто хочет блеснуть иностранным словом. Нет, тут совершенно другой смысл. *Великие цели* туманны, и непонятно, достижимы ли они в принципе, да и нужны ли вообще. *Амбициозные* же *цели* с трудом, но достижимы и утилитарны. Слово *амбициозный* до совсем недавнего времени всегда выражало отрицательную оценку. *Амбиции,* как и *карьера,* значили, что человеком движет честолюбие или даже мелкое тщеславие.

Амбициозный карьерист был героем для фельетона, однако постепенно он становится героем нашего времени.

Тогда же, весной 2008 года, новый президент Медведев сказал в своей тронной речи:

> "Чтобы Россия стала одной из лучших стран мира, лучшей – для *комфортной, уверенной и безопасной* жизни наших людей: в этом – наша стратегия, и в этом – ориентир на годы вперед.

Комфортной, уверенной, безопасной – похоже на рекламу автомобиля. Выше я уже написала о том, как быстро прижилось и каким важным стало в последнее время прилагательное *комфортный* – означающее, грубо говоря, "приятный, но без экстрима".

Это то есть без всяких *до основанья, а затем,* без всяких *любой ценой,* без всяких сапог в океане. То есть нам не нужны великие потрясения, нам нужна *комфортная* Россия. Я лично за.

Разумеется, я далека от мысли, что Путин с Медведевым или их спичрайтеры читают, скажем, мои или чьи-то еще сочинения о ключевых словах и языковых изменениях и, найдя там описание слов *комфортный* или *амбициозный,* говорят: “Ага!” – и бегут вставлять это слово в текст новой речи. Просто, видимо, действительно не мы говорим языком, а язык говорит нами.

[2008]

Страшный суд следующей инстанции

Смотрела я как-то передачу “Школа злословия”, где был в гостях Валерий Комиссаров – свой семьянин (передачу такую вел – “Своя семья”), единоросс и депутат Госдумы. Говорил он среди прочего о *сакральности* телевидения. Тем же, кто этой *сакральности* не признает, придется, мол, ответить на Страшном суде. Так и сказал. Это напомнило мне другую историю.

Во время пленарного заседания Думы 30 марта 2005 года жириновцы устроили потасовку в зале. Драка началась после того, как в полемику депутатов Жириновского и Савельева вмешался Олег Ковалев: “Я бы просил *всуе* не поминать парламентское большинство и не поминать «Единую Россию»”.

Вообще-то единороссам свойственно говорить о своей партии в такой манере. Еще в июле 2004 года депутат Госдумы Георгий Шевцов заявил в Вологде депутатам местного Законодательного собрания: “Не упоминайте *всуе* «Единую Россию». Если что-то неясно, подойдите ко мне, я все объясню…”

Ну прямо по песне Окуджавы:

“Ничего, что мы чужие, вы рисуйте –
Я потом, что непонятно, объясню.

Церковнославянское слово *всуе* означает “напрасно”, а выражение *упоминать чье-либо имя всуе* значит “без особой надобности произносить имя Бога или другой святыни, обесценивая тем самым его носителя”, а также более широко – “обесценивать высокие понятия их постоянным и неуместным употреблением”. Это выражение восходит к Десяти заповедям, где сказано: “Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно; ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно”. В Книге Левит разъясняется, что речь идет о клятвопреступлении, лжесвидетельстве и любом злоупотреблении именем Господа. Позднее, чтобы не преступать эту заповедь, имя Иегова вообще не произносили, заменяя его наименованиями Всевышний, Предвечный, Святой, Верный.

Разумеется, сейчас выражение *произносить имя всуе* используется в более широком значении. Так, в воспоминаниях Надежды Мандельштам читаем:

> “У следователя было традиционное в русской литературе отчество – Христофорович. Почему он его не переменил, если работал в литературном секторе? Очевидно, ему нравилось такое совпадение. О. М. страшно сердился на все подобные сопоставления – он считал, что нельзя упоминать *всуе* ничего, что связано с именем Пушкина. Когда-то нам пришлось ‹…› прожить два года в Царском Селе, да еще в Лицее, потому что там сравнительно дешево сдавались приличные квартиры, но О. М. этим ужасно тяготился – ведь

это почти святотатство! – и под первым же предлогом сбежал и обрек нас на очередную бездомность. Так что обсуждать с ним отчество Христофорыча я не решилась.

О Пушкине здесь говорится как о святыне, именно поэтому слово *всуе* уместно – хоть речь идет даже и не о самом Пушкине, а о его антагонисте Бенкендорфе.

Конечно, выражение *упоминать всуе* попадается и в более легкомысленных контекстах, как у Марины Цветаевой:

“Что имя нежное мое, мой нежный, не
Упоминаете ни днем ни ночью – *всуе*…

Но и здесь речь все-таки про любовь – чувство тоже в некотором роде святое.

Что же до просьбы *не поминать всуе парламентское большинство,* то у меня она вызывает в памяти пассаж, с которого начинается повесть Гоголя “Шинель”:

“В департаменте… но лучше не называть, в каком департаменте. Ничего нет сердитее всякого рода департаментов, полков, канцелярий и, словом, всякого рода должностных сословий. Теперь уже всякий частный человек считает в лице своем оскорбленным все общество. Говорят, весьма недавно поступила просьба от одного капитан-исправника, не помню какого-то города, в которой он излагает ясно, что гибнут государственные постановления и что священное имя

его произносится решительно *всуе*. А в доказательство приложил к просьбе преогромнейший том какого-то романтического сочинения, где чрез каждые десять страниц является капитан-исправник, местами даже совершенно в пьяном виде.

[2006]

Священный порядок

Иногда случается, что люди некстати употребляют слова и в результате невольно говорят то, чего вовсе не имели в виду. Мне вспоминается история, которая произошла в начале перестройки. Юрий Бондарев заявил, что писатель должен быть *душеприказчиком русского народа.* Между тем *душеприказчик* – это лицо, которому завещатель поручает исполнение завещания. Получилось, что русский народ умер, а писатель должен выполнить его последнюю волю. Разумеется, ничего подобного никто сказать не хотел.

Я уже рассказывала, как своеобразно телеединоросс Комиссаров употребляет слово *сакральный* по отношению к телевидению и как его братья по разуму запрещают *всуе* упоминать “Единую Россию”.

В каждом отдельном таком случае сначала кажется, что это просто косноязычие. Но постепенно начинаешь понимать, что тут другое. Пользуясь выражением Лакоффа и Джонсона, это “метафора, которой они живут”.

Вот, пожалуй, самая яркая история на эту тему.

Когда в марте 2005 года произошло покушение на председателя правления РАО “ЕЭС России” Анатолия Чубайса, спикер Госдумы Борис Грызлов назвал это покушение *кощунством*. Так и сказал: “Это *кощунство*, это невозможно оставлять без внимания”.

Слово *кощунство* имеет два значения:

1. Оскорбление религиозной святыни. Иными словами, богохульство, святотатство;

2. Оскорбительное отношение к тому, что глубоко чтится, что свято и дорого кому-либо.

Так, у Достоевского в “Бесах” читаем:

> “Кроме кражи совершенно было бессмысленное, глумительное *кощунство*: за разбитым стеклом иконы нашли, говорят, утром живую мышь.

А Юрий Карабчиевский справедливо называет *кощунственной* строчку Маяковского “Я люблю смотреть, как умирают дети”. Таким образом, *кощунство* всегда предполагает оскорбительное поведение, которое ранит, унижает чувства других людей, компрометирует то, что в их глазах свято. Разумеется, у слова *кощунство* бывают и расширительные, образные употребления. Так, можно сказать: “Портить вкус чая сахаром – это просто *кощунство*”. Это несерьезное употребление, но и в нем сохраняется идея, что такое обращение недостойно такого замечательного напитка, как чай, обидно для него.

Все это никак не согласуется с фразой Грызлова. Многих людей употребление им слова *кощунство* покоробило или рассмешило, а журналисты сразу стали цитировать словарные толкования и пытаться приложить их к ситуации. “Независимая газета” написала:

> “Чубайс – гений, конечно, но называть его

> произведением искусства или научным открытием я бы не решился. Что до святости – я-то согласен, что Чубайс святой, но этот вопрос вроде бы не Государственная дума решает.

Правда, Максим Соколов заявил в “Известиях”, что именно Грызлов

> “сумел по первым следам явить пусть стилистически немного корявую, но по сути полностью верную реакцию. Чубайс не является сакральным существом, но порядок ведения дел, при котором пуля и бомба безусловно не приемлются в качестве допустимых средств полемики, – такой порядок является если и не священным, но безусловно необходимым для выживания общества и государства. Тот, кто своими действиями или же благожелательной реакцией на такие действия отвергает табу, – тот *кощунственно* относится к вопросам жизни и смерти родной страны.

Безусловно, жизнь человека священна, и в этом смысле посягательство на жизнь любого человека – чиновника, бизнесмена, врача, водителя троллейбуса – *кощунство*. Что до священного порядка и власти от Бога, то тут Максиму Соколову виднее. Вероятно, златоуст Грызлов действительно подразумевал что-то в этом роде.

[2006]

Это смачное слово зачистка

В свое время Высоцкий писал: “Мы говорим не штурмы, а штормб – / Слова выходят коротки и смачны…” Есть слова, само произнесение которых заставляет говорящего почувствовать себя настоящим мужчиной. Видимо, поэтому наши журналисты обожают щеголять военным жаргоном. Просто удивительно, до чего многим из этих интеллигентных и, казалось бы, мирных людей втайне хочется покрасоваться в камуфляже. В первую чеченскую кампанию им, помнится, почему-то особенно полюбилось слово *отбомбиться*. Что ж, хорошо словечко, как говорил Толстой. *Отбомбились по деревне…* А во вторую вошло в моду слово *зачистка*. Это слово ворвалось в язык стремительно. Вот только что оно употреблялось сугубо цитатно, да и сами военные стыдливо поясняли: “Ну, не *зачистка*, это вообще-то называется мероприятия по…” А уже через пару недель лишь отдельные не утратившие слуха и вкуса телевизионные комментаторы стеснялись произносить это слово, не предварив его чем-то вроде *на языке военных* или *как теперь говорят*. Остальные же бойко выговаривали его без малейшего отчуждения, а то и с особым смаком. Да, кстати о слухе. Уж сколько лет воюем, а большинству журналистов все невдомек, что, говоря о своих погибших, желательно использовать не слово *трупы*, а хотя бы слово *тела*.

Впрочем, надо признать, что в слове *зачистка* есть своя людоедская выразительность. Его головокружительная карьера – отнюдь не случайность.

Каков, собственно, первоначальный смысл глагола *зачистить? Зачищают,* например, контакты: с кончиков проводов, перед тем как их соединить, соскребают окислившийся слой. Кусок масла перед продажей также положено *зачистить* – снять с него темно-желтый налет. Идея в обоих случаях одна: надо удалить наружный, некачественный слой, и предмет явится в своей первозданности, готовым к употреблению. Вот так и в жизни. *Зачистили* деревню – и можно входить. Заметим, что если *очищают* предмет от чего-то постороннего, налипшего, то, чтобы *зачистить,* нужно уничтожить часть, возможно даже большую часть, самого предмета. Но часть эта плохая, ненужная, и ее уничтожение предмету только на пользу.

Зачистить отличается от *очистить* и еще в одном отношении. Когда мы говорим *очистить*, уместно спросить себя: “от чего?” А слово *зачистить* даже грамматически устроено так, что такого вопроса не предполагает. *Зачистить* – и все тут. Поэтому человек, слыша в “Новостях” по сто раз на дню, что что-то там опять *зачистили,* и имея полное ощущение, что он в курсе событий, может, в сущности, весьма туманно представлять себе, что именно происходит.

Бывают слова откровенно идеологические: *выполнение интернационального долга, защита конституционного*

строя. Обсуждать их можно только вместе со всей политической концепцией. Бывают военные термины: *точечные удары* или *ковровые бомбардировки*. Тут все иначе – можно спорить, является ли тот или иной удар *точечным* или не вполне. А есть слова лукавые, такие как *зачистка*. На первый взгляд оно абсолютно конкретное, даже техническое, и напрочь лишенное всякого пафоса. По сути же – мощная идеологема.

В современном сознании чеченская война как-то странно сплелась с войной югославской. И конечно, *зачистки* рифмуются для нас с *этническими чистками.* Однако выражение *этническая чистка* при всей своей кровожадности совершенно простодушно. *Чистка* здесь – это средство достижения *расовой чистоты.* Так же как *партийные чистки* призваны обеспечить *чистоту* партийных рядов. Если уж слово *зачистка* сравнивать со словом *чистка*, пожалуй, уместна и другая аналогия. *Чисткой* русские женщины деликатно именуют процедуру, которую, если верить статистике, осуществляют в среднем по семь раз за жизнь. Тоже ничего себе образ, если вдуматься.

А слово *зачистка* со временем вышло из моды. Новое время – новые песни. Например, *принуждение к миру* – тоже хорошее выражение.

[1999]

Опозоренный имидж

Как пишут в газетах в разделе “Из зала суда”, 7 июля 2006 года движение “Наши” подало в суд Железнодорожного округа города Рязани иск о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Последние пострадали от серии статей, опубликованных в газете “МК в Рязани” под заголовком “Обыкновенный нашизм”. В статьях, как утверждают истцы, редакция газеты “позорит имидж движения «Наши»”. Недавно “Наши” уже разобрались с “Коммерсантом”. Знай наших!

С другой стороны, в связи с соответствующими событиями на Украине, газеты все время поминали блок “Наша Украина”. Помнится, в Одессе в декабре 2004 года на Театральной площади рядом с горисполкомом было выложено из апельсинов слово “Нашизм”. Ушло почти 100 кг – “сколько бы вышло портянок для ребят”! Затем асфальтовый каток на глазах одесской публики раздавил всмятку и апельсины, и, соответственно, само слово *нашизм*. Связана эта акция была, понятное дело, с президентскими выборами. Оранжевый цвет апельсинов – партийный цвет Виктора Ющенко, а *нашизм* – ругательное слово, относящееся к ющенковскому блоку “Наша Украина”. Слово *нашизм* появилось на украинских выборах не впервые, хотя, возможно, независимо. Во всяком случае, когда в Красноярске возник избирательный

блок “Наши”, слово *нашизм* сразу пришло в голову его противникам. Естественно, пошли в ход и формулы “*Нашизм* не пройдет”, “Обыкновенный *нашизм*” – по очевидному созвучию.

Все это заставляет снова задуматься о слове *наши* и вообще о богатом смысловом потенциале местоимений русского языка. Важная особенность системы русских местоимений состоит в том, что существуют возвратное местоимение *себя* и возвратно-притяжательное местоимение *свой*, которые могут соотноситься с любым лицом. Вот, например, на первый взгляд похожие немецкие местоимения *sich* и *sein*. Они в норме соотносятся с третьим лицом, в то время как, скажем, в соответствии с первым лицом обычно фигурируют *mich, mein*.

Тем самым в русском языке создается возможность конкуренции возвратных и возвратно-притяжательных местоимений с местоимениями личными и притяжательными, благодаря чему возникают тонкие смысловые противопоставления. Приведу хорошо известный лингвистам пример Алексея Шмелева.

В высказываниях “Даже в такой ситуации я бы не мог ударить мою жену” и “Даже в такой ситуации я бы не мог ударить свою жену” сказано не вполне одно и то же: *мою жену* – значит, конкретную женщину, на которой говорящий женат, в то время как *свою жену* – значит любую женщину, которой выпадет счастье связать себя узами брака с говорящим.

Иными словами, первое высказывание можно понимать как “Моя жена такова, что я не мог бы ее ударить”, а второе – “Я таков, что не мог бы ударить своей жены”.

А наличие подобного смыслового противопоставления, в свою очередь, создает почву для развития у соответствующих местоимений всевозможных культурных коннотаций, тем более что вообще противопоставление своего и чужого – одна из фундаментальных культурных универсалий.

Так, слово *наши* имеет очень богатый ассоциативный потенциал. “*Наших* бьют!” – традиционный боевой клич в групповой драке. Очень характерно горделивое выражение *“Знай наших!”*. Уже по крайней мере в XIX веке *наш человек* могло означать “простой, искренний”. У Достоевского в “Братьях Карамазовых” читаем:

> “Но Иван никого не любит, Иван не *наш человек*, эти люди, как Иван, это, брат, не *наши люди*, это пыль поднявшаяся… Подует ветер, и пыль пройдет…

Забавно, что выражения *наш человек* и *Вот это по-нашему!* особенно часто фигурируют в контексте выпивки, если, например, человек выпил залпом большой стакан водки.

Само по себе местоимение *наш* означает “принадлежащий некоторой группе, к которой говорящий причисляет и себя”. Естественно, слово *наши* в роли существительного может употребляться для указания на разные вещи: на родню, на соплеменников, на свою сторону в войне или драке и т. п. Конечно, человек может себя идентифицировать од-

новременно с разными группами, отсюда контексты типа советского анекдота времен Шестидневной войны: “Хаим, ты слышал, *наши* взяли много *наших* танков”. Советский еврей осознает себя и гражданином СССР, и евреем.

В советское время существовало идеологическое осмысление понятия *наш* в смысле советский, правильный, идеологически выдержанный. В этом смысле антоним слова *наш – чуждый*. Это часть понятия “мы”, как в названии антиутопии Замятина. В пьесе Л. Зорина “Добряки” говорится о тайном голосовании: “Что-то в этом есть глубоко *не наше. Наш* человек должен голосовать открыто”. Можно вспомнить миниатюру Аркадия Райкина о смехе: “Смех бывает оптимистический – пессимистический ‹…› *наш – не наш*”, а также знаменитую фразу управдома, героини Нонны Мордюковой, в фильме “Бриллиантовая рука”: “*Наши* люди в булочную на такси не ездят!”

Из этого словоупотребления, как отталкивание от него, в послесоветское время возникло понятие “наши” в смысле красно-коричневые. В этом значении слово вошло в широкое употребление после репортажа “Наши” о действиях ОМОНа в Вильнюсе во время событий 12–13 января 1991 года, который был показан в передаче “600 секунд” по Ленинградскому и Центральному телевидению (Толковый словарь русского языка конца XX в.).

Совсем иные ассоциации у слова *свои. Свои* – изоляционистское слово. Это скорее слово меньшинства, которое

стремится держаться вместе, защищаясь от большинства. Ср. *Бежать к своим, только для своих, свой круг. "Кто там?" – "Свои!" – "Свои все дома"*. Слово *свой* используется и в национальном смысле, хотя это и звучит несколько просторечно; ср.: "Ты ей не нужен, она выйдет замуж за *своего*".

Скорее всего, это относится к "малому народу". Слово *свой* в советское время активно употребляла интеллигенция. *"Он свой?"* значило – можно ли при нем рассказывать антисоветские анекдоты. "Он *наш*" – значило скорее, что он настоящий комсомолец, коммунист и т. п. Конечно, сейчас это звучит немного по-другому, но фразу "Он *свой*" по-прежнему можно услышать.

Разумеется, во многих случаях различия между двумя местоимениями оказываются несущественными. Вот названия книги С. Довлатова "Наши" и поэмы О. Чухонцева "Свои" – оба произведения посвящены семейной истории. Однако немало и таких случаев, где эти различия приобретают принципиальное значение.

А слово *наш*, когда его пишут на знамени, по-прежнему вызывает образ подавляющего большинства, которому нужен мир, желательно весь. В общем, обыкновенный *нашизм*.

[2006]

Собеседник для вождя

Перед очередными парламентскими выборами по телевизору показывали дискуссию певца Иосифа Кобзона с певцом Александром Градским. И вот в ходе полемики, которая была посвящена проблемам не музыкальным, а общественным, Кобзон сказал Градскому: “Вот ты читал беседу Ленина с Хаммером? Ленин сказал: вы, батенька, приезжайте к нам через десять лет, тогда увидим”.

Кобзон ошибся: он спутал бизнесмена Арманда Хаммера с писателем Гербертом Уэллсом. Ленин действительно встречался с ними обоими примерно в одно время – в 1920–1921 годах. Только с молодым врачом и финансистом Хаммером, сыном американского миллионера, много лет материально поддерживавшего коммунистическое движение, Ленин беседовал не о будущем, а о концессиях на асбестовые рудники в Сибири. Впрочем, содержание их беседы никогда не было достоянием широкой публики. Дела Хаммера в России шли прекрасно, попутно он вагонами вывозил российские культурные ценности – частью для собственной коллекции, частью на продажу. Так что Ленину решительно незачем было обещать ему, что через десять лет в России все будет лучше. Хаммер, кстати, продолжал свои контакты с СССР и через десять лет, и дальше – он даже еще с Горбачевым дружил.

А вот английский писатель-фантаст Герберт Уэллс встречался с Лениным, чтобы обсудить свои впечатления о Советской России. Ленин ему рассказывал о планах электрификации страны, Уэллсу они казались утопическими, вот тут-то Ленин и предложил ему приехать через десять лет. Российскому обществу эта беседа известна не столько по главе “Кремлевский мечтатель” в книге Уэллса, сколько по одной из пьес драматурга Николая Погодина. “Я вижу Россию во мгле”, – делится впечатлениями писатель, а Ленин разворачивает перед ним план ГОЭЛРО и говорит про десять лет. Уэллс, кстати, тоже последовал совету и приехал еще раз.

Кобзон ошибся не случайно: эта ошибка, как теперь модно говорить, системная. Дело в том, что в русской культуре издавна существовал сюжет, который условно можно обозначить как “поэт и царь”. Николай I спросил Пушкина, где бы тот был 14 декабря, если бы оказался в Петербурге, и поэт ответил, что там же, где его друзья, читай на Сенатской площади. Эта хрестоматийная история обычно приводится в доказательство оппозиционности Пушкина и его смелости. Но ведь здесь важна и другая сторона: самодержцу было страшно интересно и важно, что думает о нем лучший и талантливейший поэт его эпохи. Сталин позвонил по телефону Пастернаку, чтобы обсудить дело Мандельштама, а тот предложил поговорить о жизни и смерти – Сталин бросил трубку. Да, трубку бросил и Мандельштама все равно не пощадил, но ведь пришло же ему в голову позвонить и поинтересовать-

ся мнением Пастернака. Этот разговор тоже вошел в историю, и десятилетиями обсуждалось, что имел в виду Сталин, правильно ли Пастернак ему ответил и что следовало обязательно сказать. Словом, как выразился Евтушенко, “поэт в России больше, чем поэт”, и достойным собеседником для властителя традиционно считался у нас властитель дум.

Трудно сказать, насколько точно Погодин описал встречу Ленина с Уэллсом, но очевидно, что сцена беседы вождя и писателя вписывается в эту традиционную российскую систему представлений, или, выражаясь по-научному, парадигму. Конечно, с точки зрения Погодина, Ленину важно было донести свой взгляд на будущее России в первую очередь до писателя. Однако в последние годы российская культурная парадигма сменилась, и поэт у нас уже не больше, чем поэт. Не меньше – но и не больше. Теперь в качестве естественного собеседника для властителя мыслится скорее финансист, олигарх. И в сознании артиста и делового человека Иосифа Кобзона финансист Хаммер не случайно заместил собою писателя Уэллса.

[2008]

Не в лад, невпопад

Как часто мы употребляем слова, не думая о том, что они в точности значат, и не вглядываясь в их внутреннюю форму… Когда умер великий лингвист Сергей Старостин, на похоронах кто-то из выступающих, как водится, упомянул о *самоотверженном труде* ученого. Одна коллега сказала мне: “Вообще-то слово *самоотверженный* тут совершенно не подходит”. Это правда. Ведь в слове *самоотверженный* главное – это идея жертвы. Человек приносит свои желания, интересы, а то и свою жизнь в жертву тому, что он считает более важным: другому человеку, обществу и т. д. Он *отвергает* себя во имя чего-то или кого-то. Вот пример:

> “Это была сила, способная на всякое *самоотвержение*; это было существо, никогда не жившее для себя и серьезно преданное своему долгу (Н. С. Лесков. *Некуда*, 1864).

Но разве о настоящем ученом можно сказать, что он живет не для себя? Разве научная работа – это жертва? Нет, конечно, ученый удовлетворяет собственное любопытство, собственную страсть к истине. То, чем он занимается, искренне кажется ему самым интересным на свете. Это не *само-отверженностъ,* а *само-реализация.* Так сказать, *само-приверженность.*

И величайшей жертвой для него был бы как раз отказ от

занятий любимой наукой. Об ученом скорее можно сказать, что он работает не *само-отверженно,* а *само-забвенно.* Вот тоже еще хорошее слово – *самозабвенно*. Человек не забывает о себе в альтруистическом смысле, а, напротив, настолько эгоистически поглощен тем, что он делает, что и себя не помнит.

Невнимание к словам приводит иногда к анекдотическим результатам. Как-то спикер Госдумы Борис Грызлов, когда его попросили прокомментировать отсутствие дебатов по поводу предложения Путина об отмене некоторых выборов и о создании препятствий для оппозиционных партий, ответил, что “парламент – это не место для дискуссий”. Вот это да! Само слово *парламент* родственно латинскому глаголу *parlare* – “говорить”, так что действительно, какие уж тут дискуссии. Еще можно было бы сказать, что *спикер* (от английского *speak* – “говорить”) нужен не для того, чтобы разговоры разговаривать.

После завоевания Англии французскими нормандцами в английском языке появилось большое количество галлицизмов. В частности, из французского был заимствован целый ряд слов, связанных с государственным устройством. В 1265 году по инициативе Симона Монфора, графа Лестерского, и объединившихся вокруг него баронов, которые требовали ограничения власти короля, был созван Совет для управления страной. На Совет были приглашены бароны и высшие духовные лица, а также по два рыцаря от каждого графства

и по два горожанина от крупных городов.

Это новое учреждение получило французское название *parlement* – парламент (буквально “говорильня”); орфография была впоследствии “исправлена” латинистами *parliament.* Старые английские авторы, писавшие о роли парламента, нередко именно посредством этимологических спекуляций пытались определить его основное предназначение.

Существовали две народные этимологии этого слова. Согласно одной название представительного органа Англии происходит от французских слов *parler* (“говорить”) и *ment* (“мнение”) и означает “собрание людей, соединившихся вместе, чтобы выразить мнение или дать совет”. А вот согласно другой этимологии термин *parliament* возник в результате соединения двух латинских слов – *parium* (“равные”) и *lamentum* (“жалобы”, “печали”, отсюда слово *ламентации* – “сетования”) – и означает место, где люди, равные по статусу, имеют возможность высказать свои жалобы. Таким образом, идея недовольства оказывалась изначально заложенной в самом слове *parliament,* что и давало основание для утверждений об исконной оппозиционности парламента. В общем, нашему спикеру такая этимология тоже не пригодилась бы.

[2005]

А по нечетным?

В ноябре 2004 года на съезде Российского союза промышленников и предпринимателей бизнесмены попросили президента России об учреждении звания “Почетный предприниматель России”. Путин сказал, что подумает. Сообщение об этом вызвало массу шуточек.

В интернете можно было прочитать: вот, мол, Совок возвращается! Теперь еще надо учредить звания “герой капиталистического труда” и “дважды герой капиталистического труда”, с установкой бюста на родине. Действительно, этот *почетный предприниматель* звучит очень по-советски. Однако интереснее здесь, пожалуй, другое.

Вообще слово *почетный* в сочетании с разного рода обозначениями лиц ведет себя довольно своеобразно. Конечно, *почетный гость* – это всегда действительно гость, только особо почитаемый. *Почетный пенсионер* – это пенсионер. А вот *почетный пионер* – это лицо совсем не пионерского возраста. Например, когда Брежнев пригласил Анджелу Дэвис в гости в СССР, ее в Артеке приняли в почетные пионеры.

Геннадий Зюганов, кстати, тоже почетный пионер. *Почетный профессор* университета обычно там не преподает. Например, скульптор Зураб Церетели имеет титул почетного профессора МГУ. Почетными профессорами часто избирают писателей и политиков, им вручают дипломы и мантии,

но студентов они не учат. *Почетный президиум* обычно дополняется президиумом рабочим. Если человека отстраняют от руководства, но не хотят обижать, его могут назначить *почетным председателем.*

Конечно, *почетными гражданами* обычно избирают граждан. Однако посол Латвии в Берлине перед матчем чемпионата Европы 2004 года по футболу сказал в интервью немецкой газете “Билд”:

> “Если реально оценивать ситуацию, шансов против немцев у нас нет, но если Кан (вратарь немцев. – *И. Л.)* совершит оплошность и мы победим, то мы сделаем его *почетным гражданином* Латвии.

Бывший президент Украины Леонид Кучма был *почетным членом* олимпийской сборной Украины. Один из современников вспоминал о легендарном спортивном комментаторе Николае Озерове:

> “Как-то Николай Николаевич показал мне различные свои удостоверения. Почетным членом чего он только не был: *почетный* пионер, пограничник, железнодорожник, медик, библиотекарь, агроном, мелиоратор и т. д. и т. п. Всем хотелось считать своим коллегой этого интереснейшего человека.

Тут нельзя не вспомнить короля из “Обыкновенного чуда”: “Как *почетный* святой, *почетный* великомученик, *почетный* папа римский нашего королевства…”

Так как же можно понять звание “почетный предприни-

матель”? По аналогии с *почетным пионером?* На самом деле предпринимателем не является, но в знак уважения и за особые заслуги получает титул *почетного предпринимателя* с вручением диплома и памятного знака? Пожалуй, тогда такого звания заслуживают чиновники, которые меньше других мешают предпринимателям работать. А если капитализм прекратится и настоящих предпринимателей не останется, то званием почетного предпринимателя можно будет награждать особо отличившихся директоров предприятий.

Когда-то был такой анекдот. Однажды у чукчи спросили: “Чукча, вы хотите стать почетным академиком Академии наук СССР?” Чукча подумал и сказал: “Однако, хорошо! По четным – академиком, по нечетным – рыбу ловить”. Вот интересно, что же будет делать по нечетным *почетный предприниматель*?

[2006]

Личная фурия

Меня поразила сказанная во время одной из реорганизаций правительства фраза: “Ответственность министров будет персонифицирована”. Понятно, что имелась в виду личная, или персональная, ответственность министров. Но реально сказано в этой фразе нечто другое. *Персонификация* – это то же самое, что *олицетворение,* то есть представление какой-либо абстракции в виде человеческого существа. Например, помните чеховского человека с молоточком из рассказа “Крыжовник”? Такой человек с молоточком должен быть у каждого счастливого человека и напоминать ему, что не все вокруг счастливы и что счастье не вечно. Вот это и есть *персонификация*. Человек с молоточком олицетворяет для Чехова совесть. Или вот Статуя свободы – свобода *персонифицирована*, представлена в виде женщины. В классической книге выдающегося нидерландского историка и культуролога Иохана Хейзинги “Homo ludens” сказано:

> “Как только эффект образного выражения в описании состояния или события создается с помощью терминов мимоидущей жизни, мы вступаем на путь *персонификации*. Олицетворение бестелесного или безжизненного – душа всякого мифотворчества и почти всякой поэзии.

Так что же такое *персонифицированная ответствен-*

ность? Так и видишь министров, вокруг которых толпятся эдакие мойры – греческие богини судьбы. Или лучше римские фурии – богини мести, кары, мучительницы душ в аду. У каждого министра своя фурия – *персонифицированная ответственность*. Интересно только, как это можно устроить?

Или, пожалуй, не так. У мрачного символиста Федора Сологуба в романе "Мелкий бес" есть такой персонаж – *недотыкомка*, которая бегает под стульями, воплощение ужаса жизни. Вот, пожалуй, *персонифицированная ответственность* министров – это такая серая недотыкомка в чиновничьем костюме, которая бегает под стульями и расшатывает кресло под министром. Чтоб ему служба медом не казалась.

Вспомним уж заодно еще один шедевр современного русского языка, связанный с латинским словом *персона*. Всем, наверное, приходилось слышать такую формулу: "Ну а теперь давайте по персоналиям" (то есть "обсудим конкретных людей"). Вообще-то слово *персоналия* – это само по себе латинское множественное число. Это то, что касается лично каких-то людей, в частности, раздел юбилейных статей и некрологов в журналах. Но появилось и слово *персоналии*, которое все чаще употребляется просто в значении "персоны". Например, в книге Андрея Константинова "Бандитский Петербург" читаем: "Наверное, все дело в *персоналиях*, в конкретных людях, которые выполняют ту или иную работу".

Так что получается, что сами министры – это *персоналии*,

а ответственность у них *персонифицирована*. Чего же от них тогда и ждать?

[2006]

Без ансамбля

Тут как-то телерепортаж о верноподданническом митинге назывался “Их тьмы, и тьмы, и тьмы” (по-видимому, в хорошем смысле). Что было, конечно, некоторым преувеличением, но желания *попробовать сразиться с ними* действительно не вызывало. Надо сказать, что в соответствующем блоковском тексте еще много строчек, которые можно пустить на заголовки. Например, такая: “Мы, как послушные холопы…”

В период предвыборной кампании я увидела в интернете список партий, участвующих в выборах. Это была таблица, в которой указывался номер партии в бюллетене, название, состав тройки. Ну, скажем: “7 / ЛДПР / Жириновский – Луговой – Лебедев”. Или: “9 / Патриоты России / Семигин – Селезнёв – Маховиков”.

Самая замечательная строчка, конечно, такая: “10 / Единая Россия / Путин (единолично)”.

То есть, если кто-то не умеет считать до одного… Хотя тогда непонятна другая строчка: “8 / Справедливая Россия / Миронов – Горячева”. Как же человек может не уметь считать до одного, но уметь считать до двух? Тогда уж надо писать: “Миронов – Горячева (вдвоем)”. Или там: *на пару. Дуэтом. В две каски.* Да как угодно. Было бы логично, если бы так: по умолчанию – на троих, а другие случаи особо огова-

риваются. Мне было интересно, неужели это будет и в бюллетенях? Все же нет.

А если серьезно, тут все не так просто. Все, кому я рассказывала про это “Путин (единолично)”, ужасно смеялись.

Между тем во фразе “Путин единолично возглавит список «Единой России»” нет ничего особенно смешного. Лингвистически, я имею в виду.

Наречие “единолично” имеет довольно сложное значение. Можно сказать: “В этом случае судья принимает решение *единолично*”. Или: “Он *единолично* распоряжается имуществом фонда”. В смысле, не *коллегиально.* Но ведь нельзя же: “Стрелочник будет отвечать за все *единолично*” или “Он выпил бутылку водки *единолично*”. Тут надо сказать: *в одиночку*. Нельзя: “Я там был *единолично*” (в смысле, без жены). Тут скажут “Я был *один*”. И нельзя: “Я сидел на кухне *единолично*” (надо – *в одиночестве*). Не скажут и “играть на скрипке *единолично*” (тут надо – *соло*). Итак, можно *единолично решать,* но нельзя *единолично быть.* Поэтому *единолично возглавляет список* – еще ничего, а вот когда в этом самом списке при фамилии стоит слово *единолично*, это выглядит невероятно забавно. И вызывает стандартную реакцию: “Ага, он *единоличник*!”

Вот, кстати, тоже хорошее слово.

Я вспоминаю историю, как одно время патриотически настроенные депутаты пытались изъять из языка чуждое слово *фермер* и заменить его на родное – *единоличник*. Не получи-

лось.

А ведь *единоличник,* как и *фермер,* – это крестьянин, который, во-первых, не является наемным работником, а во-вторых, не является членом какого-либо сельскохозяйственного коллектива, работает самостоятельно. Мешает, однако, оценочный потенциал слова. В “Толковом словаре русского языка конца XX в.” слово *единоличник* имеет помету “неодобр.”. Действительно, в советское время это слово ассоциировалось с чем-то отсталым и даже антиобщественным (хотя и не в такой степени, как, скажем, *кулак*).

Это, конечно, поддерживалось тем, что в этом слове даже дважды выражена идея “индивидуализма” (один + лицо), а в русской крестьянской культуре традиционно существовали такие ценности, как *мир* и *община.*

В разговорной речи слово *единоличник* могло даже образно употребляться в значении “жадина, эгоист”. Показателен эпизод из известного фильма “Девчата”: героиня Надежды Румянцевой, воспитанная в детском доме, не задумываясь, берет из тумбочки чужие продукты и ест. Когда же другая девушка делает ей замечание, она возмущенно отвечает: “Единоличница!”

Я думала, что это значение уже ушло из языка вместе со всей культурой истерического коллективизма. Но говорят, что в дворовом футболе до сих пор в адрес игрока, который пытается сам бить по воротам, когда надо отдать пас, можно услышать гневное: “Единоличник хренов!”

[2007]

Немногочисленный властитель

Как-то раз бывший российский премьер Евгений Примаков выступил с интересным лингвистическим эссе о слове *олигарх*.

> “*Олигарх*, – сказал он, – это не просто крупный предприниматель, это тот бизнесмен, который набивает карман за счет махинаций, в том числе с налогами, который может поставить ножку сотоварищу, который грубо стремится лезть в политику, развращает чиновников и депутатов.

Впрочем, еще за полгода до этого тогдашний президент Путин сформулировал очень похоже:

> “Мне не нравится слово “олигарх”. “Олигарх”, как мы обычно говорим, это человек с наворованными деньгами, который и дальше продолжает воровать, используя особый доступ к власти.

Вообще слово *олигарх* в последнее время превратилось почти в ругательство. В суде Рязанской области слушалось дело по иску бизнесмена Сергея Кузнецова и его адвоката к журналисту “Новой газеты” Михаилу Комарову. Суд рассматривал вопрос об использовании журналистом “порочащих” слов, в частности слова *олигарх*.

История слова *олигарх* совершенно замечательна. Само по себе слово *олигархия* греческого происхождения, оно озна-

чает “власть немногих”. *Олигос* значит “немногий” – этот корень есть и в других словах, самое известное из них – *олигофрения*, то есть недостаток ума, слабоумие. Ну а греческое *архе* – “власть” – входит во многие общеизвестные слова, например *монархия* (“единоличная власть”) и *анархия* (“безвластие”). Так что слово *олигархия* не имеет отношения к богатству. Например, в древности и в Средние века *олигархической верхушкой* была в первую очередь аристократия. Слово *олигарх* в значении “очень богатый и влиятельный человек” возникло в середине 90-х годов прошлого века. Вероятно, начало было положено в 1995 году, когда газета “Век” опубликовала большой материал, посвященный бизнесмену Олегу Бойко, под заголовком “Портрет олигарха в молодости”. Слово *олигархи* постепенно вытеснило бытовавшее до этого обозначение *семибанкирщина* и *большая семерка*. Оно и понятно: число семь не было фиксированным, да и интересы бизнесменов быстро вышли за пределы банковской деятельности. Борис Березовский утверждал, что путевку в жизнь слову *олигарх* дал он, употребив его в интервью “Financial Times”. Борис Немцов считал, пожалуй, не без оснований, что это он ввел слово *олигарх* в широкий оборот. Есть и другие версии. В любом случае источником вдохновения послужила работа Ленина об империализме как высшей стадии капитализма – там подробно говорится о “финансовой *олигархии*”, и все мы изучали эту работу и в школе, и в вузе. Словцо, однако, привилось и стало приметой времени.

Вообще-то, если вдуматься, в этом слове есть нечто забавное. Действительно, *монархия* – единоличная власть, а *монарх* – единоличный властелин. А *олигарх* – немногочисленный властелин. Как тут не вспомнить Остапа Бендера: “Безымянный палец моей левой руки унизан брильянтовым перстнем”.

Правозащитник Сергей Ковалев возмущенно откликнулся на выступление Примакова:

> “Посмотрите, как недавно академик Примаков интерпретировал слово “олигарх”. Понятно, что это слово употребляется сейчас совершенно безграмотным образом. А ведь оно имеет точное значение: олигархия – это власть меньшинства. Вот Путин – это *олигарх*, потому что он яркий представитель того меньшинства, которое осуществляет власть, – не важно, кем выдвинуто меньшинство. Если вы хотите сказать о власти денег, о попытке осуществить такую власть, употребите другое слово: *плутархия, плутократия* – есть же эти слова! Полистайте словарь, вы же, черт возьми, академики!

Конец цитаты.

Действительно, греческое *плутос* означает богатство, а *кратос* – власть. Я помню, что в середине 90-х слово *плутократия* тоже мелькало в прессе, правда, многие воспринимали его не как термин, указывающий на власть богатства, а как ругательство, образованное от русского слова *плут*. По этой ли причине или потому, что слову *плутократия* не так

повезло со сторонниками, как его конкуренту, только оно как-то не привилось.

История слова *олигарх* в чем-то напоминает то, что произошло в XX веке со словом *гегемон*. Само по себе это слово – тоже, кстати сказать, греческое – означает “руководитель”, “вождь”.

Еще до революции 1917 года обозначение *класс-гегемон* закрепилось за пролетариатом. Позже само слово *гегемон* стало употребляться в значении “рабочий класс”, а потом превратилось и в неодобрительное обозначение грубого и необразованного человека. Аналогия усугубляется тем, что, так же как недавно был снят фильм “Олигарх”, в 1931 году появился фильм “Гегемон”. Видимо, во всем этом есть некая закономерность. Слово, указывающее на власть, закрепляется за обозначением конкретной группы, которая в данный момент “у руля”, и отдельных ее представителей, но с течением времени превращается в ругательство, а потом и вовсе выходит из употребления. *Sic transit gloria mundi…*

[2005]

Милые улики

Я получила письмо от читателя. Обратный адрес заканчивался расширением “fr”, что существенно для дальнейшего повествования, а само письмо было довольно раздраженным. Впрочем, раздражение относилось не столько ко мне лично, сколько к современному состоянию русского языка, который, по мнению моего корреспондента, настолько испорчен большевиками, что русским уже давно не является. В качестве иллюстрации приводились не какие-нибудь *кандидаты нерушимого блока коммунистов и беспартийных*, а “советские выраженьица типа *давайте сделаем то-то и то-то* и *на полном серьезе*, а также *он тот еще специалист*”. Действительно, открытые идеологемы не так бесят, как некоторые безобидные словечки, которые незаметно проникают в речь и окрашивают ее в специфические тона. Что там *нерушимый блок*: пришел домой, снял френч, а вместе с ним оставил в прихожей и всю идеологическую лексику – и вот ты снова нормальный человек. А тут поди уследи.

Я задумалась над выражением *тот еще* (“Это *тот еще* фрукт”, “Она *та еще* мамаша”, “Концерт был *тот еще*”): для меня было неожиданностью, что его воспринимают как отчетливый советизм. Ну да, легкий налет вульгарности – но чтобы вот так прямо… Хотя, пожалуй, в этом что-то есть. Действительно, в дореволюционных текстах такого не попа-

дается. Если вдуматься, в общем, даже понятно, откуда это взялось. После 1917 года жизнь раскололась на “до” и “после”, причем само упоминание о “до” стало рискованным: “А ваши кто родители? Чем вы занимались до семнадцатого года?” Ну и далее по тексту. Поэтому совершенно естественно распространение выражений типа *из бывших* или – как в нашем случае – *тот еще*, в смысле “дореволюционный, из прошлой жизни”.

Первоначально, вероятно, это не значило “плохой”. Одна моя коллега рассказывала, что ее мама до сих пор говорит, например: “У нас были *те еще* учителя”, имея в виду, что учителя были настоящие, с гимназическим прошлым.

Конечно, кто был ничем, стал-таки всем, но, если серьезно полечиться или поучиться, надежнее все же был доктор или учитель с подмоченным социальным происхождением и сомнительным послужным списком. *Тот еще,* короче. Хотя это лучше не афишировать. Потом, как это часто бывает в истории языка, оценка поменялась, значение расширилось, и вот мы имеем то, что имеем: сочетание, которое может относиться к чему угодно, выражающее неопределенно-отрицательную оценку и какое-то непонятное ехидство.

Ситуация, когда какое-то относительно невинное выражение становится опознавательным знаком, а то и красной тряпкой, не редкость. Чего стоит широкомасштабная дискуссия по поводу сочетания *эта страна*.

Даже покойный Патриарх Алексий выступил с лингвисти-

ческим рассуждением: нехорошо, мол, когда говорят *эта страна* вместо *наша страна*. Непатриотично. А о всевозможных профессиональных патриотах что и говорить. Те совсем уж, что называется, *научат Родину любить*!

Поразительно, сколько всего написано про это выражение. Пишут, что это вообще англицизм, а по-русски так сказать нельзя. Да бросьте! Что, не может человек, находясь у себя дома, воскликнуть: "Дадут мне сегодня кофе в *этом* доме?!!"

Пишут, что это влияние американской культуры:

> "*This land is your land, this land is my land, From California to the New York island, From the red-wood forest to the Gulf Stream water This land was made for you and me.*

Но это как раз очень, между прочим, патриотично, хотя и с явным колонизаторским уклоном.

Еще пишут, что подло обзывать Родину *этой страной* придумал Горбачев во время Перестройки. А вот уж это совсем дудки. Я прекрасно помню, что задолго до всякой Перестройки диссидентствующая интеллигенция именно так и говорила, с характерной интонацией, обозначающей фигу в кармане: *в этой стране*… Не обязательно было высказываться о Брежневе или "Пражской весне". Местоимения было достаточно – все становилось ясно. Мне кажется, что источник здесь был вполне возвышенный – ахматовский "Реквием":

“А если когда-нибудь *в этой стране*
Воздвигнуть задумают памятник мне,
Согласье на это даю торжество,
Но только с условьем – не ставить его
Ни около моря, где я родилась:
Последняя с морем разорвана связь,
Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,
А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов.

Эти строки написаны в 1940 году о сталинском терроре. Там же, как все, наверно, помнят, сказано:

“И если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит стомильонный народ…

Для интеллигенции “Реквием” был культовым текстом и стоял в одном ряду с “ГУЛАГом”.

С употреблением местоимений и вообще с русским языком, а также и с патриотизмом у Ахматовой все было в порядке. Заменить здесь местоимение невозможно: “А если когда-нибудь в *нашей* стране…”

Дело в том, что в случае с *нашей страной* страна определяется через принадлежность к личной сфере говорящего и притом подразумевается некое *мы* – общность людей, к которой говорящий себя причисляет. А в случае с *этой* – че-

рез обстоятельства места и времени. Как написала владевшая всеми местоимениями Ахматова уже позже, в 1961 году: “Я была тогда с моим народом, / Там, где мой народ, к несчастью, был”.

Да нет, конечно, патриоты по-своему правы. В сочетании *в этой стране* есть своего рода отстраненность или, как любили говорить представители формальной школы, *остранение.* Это похоже на то, как у Гоголя в начале “Мертвых душ” упоминаются *два русских мужика.* Известная проблема: зачем, собственно, если действие происходит в глубине России, уточнять, что мужики русские. А какие же? По этому поводу существует большая литература, исследователи спорят: то ли тут малороссийский субстрат сказывается, то ли это у Гоголя такой особый взгляд на Россию – как бы из космоса.

Зря только они думают, что внесением в черный список отдельных слов и выражений можно добиться единомыслия в обществе. Если что, другие опознавательные знаки заведем, сообразим, как аукаться и перемигиваться. *No pasarán!*

[2008]

Креатив.ру

Всему есть свои причины.

Почему внезапно вторгаются в язык, мгновенно прививаются и входят в моду те или иные слова? Вот, скажем, из недавних, самых популярных и самых раздражающих приобретений русского языка – прилагательное *креативный*, существительное *креатив* и даже глагол *креативить. Тут нужен креатив! Пойду покреативлю…*, *Креативные фотографии (прически)…*

А продавщицы льстиво говорят экстравагантно одетой покупательнице: “Какая вы *креативная*!” И не стоит торопиться обвинять их в любви к иностранному и низкопоклонстве перед Западом.

В русском языке много слов, как говорит одна моя коллега, “на котурнах”. Это слова не обязательно высокие, а, возможно, просто слегка необиходные, не ко всякой ситуации применимые. Вот, скажем, слова *совершенный, совершенство*. Казалось бы, по значению и даже по происхождению это то же, что английское *perfect.* Но готовы ли мы назвать *совершенной* степень прожарки мяса или ученическую работу?

Русский язык очень чувствителен к такой приподнятости. В частности, это проявляется в том, что не все можно сказать о себе. Когда, например, актер или певица говорят в интер-

вью: “В моем творчестве…” – это звучит вульгарно и смешно. Многие представители “творческих” профессий с трудом даже выговаривают: “Я поэт” или “Я ученый” – и их можно понять. Вот Бродский в своих интервью собственные стихи именовал не иначе как *стишки.* Сейчас пишущие люди часто называют свои произведения отчужденно – *текстами* или иронически – *сочинениями* и даже *опусами.* В воспоминаниях поэта-акмеиста Георгия Иванова есть такой эпизод. Вспоминая ушедших друзей, автор говорит:

> “Все, кто блистал в тринадцатом году –
> Лишь призраки на петербургском льду…
>
> Если не все, то почти все. Из всех блиставших тогда поэтов жива только одна Ахматова да еще… Я чуть было не закончил – и пишущий эти строки, – но вовремя спохватился. Ведь сказать “я блистал” так же невозможно, как “я кушал”. ‹…›
>
> Впрочем, “Пушкин – наше все”, Пушкин, не только самый великий, но и самый петербургский из всех русских поэтов, дал нам пример обращения с этим неудобным глаголом:
>
> …Онегин, добрый мой приятель,
> Родился на брегах Невы,
> Где, может быть, родились вы
> Или блистали, мой читатель.

Там некогда гулял и я… –

значит, ‹…› глагол *блистать* спрягается своеобразно: я гулял, ты блистал, он, она, они блистали. Заканчиваю свою фразу: из всех поэтов жива только блиставшая в Петербурге Анна Ахматова и когда-то гулявший в нем – я…

Поэтому ничего удивительного, что, когда рекламный бизнес начал у нас развиваться, сразу появились *креаторы* и *криэйторы,* а потом *креативщики* – и никому даже в голову не приходило писать в объявлениях о вакансиях: “Требуются *творцы* с опытом работы” или, скажем, “В рекламный отдел требуется *созидатель*”. В этом была определенная скромность, даже целомудрие. Хотя по большому счету придумывание прелестного макавтовского слогана “Поедем, поедим!” – чем не творчество? Да, конечно, всевозможные “Съел – и порядок!”, “Молоко вдвойне вкусней”, “Тает во рту, а не в руках” – не Пушкин. Так ведь и не все стихи одинаково прекрасны. Но нет, русский язык тут строг. *Творчество* – это другое: “Цель творчества – самоотдача…”, ну там, “И божество и вдохновенье…”, “Рождая орган для шестого чувства…”, “Жизнь, кажется, висит на волоске…”, “Ты ль Данту диктовала страницы «Ада»?” А вы говорите, рекламные слоганы сочинять…

Но что там рекламщики. В номенклатуре новых специальностей каких только *бренд-менеджеров* и *копирайтеров*

нет. А вот то, что слово “пошло в народ” и стало широко употребляться в быту, доказывает, что такой “низкий” аналог *творчества* языку очень даже пригодился.

Истоки стилистической изощренности русского языка лежат в его истории. Долгая диглоссия (распределение функций между русским и церковнославянским), позднее формирование русского литературного языка, дискуссия между шишковистами и карамзинистами о славянизмах и заимствованиях из западных языков, арзамасец Пушкин: “Пошел к Катенину – побей, но выучи”. В общем, это длинная история.

Пожалуй, в появлении смешных слов *креативщик* и *креативить* можно увидеть не отсутствие уважения к великому и могучему русскому языку, а, наоборот, подсознательное следование его матрице. Для русского языка, как известно, характерно своеобразное двоемирие – удвоение важных понятий, разделение их на “горний” и “дольний” варианты: *благо* и *добро, истина* и *правда, долг* и *обязанность*… А вот теперь еще новая пара: *творчество* и *креатив*.

[2008]

Лояльность к недостаткам

В одном из номеров мурманской газеты “Любимый город” написано: “Мудрость ведь предполагает жизненный опыт, философский взгляд на вещи и лояльное отношение к человеческим слабостям и недостаткам”. Такое употребление слова *лояльный* очень типично для современного русского языка. Например, говорят “Я отнесся к нему *лояльно*” – в смысле не стал бить морду. Попросту говоря, *лояльный* стало употребляться в значении “терпимый”, или, что то же самое, “толерантный”.

Между тем *лояльный* по происхождению – то же слово, что *легальный*, только во французском варианте. Они восходят к латинскому *lex* – закон. И в своем первом значении *лояльный* – значит законопослушный, например, *лояльные граждане.* Во втором значении слово *лояльный* указывает на то, что человек не позволяет себе действий и высказываний, противоречащих интересам работодателя, начальника и т. д. Говорят “Он *лоялен* к президенту”, “От служащих фирмы требуется *лояльность*”, “Он всегда ведет себя *лояльно* по отношению к бывшей жене”. Примерно в таких же значениях это слово присутствует и в других европейских языках. Однако в русском слове постепенно происходят смысловые сдвиги. Чем дальше, тем больше отходит на задний план идея действия в чьих-то интересах и усиливается идея

готовности мириться с недостатками.

Вообще слова, которые принадлежат к так называемой интернациональной лексике, очень интересны. Многие из них в разных языках имеют не вполне совпадающие значения. Именно таково слово *лояльный*. Например, недавно по телевизору показывали американский фильм. Там героиня, родители которой погибли на “Титанике”, в какой-то момент приходит в редакцию газеты, хозяином которой был ее недавно погибший отец, и благодарит сотрудников за… в русском переводе сказано за *верность*, но в английском тексте прозвучало, буквально, *лояльность (loyalty).* Конечно, русское слово *лояльность* было бы в этой ситуации неуместно и даже несколько оскорбительно: получилось бы, что героиня благодарит сотрудников отца за то, что после его смерти они не кинулись немедленно давать скандальные интервью о его частной жизни, не начали продавать производственные секреты и т. д.

Можно привести забавный пример. В некоторых крупных российских магазинах выдаются дисконтные карты. Я тут о них уже говорила – в другой связи. На одной стороне по-английски написано: *Loyal customer,* а на другой по-русски: *Постоянный покупатель*. Естественно, невозможно было бы написать: *лояльный покупатель*. Это значило бы, что дисконтную карточку выдают покупателю, который не ворует товары с полок (зато, с другой стороны, появилось смешное выражение *лояльные цены*). Впрочем, оказалось, что не всем

такое сочетание кажется смешным. Например, баскетбольный магазин “Ситислэм” сообщает: “Карта *лояльного покупателя* выдается при покупке на сумму 7000 руб. в течение одного дня. ‹…› Два раза в год проводятся акции для *лояльных покупателей*”. Да и у сотового оператора “Мегафон” есть *бонусная программа для лояльных клиентов.*

В русском языке слово *лояльный* не сразу приобрело эти специфические оттенки смысла. Раньше оно могло употребляться совершенно иначе. Приведу такой пример. Отец Марины Ивановны Цветаевой был женат на ее матери вторым браком. Его дочь от первого брака, Валерия Ивановна, писала о своей мачехе: “Была она человек *лояльный*, прямой, но характера резкого, несдержанного и к другим нетерпимого”. Сейчас нам даже трудно понять, что здесь имеется в виду: для современного языка сочетание *лояльный, но нетерпимый* звучит более чем странно.

Думаю, что дело здесь вот в чем. Русский язык очень эмоционален. Описывая поступки человека, он обращает внимание прежде всего на то, каковы были его намерения. Если мы говорим о человеке, который последовательно соблюдает чьи-то интересы, то склонны будем употребить такие слова, как *преданность, верность, самоотверженность*. Слово *лояльность* в его европейском смысле плохо приживается на русской почве, ведь оно описывает просто поведение, ничего не говоря о мотивах. Поэтому если уж мы говорим, что кто-то ведет себя *лояльно,* то склонны будем заподозрить этого

человека либо в неискренности, либо в равнодушии и рабской покорности.

Не могу, впрочем, не привести один чрезвычайно своеобразный пример, в котором слово *лояльность* обозначает некоторую нравственную ценность высшего порядка: это строки из написанного по-русски и изданного в 1936 году романа Владимира Жаботинского “Пятеро” – вернее, из письма его героини:

> “Не в этом суть, верные, неверные, серьезные, развратные… Мы, как это сказать – мы все “лойяльные”. ‹…› Что такое *лойяльность*, я определить не умею, только одно говорю вам наверное: если когда-нибудь, милый, все у тебя на свете треснет и обвалится, и все изменят и сбегут, и не на что будет опереться – найди тогда женщину и обопрись. Я не хвастаюсь, сохрани Боже, я не важничаю за наше сословие: только это правда.

Смысл в том, что женщина, может быть, и изменит без размышлений и угрызений совести, но в беде не бросит, спасет, даже ценой собственной жизни. Такая вот *лойяльность*.

[2007]

Деликатный вопрос

Знаете, какого удивительного цвета лак для ногтей я обнаружила в одном каталоге? *Деликатно-розового!* Нет, вообще-то можно себе представить цвет *нагло-розовый, бесцеремонно-розовый, шокирующе-розовый.* А этот ничего, такой *деликатно-розовый.*

Ну, на самом-то деле это, разумеется, вовсе не имелось в виду. Лак, скорее всего, банального *нежно-розового* цвета. Просто, как это часто случается в современных рекламных текстах, недоперевели с иностранного.

Действительно, с появлением на нашем телевидении рекламы иностранных стиральных машин мы только и слышим про *деликатную стирку.* Сначала было ужасно смешным, а сейчас почти уже и не режет ухо. Даже не сразу и вспомнишь, что еще недавно это называлось по-русски *бережная стирка.*

Слово *деликатный* восходит к французскому *délicat,* означающему, среди прочего, “нежный, хрупкий, утонченный, привередливый” – ср.: *un parfum délicat* – “нежный запах”, *une santé délicate* – “слабое здоровье”, *un mets délicat* – “изысканное блюдо”, *un esprit délicat* – “тонкий ум”, *une oreille délicate* – “чуткое ухо”, *une jeune fille délicate* – “хрупкая девушка”. Ср. также: *Il est délicat sur le nourriture* – “Он привередлив в еде”; *Cesse de faire le délicat* – “Не привередни-

чай”. Но в русском языке его значение сузилось: оно стало относиться к сфере отношений между людьми. Слово *деликатный* в современном русском литературном языке имеет такие значения. Во-первых, *деликатным* называют человека, который щадит чувства других людей, старается не обидеть их своим поведением или словами. Во-вторых, по-русски говорят, например, *деликатный вопрос*, имея в виду, что этот вопрос надо обсуждать с осторожностью, чтобы опять-таки не обидеть другого человека. В XIX веке, когда слово *деликатный* еще не вполне обжилось в русском языке, оно употреблялось и в других контекстах. *Деликатными* могли называться кушанья с изысканным вкусом, хрупкое телосложение и т. д. Однако такие употребления устарели. Дело в том, что, когда русский язык воспринял слово *деликатный*, в нем уже было много слов с аналогичными значениями. И, как это часто бывает в языке, новое слово развило свое, специфическое значение, превратившись в результате в весьма характерное и специфичное русское слово. Значение его стало гораздо более узким по сравнению с английским *delicate* или, скажем, итальянским *delicato,* которые применимы не только к человеческим отношениям, но и к кушаньям, и к самым разным предметам материального мира. Дело в том, что русский язык вообще очень внимателен к нюансам человеческих отношений, особенно ко всему, что может обидеть другого человека. Поэтому абсолютно не случайно, что новое слово закрепилось именно в этом значении. Обра-

тим, кстати, внимание, что параллельно, скажем, слово *щепетильный*, которое раньше употреблялось в сочетаниях типа *щепетильная лавка, щепетильная торговка* (помните у Пушкина – “Все, чем для прихоти обильной / Торгует Лондон *щепетильный*”), тоже изменило свое значение таким образом, что теперь и оно связано с ситуациями, в которых можно случайно обидеть другого человека. В том же направлении шло и смысловое развитие слова *щекотливый*. Аналогичные употребления возникли в русском языке и у слова *галантерейный*.

Возвращаясь к слову *деликатный*, замечу, что оно демонстрирует нам, сколь полезным может быть заимствование нового слова, даже если в языке уже есть слова с аналогичными значениями. Происходит семантическое развитие, специализация отдельных слов, и в результате язык обогащается. И как же обидно бывает, когда потом слово заимствуется вторично, но так грубо и бездумно, что все это сводится на нет. Все эти *деликатные стирки* и *деликатно-розовые лаки* уничтожают ту тонкую, с позволения сказать, *деликатную,* работу, которую язык проделывал десятилетиями. Просто потому, что человеку, который переводит рекламный текст, лень две секунды подумать над переводом и написать *бережная стирка, нежно-розовый лак*, оставив слово *деликатный* для более *деликатных* материй.

[2006]

Шок и радость

Недавно я прочитала сообщение, которое было озаглавлено так: “Подарок президента шокировал работников детской школы искусств”. Я была заинтригована: что же такое *шокирующее* мог подарить президент школе искусств? Стала читать дальше:

> “О новом рояле здесь мечтали 32 года. Преподаватели уже и не надеялись получить новый инструмент. Тем более от Владимира Путина.

В чем же здесь подвох? Чем мог смутить рояль преподавателей музыки? Читаем дальше:

> “Работники школы называют этот подарок бесценным. Хотя цена у него все же есть – 310 тысяч рублей. Рояль отвечает всем современным требованиям. Поразил преподавателей отличный акустический звук.

(Кстати, а звук бывает не акустическим?)

Понятно, с роялем все в порядке, не в порядке что-то у журналиста со словом *шокировать*. Словари так толкуют это слово: “вызывать чувство неловкости, приводить кого-л. в смущение своим поведением, нарушением правил приличия, общепринятых норм поведения: *шокировать гостей своими речами, шокировать окружающих своим поведением. Вас не шокирует мой наряд?”*

Между тем в современном языке распространилось гораздо более широкое употребление слова *шокировать*. Очень часто оно значит просто “потрясти, произвести сильное впечатление”.

Возможно, вы слышали рекламу новой туши для ресниц: “*Шокирующий* объем ваших ресниц!” Конечно, соблазнительно понять это в том смысле, что вам предлагается явиться утром на службу с таким макияжем, что сослуживцы будут в ужасе шарахаться. Но очевидно, что имелся в виду *потрясающий* объем ресниц.

Вот еще несколько примеров:

> “*Шокирующая* атака на интернет: российские хакеры используют сразу две неизвестные бреши.
>
> “Национальный банк Украины (НБУ) в среду *шокировал* операторов межбанковского рынка, неожиданно выкупив появившийся избыток предложения долларов по курсу ниже рыночного.
>
> “Засуха в Испании *шокировала* туристов.
>
> “Транспортные новости: новые штрафы *шокируют* нарушителей.
>
> “*Шокирующая* идея: интернет по электрическим проводам.

Такое расширение значения связано в первую очередь с

повторным заимствованием иностранного слова и характерно особенно для переводных текстов:

> “Падение доверия потребителей *шокировало* рынок, – сказал Хью Джонсон *(Hugh Johnson)*, директор по инвестициям банка *First Albany*, – и оказало немедленное негативное влияние на биржевые показатели.

Сейчас слово *шокировать* часто употребляют по отношению к трагическим событиям, что звучит странно – как будто автор видит в смерти и страданиях что-то неприличное:

> “Королева Великобритании Елизавета II глубоко *шокирована* ужасными событиями и выражает сочувствие пострадавшим.

> “Посольство США *шокировано* убийством Пола Хлебникова.

Ну, допустим, это неудачные переводы. Но сколько раз в российских СМИ прозвучала фраза о том, как людей *шокировали* события в Беслане! На мой слух, это звучит почти оскорбительно по отношению к жертвам теракта.

С другой стороны, слово *шокировать* теперь часто используют при описании положительных эмоций и впечатлений, как в примере с роялем:

> “Выставка EXPO 2005 *шокирует* высокими технологиями.

> “В рамках фестиваля “МОТОР ПАРК 2005” был представлен *шокирующий* шедевр автотюнинга – реинкарнация легендарной “Победы”.

Особенно мне понравился такой заголовок: “Прямостоящий панда *шокирует* посетителей японского зоопарка”. Страшно подумать… Но оказалось, что животное не делает ничего непристойного, просто по десять секунд стоит на задних лапах, что очень нравится посетителям. А уж выражение *я в шоке* и просто стало в разговорном языке способом выразить любые эмоции:

> “Какие фотографии!!! Свадебные – я *в шоке*, слов нет, одни выражения восторга (это из ЖЖ).

> “Мария Шарапова: “Я *в шоке* от победы в Лос-Анджелесе” (а это уже из газет).

Действительно, первое значение английского слова *shock* – это просто удар, поэтому понятно, что оно может образно использоваться по отношению к самым разным сильным воздействиям. Но ведь на русской почве слово *шокировать* развило свое особое, более узкое значение, связанное с чувством приличия, с эстетической оценкой действительности.

Дело в том, что, как недавно заметили лингвисты, русскому языку вообще свойственна чрезвычайная щепетильность: существует огромное количество русских слов на эту тему, начиная с замечательного слова *неудобно (мне неудобно вас*

беспокоить, после одиннадцати звонить неудобно), которое на многие языки перевести практически невозможно. А есть еще *неловко, совестно, зазорно* и многое другое, вплоть до устаревшего *невместно* и сленгового *западло*. Семантическое развитие русского слова *шокировать* шло именно в этом направлении. А для выражения более широкого значения было другое слово – *потрясти*.

Но вот сейчас происходит вторичное заимствование того же слова, и вся многолетняя работа русского языка по оттачиванию смысловых нюансов идет насмарку.

[2005]

Шпрехен зи дойч?

Однажды мы отдыхали на море в Турции. По вечерам в отеле устраивалась детская дискотека, где детей ставили в кружок, водили паровозиком и так далее. Для этого в отелях обыкновенно существуют специальные люди, которые называются новым словом *аниматоры* – то есть, если перевести буквально, “одушевители”, или “воодушевители”. В сущности, это то, что раньше называлось по-русски *массовик-затейник*. Забавно, однако, что даже людям, которые никак не могут выучить слово *аниматор* – “ну как это, как это… ома… амин…”, все равно никогда не приходит в голову сказать *массовик-затейник*: ассоциации совершенно другие. Задача аниматора на международных курортах осложняется тем, что аудитория там обычно разноязычная. Ну, в нашем случае все было не так плохо: детки говорили всего на двух языках – по-русски и по-немецки. И все-таки задача оказалась для аниматора непосильной. Его познания в немецком языке, видимо, ограничивались фильмами о войне. И вот дети собрались в кружок, родители в умилении смотрят на своих чад из-за столиков. Аниматор вещает в микрофон: “Так, детки, все подняли ручки!” Но ему еще надо сориентировать немецких детей, и он не находит ничего лучшего, как завопить: *Hande hoch!* Немецкие родители поперхнулись пивом, зато русские дружно отозвались: “Гитлер

капут!”

Коллега, которая отдыхала вместе с нами, тут же рассказала мне такую историю. Ее знакомый был на какой-то международной выставке, где к нему подошел немец и, видимо, по наружности приняв его за своего, стал очень темпераментно что-то говорить по-немецки. Тот растерялся. Начатки полученных в школе знаний смыло временем, зато кино сыграло злую шутку. И бедняга залепетал: *Nicht schiessen! Nicht schiessen!* Он-то думал, что говорит: “Не понимаю”, а на самом деле говорил: “Не стреляйте! Не стреляйте!” Надо ли говорить, как ошарашен был немец.

В школе у меня была любимая учительница истории Людмила Филипповна, к сожалению, ныне покойная. Она преподавала также и предмет, который тогда назывался “обществоведение”, а теперь – “обществознание”. Видимо, *обществознание* так же относится к *обществоведению,* как *аниматор* к *массовику-затейнику.* Так вот, помню, Людмила Филипповна, когда мы “проходили” философию, усмехнулась: “«Мы диалектику учили не по Гегелю», – говорит Маяковский почему-то с гордостью”.

Впрочем, надо сказать, что некоторые иноязычные цитаты становятся самостоятельным фактом культуры. Вот недавно я услышала по телевизору, что было проведено какое-то там социологическое исследование, и оказалось, что наиболее часто цитируемая фраза – это фраза “Я вернусь”. Пару секунд я вообще ничего не могла понять, а потом сообрази-

ла, что имеется в виду фраза Терминатора: *I'll be back!* Конечно, ее всегда цитируют по-английски, даже люди, которые английского языка не знают. Русский перевод совершенно не обладает нужным набором ассоциаций.

[2005]

Персона грата, или Hominem quaero

Чего только нет в русском языке! То одного нет, то другого. Вот Рональд Рейган в свое время отчитал русский язык за отсутствие в нем слова *privacy.* Собирательный “славист” из стихотворения Льва Лосева высокомерно отмечал, что, мол, недаром у нас нет слова *sophistication.* В общем, чего ни хватишься… Великий и могучий, называется.

Я тут обратила внимание, что у нас вообще-то нет хорошего эквивалента для европейского *person/Person,* то есть человека как единицы общества. И это при том, что этому самому *person/Person* соответствует целая куча русских слов: *человек, лицо, личность, особа* и, наконец, *персона*. Целых пять слов – но все плохо подходят для перевода нейтрального *person*.

Михаил Леонович Гаспаров часто повторял слова Карла Маркса, что человек – лишь точка пересечения социальных отношений. Однако для языка слово *человек* имеет гораздо более широкий смысл.

Оно подразумевает и физическое тело, со всеми его анатомическими и физиологическими свойствами. Говорить о *красивом, высоком, хромом человеке* столь же естественно, как о *человеке умном* или *добром.* Младенец – *человек,* безумный, больной в коме – *люди.* Хотя они еще до или уже вне социальных отношений. Второе неудобство слова

человек, как и предыдущее, общее для разных языков, – это неполиткорректная ассоциация с мужским полом. Смешно ведь: *человек на высоких каблуках* или *беременный человек*. Наконец, слово *человек* в большой степени связывается с нравственными ценностями. Это, разумеется, вещь очень общая, вспомним еще крылатое латинское изречение: *Hominem quaero*.

По преданию, древнегреческий философ Диоген из Синопа (400–325 до н. э.) зажег днем фонарь и принялся ходить с ним по людным местам Афин. На все недоуменные вопросы он отвечал кратко: “Ищу человека”.

То же и у Редьярда Киплинга:

> “*Yours is the Earth and everything that’s in it,*
> *And – which is more – you’ll be a Man, my son!!*

Это слово легко приобретает патетическое звучание (ср. знаменитую фразу одного горьковского героя о том, что “человек… это звучит гордо!”). И напротив, многие говорящие отказываются употреблять слово *человек* применительно к преступникам, предателям и т. п. (“этот, я даже не могу назвать его *человеком*…”).

Ущербность слова *лицо* как эквивалента *person* ощущается и самими носителями русского языка.

Так, правозащитник Валерий Абрамкин, рассуждая о том, может ли появиться в России культурное юридическое со-

общество, отвечает на свой вопрос так: не может, пока не будет языка. Можно ли назвать языком нормы из Уголовного кодекса? В качестве примера Абрамкин обычно приводил в своих выступлениях, в частности, именно слово *лицо.* Например, название статьи: “половое сношение *лица* с *лицом: лицом*, достигшим восемнадцати лет, с *лицом*, не достигшим…” – и так далее. Или: “Производство аборта *лицом*”. Если принять, что слово *лицо* традиционно употребляется здесь неудачно, положение оказывается очень сложным, поскольку абсолютно непонятно, чем его заменить. Самый простой вариант – *человек* – не годится по причинам, указанным выше: оно плохо ассоциируется с преступными и аморальными деяниями.

Личность – это в первую очередь не человек в целом, а отдельный его аспект, его, так сказать, духовно-волевая ипостась. В этом отношении *личность* сходна с *душой* или *характером.* Поэтому *личность* – аналог скорее не для *person (Person),* а для *personality (Persönlichkeit).* Как и переводные эквиваленты, *личность,* разумеется, может указывать и на *человека* в целом, однако только в определенных условиях. Можно сказать: “Он *личность*”, “Дети должны стать *личностями*”. При этом фразы “Он увидел какую-то *личность*”, “Я знаком с одной *личностью*” будут пониматься в смысле “темная, подозрительная личность” и тем самым не будут эквивалентами *person/Person.*

Слово *персона* либо указывает на очень важного человека,

либо используется чисто технически *(сервиз на шесть персон)*, либо в разного рода неодобрительных или иронических контекстах (ср. выражение *собственной персоной*).

Очень характерно самоуничижительное-паче-гордости *моя персона*, которое представляет собою фигуру скромности. Здесь очень ясно видна общая тенденция осуждения эгоизма и индивидуализма, характерная для русского языка вообще и языка советского времени в частности. *Смирение* в самом широком смысле воспринимается в русской культуре как большая ценность.

Однако сейчас слово *персона* очень активизировалось, а его употребления стали гораздо более разнообразными. Пожалуй, самое интересное – это явная тенденция к постепенному выветриванию из слова *персона* негативных коннотаций: журнал “Персона”, рубрика “Персона номера” в “Политическом журнале”, премия “Персона года”. Такое уже случилось со словами *карьера, амбиция*, и всем понятно, с чем это связано.

Здесь мы видим типичное для современной ситуации повторное заимствование. Слово, которое было когда-то заимствовано и приобрело в русском языке свои особенности, теперь заимствуется вторично, но уже без тех культурно-специфических смыслов, которые на новом этапе оказались лишними.

[2007]

All correct

В чеховской “Чайке” (1896) Аркадина говорит:

> “Я *корректна*, как англичанин. Я, милая, держу себя в струне, как говорится, и всегда одета и причесана *comme il faut*. Чтобы я позволила себе выйти из дому, хотя бы вот в сад, в блузе или непричесанной? Никогда. Оттого я и сохранилась, что никогда не была фефёлой, не распускала себя, как некоторые.

А вот у Толстого:

> “Опять, как в сенате, он нашел в великолепном помещении великолепных чиновников, чистых, учтивых, *корректных* от одежды до разговоров, отчетливых и строгих (*Воскресение,* 1899).

> “Собственно, так и пишут в словарях: “о манерах, поведении, одежде человека – соответствующий правилам, нормам хорошего вкуса”. В английских словарях. Об английском слове *correct.* Однако в словаре Ушакова (а у Даля слова *корректный* или, как бы он написал, *коректный*, вовсе нет) уже читаем:

> “КОРРЕКТНЫЙ [от *лат.* correctus – исправный] (книжн.). 1. Тактичный в обращении с людьми, вежливый. *Он человек вполне к. Не совсем к. поступок. Он корректен с подчиненными. Корректно (нареч.)*

поступать. 2. В шахматах – правильный, правильно рассчитанный. *К. ход. Корректная комбинация.*

А вот как Ушаков здорово поясняет слово *щепетильный*: “Педантичный и строго принципиальный, чрезвычайно корректный в отношениях с кем-н. или по отношению к чему-н.”.

Ну как всегда. Русский язык выбрал то, что ему особенно интересно – человеческие отношения. Этот вечный страх задеть, обидеть. Действительно, ведь что такое *корректный?* Это не просто вежливый.

Это холодно-вежливый, без лишних эмоций, с обязательным сохранением дистанции. Фраза “Он *корректен* со своей тещей” звучит несколько угрожающе. И слово *тактичный* тоже не совсем точно передает смысл слова *корректный*. Ребенка можно *тактично* расспросить о его страхах. С ребенком вообще нужно быть *тактичным.* Но хорошо ли быть с ним *корректным?*

Я думаю, что вся идея *политкорректности* была так быстро понята (вполне ли правильно – другой вопрос) на русской почве именно из-за того, что *correctness* было, понятное дело, переведено русским словом *корректность*, которое, собственно, и значило, что не надо задевать (дискриминировать) других людей.

А ведь в самом английском языке выражение *political correctness* имело довольно сложную историю и первоначально значило совсем другое.

И про шахматы у Ушакова забавно. С тех пор интеллектуальное значение слова *корректный* очень распространилось, и более поздние словари, разумеется, не закрепляют его за шахматами. Но тут опять значение это не так уж просто. Не любой неправильный ответ можно назвать *некорректным.* Если школьник пишет, что дважды два – пять, а Лондон – столица Франции, кому придет в голову сказать, что его ответы *некорректны?* Скорее так. *Некорректный вывод* – с нарушением логики, *некорректная классификация* – сразу по нескольким основаниям, *некорректное сравнение* – с отсутствующей базой.

Вообще, *некорректными* мы называем достаточно сложные мыслительные операции, если ошибка кроется где-то в глубине или в самом построении умственной конструкции.

Впрочем, здесь я, как всегда, пытаюсь зафиксировать "уходящую натуру". Речь, собственно, о том, что сейчас слово *корректный* стало использоваться гораздо шире, по образцу английского слова *correct:*

> "*Корректный* контур крыши после редактирования.
>
> "Или выходить из моего профайла надо *корректно* каким-либо другим образом?
>
> "*Корректный* метод создания качественных ссылок на сайт.
>
> "Единственный *корректный* метод удаления

моллюска – механический в условиях клиники.

Эта история очень типична. Вспомним уже обсуждавшееся слово *деликатный*: сначала оно было заимствовано в том широком значении, которое есть у соответствующего слова в европейских языках, потом развило на русской почве своеобразное значение, связанное с человеческими отношениями, а в последнее время заимствуется повторно и мы слышим о *деликатной стирке* и *деликатном вкусе кофе.*

И последнее. Возвращаясь к слову *correct,* не могу не упомянуть историю сокращения OK. В соответствии с наиболее распространенной версией, оно появилось как пародийная неграмотная аббревиатура сочетания *all correct (oll korrect),* то есть *все правильно*. Байка, абсолютно, впрочем, недостоверная, приписывает авторство президенту Джексону.

[2007]

Публичность

Когда говорят о современном новоязе, почти всегда в первую очередь вспоминают слово *пиар*. Оно распространилось в русском языке с рекордной скоростью и дало выразительные, но малосимпатичные производные – *пиарщик, пиариться, пропиарить, отпиарить* и т. д. Всегда отмечается, что большая часть людей, употребляющих это слово, не понимают его внутренней формы и неточно знают его значение. И что на русской почве слово *пиар* стало ассоциироваться с чем-то негативным. Стандартное определение *пиара – черный.* А *пиарщика* люди обычно представляют себе как циничного пройдоху, готового впарить, втюхать, всучить кому угодно и что угодно. Говорят: “Да ну, это просто *пиар*” или “Честное слово, это не *пиар*, это правда”.

Источник русского слова *пиар* – это английское *PR,* то есть *Public Relations.* Это словосочетание традиционно переводилось как “связи с общественностью”. А классическое определение *пиара* звучит так: “планируемые продолжительные усилия, направленные на поддержание доброжелательных отношений и взаимопонимания между организацией и обществом”. Конечно, в том, что стоит за русским словом *пиар*, нет ни идеи продолжительных усилий, ни идеи доброжелательных отношений. Дикий российский капитализм подкорректировал концепцию.

Но будем справедливы: триумфальное шествие слова *пиар* имеет и внутриязыковые причины. Я не знаю, кто первый перевел *Public Relations* как *связи с общественностью*, но перевод этот возник давно, еще в глубоко советское время, и закрепился. Между тем перевод очень неудачный. Хуже мог бы быть только вариант *общественные отношения*, но тут уж всякому было ясно, что он не годится: термин был занят. И вот появилось это дурацкое *связи с общественностью*. Ну, пока мы слышали это сочетание только в западных фильмах, нам не так уж важно было, чем занимается менеджер по связям с общественностью и с какой общественностью он, собственно, связывается. Но в новую эпоху эти самые менеджеры появились и у нас. Тут-то и оказалось, что сочетание *связь с общественностью* вызывает совершенно ложные ассоциации. Кто, собственно, такая эта самая общественность? Ну, *общественность… общественная работа… активный общественник, политически грамотен, морально устойчив…* Да нет, связь с общественностью вообще ни при чем. Между прочим, если заглянуть в интернет, можно заметить, что слово *общественность* в современном языке употребляется очень мало, и львиная доля вхождений приходится как раз на термин *связи с общественностью*.

Мне, кстати, вспоминается, как либеральный экономист Герман Греф делал доклад, в котором он упомянул Руссо (в связи с тем, что был юбилей Руссо). При этом прозвучало сочетание *социальный контракт*. Я не сразу сообразила, что

речь идет о всем известном со школьной скамьи *общественном договоре*.

Я думаю, что за таким переводом стоит определенный смысл. *Договор* и *контракт* – конечно, почти одно и то же. Почти… но не совсем. Точно так же как *общественный* и *социальный*. *Общественный договор* – звучит похоже на *общественную работу*. И еще некстати вспоминается окрик: “Общественное выше личного!” А *социальный* навевает утешительные мысли о социальных гарантиях и о бывшем вице-премьере Матвиенко.

Безусловно, несколько более правильный перевод для *Public Relations* был бы *связь с обществом*. Но и слово *общество* в языке советской эпохи приобрело слишком уж суровый оттенок. Ну там, “жить в обществе и быть свободным от общества нельзя” и все такое. Но *Public Relations* невозможно перевести и как *связи с публикой*. Ведь слово *публика* имеет слишком узкое значение, а *Public Relations* – это не про театр и не про цирк.

Вот так и получилось, что есть официальный термин – *связи с общественностью*, но он неудачен и неуклюж. Вполне естественно поэтому, что находится разговорное слово, которое и вбирает в себя все смыслы, связанные с этим явлением в современной ситуации.

Сейчас со страниц газет и с экранов телевизоров нам все время объясняют, что на самом деле *пиар* – это вовсе не то, что мы думаем. Что настоящий *пиар* – это когда ты любишь

клиентов своей фирмы, как родных, и искренне мечтаешь им угодить, а вовсе не думаешь о том, как бы их половчее объегорить. Удастся ли слову *пиар* со временем очиститься от негативных ассоциаций? Или за этим словом закрепится значение “черный пиар”, а для белого и пушистого *пиара* начнет использоваться другое название? Это сказать трудно.

[2006]

Табличка на газоне

Либеральный экономист Виталий Найшуль постоянно пропагандирует любезную моему сердцу лингвиста идею: самое главное – это найти нужные слова. Ничего у нас не получится, пока общество не выработает понятный ему язык, на котором оно может с собой о себе говорить. Вот выражение *private property* – это вещь. Оно одинаково успешно и в одном и том же смысле может фигурировать в судебном решении или красоваться на табличке, воткнутой посреди газончика. А у нас что? *Частная собственность* – никто точно не знает, что это, а для охраны своих владений человек лучше воспользуется испытанным “Осторожно, злая собака”.

Или, скажем, перевод ключевого термина Адама Смита – *невидимая рука* (рынка). Не годится. Совсем другой набор ассоциаций, чем *invisible hand*. В русской *невидимой руке* нет ничего божественного и провиденциального. В этом месте аудитория Найшуля обычно начинает волноваться и выкрикивать: “А как надо? Надо-то как?” И тогда он предъявляет почерпнутое где-то в недрах Даля выражение *Бог цену строит*, которое имеет в точности нужный смысл. Иными словами, купцам из пьес Островского и впоследствии прирезанным большевиками буржуям была вполне внятна либеральная идея.

Правда, я не стала бы преувеличивать власть языка. Ка-

кое бы правильное слово ни найти, но если народ не готов принять заключенную в нем мысль, он это слово поймет по-своему.

Мой любимый пример на эту тему – история слова *лояльный*, которое непостижимым образом стало употребляться в значении “терпимый” *(лояльность к чужим недостаткам)*.

Но есть у меня история, которая тезис Найшуля, кажется, подтверждает.

Не так давно в одной телевизионной передаче выступал режиссер Марк Розовский. Он, в частности, сказал: “Плохо, если государство приватизирует театры”. Вообще-то *приватизация* – это как раз передача государственной собственности в частные руки (от лат. *privatus* – “частный, личный”). А обратный процесс называется *национализация*. После Октябрьской революции 1917 года частная собственность на средства производства была отменена, заводы, газеты и пароходы национализированы. Поэтому *государство приватизирует* – это оксюморон. В 90-е годы прошлого века слово *приватизация* часто мелькало на страницах газет и постоянно звучало с экранов телевизоров, а само это явление было в центре всеобщего внимания и вызывало огромное количество разнообразных эмоций. Тогда даже появился вариант *прихватизация*. Слово *приватизация* вошло и в обиходную речь. Люди стали шутливо говорить, например, во время застолья: “Я эту рюмку *приватизирую*”. Здесь, конечно, речь уже не идет об отношениях собственности. Человек

имеет в виду, что он проявил решительность в борьбе за собственные интересы и захватил предмет в свое пользование, прежде чем это сделал кто-то другой.

Собственно, Марк Розовский тоже не имел в виду отношения собственности. Он говорил вовсе не о национализации театров, а о попытках цензуры, о стремлении государства контролировать репертуар театров, идейную направленность спектаклей, как это было в советское время. Именно в этом смысле он и сказал: “Плохо, если государство приватизирует театры”. Такое употребление слова *приватизировать* очень показательно.

В российском обществе представление о собственности еще совсем не укоренилось. Мы не видим разницы между хозяином, который владеет чем-то, и чиновником, который это что-то контролирует. Главное, кто может распоряжаться, заказывать музыку. А уж кому что принадлежит – это дело десятое. Да похоже, и сам чиновник не всегда эту разницу видит. Найшуль вообще считает, что слово *собственность* русскому человеку непонятно. Есть, говорит, понятное слово: *моё*. Это как в истории про Чуковского, который, увидев, как его молодые голодные гости поедают предложенные хозяйкой дома бутерброды с сыром, закричал им из окна: “Моё едите?!”

Кстати, еще о приватизации. Раньше был такой вопрос на засыпку. Вот есть *укрупнение* (колхозов, например). А как называется противоположный процесс? Правильно, *разу-*

крупнение. Ух ты, написала, а ворд даже не подчеркнул красным! Я вспомнила это, поскольку есть такое дивное слово – *расприватизировать*. А вот его ворд подчеркнул.

[2008]

Типа упс

Недавно у меня произошел смешной разговор с одной знакомой, давно живущей в Америке. Было лето, и мы гуляли по Парижу. И вот, созерцая уличную толпу, моя знакомая высказала недовольство по поводу современных вольностей в одежде (не помню, то ли бретельки торчат, то ли чулки не достают). Нет, говорит, ну раньше такое, конечно, тоже случалось, но это было типа “упс”. А теперь – подхватила я – это типа “вау”.

Надо сказать, что эта парочка заимствованных из английского междометий, *упс (oops)* и *вау (wow),* в последнее время невероятно популярна, особенно в языке молодежи. Они страшно раздражают пуристов, которые готовы еще понять, зачем заимствуется слово *инаугурация*, но решительно не могут взять в толк, к чему заимствовать междометия. Ведь в них вроде и смысла-то собственного нет, все дело в тоне и мимике. Разве имеющиеся междометия, произносимые с определенной интонацией, не способны выразить весь спектр эмоций и оценок?

На самом деле каждое междометие отвечает за некоторую свою часть эмоционального спектра. Лингвисты обычно приводят по этому поводу потрясающе точную формулировку Цветаевой: “Ох, когда трудно, и ах, когда чудно, / А не дается – эх!”

Я еще очень люблю цитировать стихотворение Бенедиктова:

“Перед нею умиленьем
Свято теплилась душа,
И, проникнут упоеньем,
Я шептал с благоговеньем:
“Боже мой! Как хороша!”
Но чрез миг, пред милым ликом
Страстным пламенем дыша,
“Черт возьми! Как хороша!”

Действительно, *боже мой* и *черт возьми* – междометия очень широкого спектра, и, разумеется, *Боже мой!* можно произнести страстно, а если очень постараться, то и *Черт возьми!* можно сказать умильно, а вот поди ж ты – весь смысл стихотворения строится на их противопоставлении. И никак невозможно поменять здесь *Боже мой!* и *Черт возьми!* местами.

А есть междометия, которые вообще закреплены за достаточно конкретными жизненными ситуациями.

Скажем, французское заимствование *ба* выражает удивление (обычно скорее приятное) от встречи знакомого, а *увы* – сожаление.

Вообще междометия дают нам готовые мини-сценарии наших чувств и реакций для разных ситуаций, которые, конечно, варьируются и уточняются при помощи интонации.

И некоторые из междометий обладают отчетливым культурным колоритом. Нельзя не заметить, что *эхма* отражает представление о “широкой русской душе”, русской бесшабашности и отчаянности, а в *о-ла-ла* до сих пор сохраняется что-то французское – точнее говоря, наше представление о французской галантности и игривости. Поэтому я совсем не удивилась, когда несколько лет назад увидела по телевизору лингвистку Елену Борисову (Широкову), известную, в частности, своими работами о междометиях и довольно охранительными взглядами, которая страстно обличала междометие *упс*, видя в нем чуть ли не американскую диверсию против русского народа. Как поет Бритни Спирс, *Oops!.. I did it again*.

Упс – междометие с очень определенной семантикой (особенно в русском: английское *oops,* пожалуй, чуть шире русского *упс*). Оно употребляется, когда кто-то – чаще всего сам говорящий – “дал маху”: что-то уронил, или сболтнул лишнее, или забыл застегнуться и т. д. Для него характерна своя мимика: либо вытянутые в трубочку губы и поднятые брови, либо растянутая до напряжения горловых мышц нижняя губа и в муке сведенные брови. Все эти гримаски так хорошо известны нам по американским фильмам! Вот убегающей с позором невесте – отрицательной героине – несостоявшаяся падчерица как бы нечаянно наступает на шлейф, и та бежит по церкви в трусах, а счастливая соперница – положительная героиня – с невинным видом произносит *Oops!*

А вот выясняется, что девочка написала свое письмо на обороте драгоценного исторического документа и уже отправила его, и малышка делает трогательную рожицу: *Oops!*..

Смысл у междометия *упс* примерно такой: “Да, это случилось. Очень стыдно. Ну что ж, с кем не бывает, забудем об этом и будем жить дальше. Может быть, это даже забавно”.

Неповторимая комбинация мгновенного острого переживания промаха, чаще всего своего, и представления, что в это же мгновение тема исчерпана и не стоит дальше переживать, – это та специфическая установка, которая делает *упс* столь соблазнительным для заимствования.

А как же мы раньше-то жили? Да и до сих пор есть люди, не овладевшие междометием *упс*. Если уж совсем честно, таких большинство. Они, разбив чашку, говорят, например: *Ой!* Правда, само это междометие выражает только идею неожиданной потери контроля над ситуацией, остальное нужно показать интонацией. А то можно в такой ситуации сказать *Черт!* или что-нибудь покрепче. Но все подобные междометия выражают досаду и даже агрессию: то ли кто-то виноват в том, что человек чашку уронил, то ли человек на себя злится, что такой косорукий. Это совсем другая установка, чем в *упс*, которое не ищет виноватых и примиряет с тем, что уже случилось и не может быть отменено. Кстати, я, признаться, в такой мирной установке ничего особенно плохого не вижу.

Wow (вау) – тоже довольно колоритное словцо, но о нем

как-нибудь в другой раз. А вообще новые междометия постоянно появляются в языке, и это не всегда связано с заимствованием. Сейчас, например, в моде *о как* – по-моему, с легкой руки одного из телевизионных *ментов*. А есть еще *опа* и *опаньки*, а также *оба-на* и еще другие слова и выражения, и каждое несет с собой определенный жест, набор эмоций, образ, установку. Человек волен выбрать то, что ему подходит. Мне, например, не нравится туповато-высокомерное удивление, которое звучит в *О как!* А *Оба-на!* – ничего, задорненько.

[2008]

Отторжение или присвоение

Недавно произошла забавная история. Власти Чувашии предложили отказаться от слова *о'кей*, поскольку англицизмы коверкают и обедняют русскую речь. "Мы решили заменить английское слово *о'кей* на *добро*. Будем бороться за чистоту и красоту русского языка", – заявила министр культуры Чувашии Наталья Володина. Слово *о'кей* действительно очень распространилось в последнее время, хотя словарями пока плохо фиксируется, даже всякими там словарями языковых изменений. Да и с написанием полный разнобой. В практике сейчас распространено слитное написание, однако словари дают написание через апостроф, а Русский орфографический словарь РАН разрешает два написания – через апостроф и через дефис. Ну, апостроф – ладно, это традиционное написание, но не спрашивайте меня, почему надо писать о-*кей* через дефис, если слово *диджей* тот же словарь требует писать слитно. Ведь слова эти построены совершенно одинаково – состоят из двух английских названий букв. Ну, это я так, кстати.

В сообщениях о чувашской акции внедрение зловредного *окея* в русский язык связывается с *sms*-сообщениями: для краткости, мол, и журналисты ссылаются при этом на каких-то безымянных лингвистов.

Наверно, это очень молодые журналисты и лингвисты.

Вот, например: “«Окей!» – весело сказал Михайлыч” (В. Шукшин. *Калина красная*, 1973). Конечно, попадалось это слово и раньше, но долгое время оно сохраняло в русском языке американский колорит: “Потом он сказал «окей», похлопал растерявшегося Колумба по бархатной, расшитой галунами спине, потряс его руку и ушел” (И. Ильф, Е. Петров. *Колумб причаливает к берегу*, 1936). Сейчас слово *о’кей*, конечно, русским языком вполне освоено, даже и ласкательное появилось от него – *океюшки* – особенно популярное у русских американцев. А среди молодежи распространены и варианты *ок* [ок] и *окэ́*.

Вообще-то совершенно нормально, что новые заимствования встречают сопротивление какой-то части общества: это создает некий фильтр, препятствующий проникновению в язык совсем уж пустых и ненужных слов. Но если слово приживается, значит, не такое уж оно пустое и ненужное.

Но интереснее тут другое. Довольно часто встречаются и попытки сознательно внедрить или реанимировать какое-нибудь слово – в духе Солженицына или Эпштейна. Нечасто, но они бывают успешными. Да чего там, известен случай реанимации целого языка, а не то что одного слова.

В начале Перестройки было много разговоров о том, что хорошо бы восстановить обращения *сударь и сударыня*. В принципе, в этом не было ничего невозможного.

Ведь в русском языке в тот момент имелась, да и сейчас

остается, лакуна: к незнакомому человеку обратиться невозможно никак. Если, конечно, вы не готовы говорить: “*Мужчина*, вы выходите на следующей?”, или “*Женщина*, вы перчатку уронили”, или “*Дама*, передайте, пожалуйста, за билетик”. И если вы не привязаны к ретрообращению *товарищ*. Не в смысле, *Товарищ, верь*, а в смысле *Товарищ, позвольте пройти*. В общем, как это ни грустно, мы вынуждены вместо обращения говорить *Извините* или как-то еще изворачиваться. Не оказалось тогда политической воли. Чистый Грибоедов:

> ““…Ужли сударыня!!” – забормотал мне кто-то…
> Вообразите, тут у всех
> На мой же счет поднялся смех.
> “Сударыня! Ха! ха! ха! ха! прекрасно!
> Сударыня! Ха! ха! ха! ха! ужасно!!”

Так вот, что касается предложения использовать слово *добро* для выражения согласия, тут все не так просто.

С одной стороны, действительно, пушкинская золотая рыбка сказала старику: “Не печалься, ступай себе с богом! *Добро!* Будет старуха царицей!” Но в устах более поздних ораторов это… нет-нет, это возможно, я так и слышу воображаемый разговор двух партийных или советских начальников среднего звена: “Ты, Петр Иваныч…” – “Ты, Николай Палыч…” – “Ну, *добро*”. Но не могу представить себе никого из моих знакомых, произносящих это. Немного по-друго-

му, но тоже социально окрашено и слово *лады*. *Добро* звучит солидно, веско, *лады* – по-комсомольски бодренько. А то еще есть задушевное *ладушки*. Помните, как у Галича в “Красном треугольнике”:

> “И с улыбкой говорит товарищ Грошева:
> “Схлопотал он строгача – ну и *ладушки*,
> Помиритесь вы теперь по-хорошему!”

По-моему, Галич тут, по своему обыкновению, очень стилистически точен. Можно вспоминать и дальше: есть и другие близкие по смыслу выражения.

Где-то в позднесоветской литературе упоминаются женщины, которые вместо *да* задорно отвечали *Есть такое дело*! Это был, конечно, особый социально-поколенческий тип. А кто-то из блогеров предложил чувашским языкотворцам заменить *о’кей* не словом *добро*, а словом *хао*.

Так что пусть уж золотая рыбка останется при своем *добре,* товарищ Грошева при своих *ладушках,* а новый русский носитель позитивного мышления – при своем *окее.* Лады?

[2008]

Марксизм и вопросы перевода

У все того же Галича есть “Баллада о прибавочной стоимости”, а в ней эпиграф: “…Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма…”

Эта фраза – единственное, что у большинства людей, изучавших марксизм в школе, в институте, на политучебе и т. п., осталось в голове от “Коммунистического манифеста”. Этот самый призрак постепенно стал элементом фольклора, фигурировал в разнообразных шутках и частушках – далеко не всегда приличных. “Баллада о прибавочной стоимости” Галича начинается так:

> “Я научность марксистскую пестовал,
> Даже точками в строчке не брезговал.
> Запятым по пятам, а не дуриком,
> Изучал “Капитал” с “Анти-Дюрингом”.
> Не стесняясь мужским своим признаком,
> Наряжался на праздники “Призраком”…

Наряжался призраком – это значит, конечно, заворачивался в простыню и изображал привидение. Вряд ли можно понять это как-то иначе. Да, собственно, я сама видела во время какой-то манифестации привидение с табличкой “Призрак коммунизма”. Правда, дело было уже при Перестройке.

Я это вот к чему. По-русски сочетание *призрак бродит* вызывает представление о медленном, бесконечном и бесцельном движении, о чем-то унылом и вялом. По-русски говорят *бродит как неприкаянный*. Ни в употребленном в немецком оригинале глаголе *umgehen,* ни, скажем, во французском *hanter* этих смысловых оттенков нет. О чем вообще там идет речь? Что коммунистическая идея циркулирует по Европе, пугая самых разных политиков, священников и т. п., хотя никто точно не знает, в чем эта идея состоит. Коммунизм мерещится им повсюду, и они открыли на него охоту. Поэтому и возникла у коммунистов необходимость выступить с манифестом. Объясниться, так сказать.

Из-за присутствующей в глаголе *бродить* идеи отрешенности и его романтических коннотаций в русском переводе начало Коммунистического манифеста зазвучало своеобразно. Вместо бодрого полтергейста, который выныривает то тут, то там, дразня тугодумов и толстосумов, возникло что-то вроде не находящей успокоения тени отца Гамлета.

Между прочим, этот перевод появился не сразу. В первом русским переводе “Манифеста” (1869, Женева) Михаил Бакунин написал без огонька: “В Европе появился призрак, призрак коммунизма”, через 35 лет возник вариант: “Призрак ходит по Европе”. И только потом было найдено это “Призрак бродит…”. Вспомним, как сказано у Маяковского – несколько более энергически:

“Коммунизма
призрак
по Европе рыскал…

Думаю, что все это сыграло определенную роль в формировании облика русского марксизма. Разумеется, глупо было бы объяснять события 1917 года трудностями перевода, но в Россию марксизм пришел – *забрел* – в виде несколько трансцендентном.

Пожалуй, еще фатальнее оказался другой переводческий казус, связанный с Марксом. Это как раз хорошо известная историкам марксизма проблема перевода центрального для Маркса понятия *Wert.* Как знают те, кто учился в советское время, товар, по Марксу, имеет *потребительную стоимость* и *меновую стоимость.* Я помню, что понять это было очень трудно. Ну, что такое *меновая стоимость,* ясно. Но вот сочетание *потребительная (потребительская) стоимость* казалось, наоборот, полной бессмыслицей. Ну да, при производстве вещи есть затраты, можно говорить о *стоимости.* Но при потреблении – кого интересуют затраты на производство? Да и если потребляешь сам, то не меняешь ни на что, ну так и опять стоимости никакой нет. Помню, я тогда, не зная даже немецкого языка, думала, что небось перевод неудачный, небось там какое-то слово, которое надо переводить не как *стоимость*, а как *ценность*. Много позже я узнала, что точно такого же мнения был и Петр Струве. В

первом русском издании “Капитала” (в 1872 г.) термин *Wert* был переведен как *стоимость*. В 1899 году Струве в новом переводе “Капитала” заменил *стоимость ценностью*, причем он многократно обосновывал свой вариант, настаивал на нем. Говорил о том, что русское слово *ценность* как раз очень хорошо передает идею Маркса и соответствует немецкому *Wert,* а для идеи *стоимости* в германских языках есть другой корень: ср. английское *cost* или немецкое *Kosten.*

Кого-то Струве тогда убедил. Скажем, Николай Бухарин предпочитал вариант *ценность*. И Бенедикт Лившиц писал в стихотворении 1922 года:

> “Не Марксова ль *прибавочная ценность*
> Простерлась, как madame de Рекамье.

Ленин, однако, употреблял термин *стоимость*, возможно, отчасти из личной неприязни к Струве. Ну и вскоре этот вариант остался единственным.

В дальнейшем употребление термина *ценность* было вообще заклеймено как протаскивание чуждой Марксу теории предельной полезности, где термин *Wert* также был ключевым. Ну, это уже спор славян между собою.

В одной современной экономической статье я прочитала замечание, показавшееся мне остроумным. Неудачный перевод ключевого слова учения Маркса словом *стоимость* привел к некоторому перекосу в русском марксизме – выпячи-

ванию идеи затрат труда в определении ценности вещи. Затратность стала доминантой экономического мышления, что и послужило базой для апологии затратной советской экономики.

Для меня, впрочем, существенно другое. Из слова *Wert* действительно вырастает вся концепция Карла Маркса. Как мы помним, Ленин назвал учение о прибавочной стоимости "краеугольным камнем экономической теории Маркса". Оно и понятно. *Mehrwert* забирает себе эксплуататор-капиталист, ну, и дальше бьет час, с экспроприаторами поступают в соответствии с указаниями, соединившиеся пролетарии теряют цепи и приобретают весь мир. Как в той же песне Галича, где герою из-за социалистической революции не удается получить наследство тети Калерии:

> "Негодяи, кричу, лоботрясы вы!
> Это все, я кричу, штучки Марксовы!
> Ох, нет на свете печальнее повести,
> Чем об этой *прибавочной стоимости*!

И вот теперь представим себе, что ключевое слово *Wert* переведено так, что понять ничего невозможно. Сочетание *потребительная стоимость* можно только вызубрить. Чистая схоластика. И вспомним, как изучали – вернее, снова по Галичу, "пестовали" "научность марксистскую", не брезгуя "даже точками в строчках": "А я ж ее от сих до сих, от сих до сих!"

Смешно представить себе, чтобы на занятиях по “политэку” кто-нибудь раздумчиво сказал, например: “Пожалуй, точнее будет не *прибавочная стоимость,* а *дополнительная ценность”.* Кто-нибудь другой, наверное, отреагировал бы еще одной цитатой из баллады Галича: “А вы не псих?”

[2006]

Прости – знаю, как перевести

А знаете ли вы, что получится, если перевести название популярной песни “Хава Нагила” на латынь? Получится *Gaudeamus*. Тоже песня. Кстати, по-моему, неплохая идея для хора Турецкого.

Правда-правда. Оба названия значат “Давайте радоваться”. Так что проблема переводимости возникает не только в том случае, когда в другом языке нет вполне подходящих слов и выражений – как со словами типа *удаль* или *авось*. Иной раз они, может, и подходящие, но заняты чем-то совершенно другим, как в случае с латинским *Gaudeamus*, которое надежно ассоциируется со студенческим гимном.

А вот что, к примеру, будет делать итальянский журналист, если ему доведется писать о российском молодежном монархическом движении “Наше дело”? Честное слово, такое есть. Интересно, это бодрая монархическая молодежь так пошутила?

Впрочем, в интернете без труда находятся и рекламное агентство, и мебельная фабрика, и какая-то чаеразвесочная фирма *Cosa nostra*. Ну, я имею в виду, “Наше дело”. Мне еще понравилась носящая то же гордое имя контора по продаже автомобилей в Минске. Безумству храбрых… Это я про покупателей.

В 1998 году финская компания *Nokia* в рекламной кам-

пании новых мобильных телефонов с разноцветными сменными панельками использовала в Германии слоган *Jedem das Seine.* Фраза эта переводится на русский как “Каждому свое” и восходит к Цицерону: *Justitia suum cuique distribuit (De legibus (*I,19*)* – “Справедливость каждому свое распределяет”. Собственно, *Jedem das Seine* – точный перевод на немецкий латинского оборота *suum cuique.* Авторы рекламной кампании простодушно подразумевали: каждый выберет панельку того цвета, который соответствует его индивидуальности. Только вот беда: по-латыни и по-русски сочетание звучит невинно, но по-немецки оно безнадежно скомпрометировано тем, что в свое время красовалось на воротах в концентрационном лагере Бухенвальд.

Чувствительная к таким вещам немецкая общественность возмутилась, и кампания была быстро свернута. Впрочем, емкая формулировка *Jedem das Seine* использовалась и в рекламе фирм *McDonald's и Microsoft* и т. д. Особенно макабрически звучит эта фраза в рекламе набора специй для гриля, в которой тоже однажды фигурировала. Я нашла в интернете сфотографированную кем-то страницу из немецкой версии каталога “ИКЕА”, где слоган *Jedem das Seine* жизнерадостно указывает на широту ассортимента, с возмущенным комментарием: безобразие, мол, такого быть не должно. И тут же чей-то отклик: да уж…

Но обратимся к другому сюжету – пусть менее эффектному, зато более приятному. Шоколад *Dove* теперь произво-

дится и в России. Название его при этом, естественно, не переводится. Я подумала, что по-русски это и звучало бы гораздо хуже: шоколад “Голубь” (“Голубок”, “Голубь сизокрылый”). У Михаила Безродного в книжке приводится – конечно, не вполне всерьез – дивное рассуждение о влиянии стандартных рифм на национальное мировосприятие. В частности, он упоминает, что если по-английски стандартная рифма *love – dove,* то по-русски дежурной рифмой к слову *любовь* будет понятно что. Я имею в виду не *морковь*. Отсюда, мол, не вполне одинаковое представление о любви. Но ассоциация ведь работает и в обратную сторону.

Хотя русское слово *голубь* и его производные вполне себе годятся для любовных номинаций, хотя о влюбленных говорят, что они *воркуют, как голубки,* слово это в русском языке не тянет за собой слово *любовь* так автоматически, как в английском, где “читатель ждет уж” этой рифмы. Любовь, спору нет, сладостна (про молоко и мед-то когда еще сказано!), ну и тут до шоколада остается один шаг. Русский перевод все только запутал бы.

А вот противоположный случай: русская телевизионная реклама духов *Trésor.* Чарующий голос сначала произносит русский перевод – *сокровище*, а уж потом французское название. Это нетипично: я никогда не слышала, чтобы говорили о духах “Я решилась”, “Обожаю”, “Снова влюблена”, даже “Черная магия”. А вот еще популярные духи “Яд”. То есть название духов *Poison* лучше переводить не словами *яд*

или *отрава*, а словом *зелье*. Но по традиции вообще не переводят, так и говорят – *пуазон*. Есть, впрочем, исключение – “Шанель номер пять”. Там вся соль в этом интригующем “номер пять”, не переводить было бы глупо. Однако в случае с *сокровищем* все понятно: в написанном виде, латинскими буквами, еще ладно, но в устном… Духи “Трезор” по-русски звучит как духи “Барбос” или “Полкан”. Хотя “Полкан” – нормальное название для мужского одеколона. В смысле, *настоящий полковник*.

Но женские духи “Трезор” – это уж точно для русского уха смешно. Вот и предварили название духов переводом, чтобы предупредить так некстати возникающую ассоциацию с собачьей кличкой – *хотя отчасти*.

[2007]

Невпопад

Вселенная в алфавитном порядке

Есть такой американский фильм 1999 года – “Музыка сердца” *(Music Of The Heart)*. Там Мэрил Стрип играет скрипачку, которая после развода с мужем устраивается на работу в простую школу в Гарлеме. У нее есть пятьдесят собственных скрипок, и она начинает учить черных детишек играть на этих скрипках. Дело кажется безнадежным, учительницу-энтузиастку подстерегает множество трудностей, но в финале ее школьный оркестр играет в Карнеги-холле. Конечно, такому ответственному выступлению предшествуют серьезные репетиции, а родители школьников должны подписать специальные контракты. И вот трогательная сцена: бедное, совсем простое семейство. Глава семьи сидит за столом и, шевеля губами, читает контракт. Дело идет с трудом, и он поминутно заглядывает в толстенный словарь, который лежит на столе рядом с контрактом. Ну, смысл такой: вот, отец контракта без словаря прочесть не может, а сын играет в Карнеги-холле. Но я сразу задумалась о другом. Да, вот такой простой человек, читает, шевеля губами, а в доме есть большой словарь, и, главное, у человека есть идея, что непонятное слово надо посмотреть в словаре.

Другой американский фильм, 1984 года, комедия с Голди Хоун “Протокол”. Суть там в том, что официантка случайно спасает от террористов президента Штатов и его гостя – арабского шейха. Ее берут на службу в администрацию президента, ну и начинаются всякие приключения. В этом фильме тоже есть занятная сцена. К героине, после ее подвига, приходят поручeнцы и приглашают принять участие в каких-то официальных мероприятиях, упомянув (не без издевки) о необходимости следования протоколу. Героиня кивает с каменным лицом, а закрыв за гостями дверь, пулей несется… куда? Конечно, к книжным полкам. Она достает засаленный фолиант и, бормоча “протокол, протокол”, начинает его листать. При этом английское слово *protocol*, как и соответствующее русское слово, многозначно. И вот героиня читает одно толкование за другим, прикидывая, какое из значений имелось в виду.

Нет-нет, я понимаю разницу между киноискусством и жизнью.

Я не настаиваю на том, что в каждом американском доме на полках стоят словари и американские обыватели поминутно к ним прикладываются. Но ясно, что в американской культуре есть такой стереотип, а это уже немало.

Между прочим, из российского кино мне приходит в голову разве что фильм Ивана Дыховичного “Прорва” (1992), где один из героев весь фильм ходит и спрашивает у всех: “У тебя есть словарь синонимов?” (ему нужен синоним к слову

прорва). Такой странной вещи, конечно, ни у кого не оказывается. Дело, впрочем, происходит в 1938 году, так что задача найти словарь русских синонимов была на самом деле не столь тривиальной – ну ладно, это я уже о своем.

Как получилось, что мы, крича повсюду, что мы самая читающая страна, не завели обыкновения держать в каждом доме словари и заглядывать в них по мере необходимости?

Может, стоило бы государству, например, каждому выпускнику школы подарить в 2007 году по приличному словарю? Хоть по случаю Года русского языка, который у нас тогда был объявлен. Конечно, многим выпускникам дареные словари не понадобятся. Но как-то же они рассосутся, и общее количество словарей на руках у населения увеличится. Глядишь, кто-то кое-где порой и заглянет.

А ведь словарь – чудесная вещь, вещь, которую так приятно иметь дома. Словарь дает ощущение стабильности, связи с остальным человечеством. И ощущение своего могущества: вот ты чего-то не знал – раз – и через тридцать секунд уже знаешь. Бродский в одном из интервью рассказывал, как, прожив уже сколько-то лет на Западе, вдруг поймал себя на том, что привычным движением потянулся за словарем, как сделал бы это и в Питере, и в Норенской, – и понял, что всё, прижился. Существует любимое лексикографами изречение: “Словарь – это вся вселенная в алфавитном порядке! Словарь – это книга книг. Он включает в себя все другие книги, нужно лишь извлечь их из него”.

Сейчас, в компьютерно-интернетную эпоху, все больше бумажных словарей можно заменить компьютером, что для многих людей могло бы облегчить задачу. Однако оказывается, что обращение к словарю – в большой степени не вопрос доступности, а вопрос установки.

В интернете постоянно встречаются глубокомысленные диалоги примерно такого вида: “Люди, что значит такое-то слово?” – “По-моему, это то-то”. – “Нет, это совсем другое, а ты идиот”.

Ну и так далее: каждый следующий высказывает свое мнение по поводу значения слова, а заодно по поводу интеллекта предыдущих ораторов. Наконец кто-то приводит цитату из словаря, что, впрочем, не мешает дискуссии продолжаться.

Разумеется, в словарях есть не всё, конечно, в словарях бывают ошибки. Но попробовать-то стоит.

[2007]

Импортного производства

Любопытные вещи попадаются иногда в объявлениях. Недавно я просматривала страницу объявлений в одной из газет. Там, видимо, авторы должны оплачивать каждое слово, поэтому они стараются быть как можно лаконичнее. Из-за этого многие объявления звучат ужасно смешно, хотя обычно можно догадаться, что автор хотел сказать. Особенно мне понравились два объявления: “Тараканы без выходных” и “Запои на дому”.

Так и видишь насупленных тараканов, которые методично и без выходных делают свое черное дело. Или человека, который деловито достает из принесенного с собой чемодана батарею бутылок водки и пакеты с закуской, чтобы обеспечить клиенту комфортабельный запой на дому. Много лет назад меня поразило увиденное на столбе объявление: “Меняю квартиру, две комнаты изолированные, одна смежная”.

Но поговорить я хочу о формулировке, которая фигурирует в объявлениях о покупке-продаже постоянно. Это выражение *импортного производства*. Например, “продается шуба (детская коляска, пылесос) *импортного производства*”. Между тем *импорт* – это ввоз из-за границы товаров для их продажи в данной стране (я цитирую “Толковый словарь иноязычных слов” Леонида Петровича Крысина).

Латинское слово *importare* означает “ввозить”. Поэтому

могут быть *импортные товары, импортные сигареты,* но что значит *импортное производство?* Ввезенный из-за границы завод?

В связи с этим мне вспоминается интересная подробность из языка позднесоветского времени. Тогда кроме слова *импортный* было еще и слово *привозной*. Причем означали они разные вещи, хотя, казалось бы, *при-возить* – почти то же самое, что *im-portare. Импортными* назывались товары, которые закупало государство. Естественно, эти товары закупались огромными партиями, чаще всего в странах *народной демократии*. Продавались они в магазинах типа “Лейпциг”, куда под конец советской власти уже можно было попасть только по *приглашению. Приглашения* распределялись на предприятиях. Естественно, на следующий день после посещения магазина все женщины приходили на работу в одинаковых, хотя и дефицитных, кофточках.

Но существовали еще и *привозные* товары. Дело в том, что иногда советским гражданам удавалось выехать за рубеж. Питались они там привезенным с собой гороховым супом из пакета, сваренным прямо в гостиничном номере на привезенной с собой же электроплитке, всячески экономили, чтобы хоть что-то привезти домой. Но привезти домой деньги было невозможно: “валютные операции” жесточайше карались.

Поэтому человек вез с собой вещи, купленные как бы для себя, а дома сдавал их в *комок* (он же *комис*) – то есть комис-

сионный магазин. Вот такие вещи и назывались *привозными*. Они были куплены конкретным человеком в настоящем заграничном магазине. Тут можно было надеяться, что такую же кофточку не увидишь на сослуживице. Да и сама кофточка, если повезет, могла оказаться не гэдээровской, а даже итальянской. Модницы рыскали по *комкам*, а продавщицы на вопрос “Импортная?” обиженно отвечали: “Привозная!”

А недавно я снова встретила слово *привозной* в одном объявлении. И сразу поняла, что хотел сказать автор: мол, для себя покупал, выбирал, в магазине, а не скупил по дешевке всю партию на вес на складе неликвидных товаров.

[2005]

Неравный брак

Случается, что прочитаешь какое-нибудь название и недоумеваешь: о чем, собственно, думал человек, который его изобрел? Что он себе представлял? Некоторое время назад я увидела на Ленинградском проспекте в Москве кафе с удивительным названием “Мезальянс”. Вообще-то, *мезальянс* – это неравный брак, брак с лицом низкого социального положения, происхождения. Не знаю уж, висела ли в этом кафе репродукция картины Василия Пукирева “Неравный брак”, но там ей самое место. Помните, это очень известная картина, на ней изображено венчание. Жених старый, отвратительный, видимо богатый, а невеста молоденькая, жутко несчастная, явно бесприданница.

Так какой же смысл вкладывали владельцы кафе в название “Мезальянс”? Может быть, такой: если вы стесняетесь своего спутника или спутницы, смело приходите к нам, вас тут никто не увидит, потому что кто ж к нам придет. Или, скажем, так: если вы хотите заарканить человека, которому совершенно не подходите, приходите к нам – крепкие напитки, тусклое освещение…

В общем, вариантов масса, но все какие-то неутешительные. Между прочим, кафе это среди прочих услуг предлагало организацию свадебных торжеств. Нужно иметь очень своеобразное чувство юмора, чтобы решиться отпраздно-

вать свадьбу в кафе с таким названием! Потом кафе “Мезальянс” закрылось, уж не знаю почему.

Честно говоря, я думаю, что человеку, придумавшему название, просто понравилось, как звучит слово *мезальянс*, и он не озаботился справиться, что оно значит. И все же странно это как-то… Правда, когда я рассказала эту историю друзьям, они ответили, что это, мол, еще что, а вот им как-то встретился продуктовый ларек под поэтическим названием “Анус”. Оказалось, что секрет прост: ларек принадлежал двум хозяевам, из которых одного звали Андрей, а другого Усман.

А вот еще я тут увидела на улице щит социальной рекламы. Нарисованы ступеньки, силуэт человечка, который по ним спускается. Подпись: “Подземный переход жизни”. Как я поняла, эта социальная реклама призывает пользоваться подземными переходами, что, конечно, очень разумно. А сама конструкция *подземный переход жизни* построена по аналогии с выражением *дорога жизни*. Однако эта интерпретация приходит в голову в последнюю очередь. Напрашиваются совсем другие истолкования.

Во-первых, как-то сразу вспоминается, что жизнь прожить – не поле перейти. И если проживание жизни сопоставляется с переходом поля, то получается, что подземный переход жизни – это переход огромного поля по прорытому под ним бесконечному тоннелю. Довольно унылая картина. Может, пересекать поле жизни под землей и безопасно, но тогда

не увидишь ни облаков на небе, ни цветущих васильков.

Во-вторых, приходит в голову, что подземный переход, или *труба*, для современного города – это средоточие определенной субкультуры. Панки, бездомные, уличные музыканты – да мало ли кто еще спасается в подземных переходах от дождя и холода. *Он кончит жизнь в подземном переходе* – так говорят об опустившемся человеке. Да и вообще подземный переход – чем не метафора самой жизни? Конечно, при несколько специфическом и довольно мрачном взгляде на эту самую жизнь. Кстати, в интернете мне встретилось сочетание “подземный переход жизни” именно в этом смысле: *наши души отлетают, как кафель в подземном переходе жизни.*

В общем, по-моему, формулировка на этом щите не очень удачна. Несложный призыв к соблюдению правил дорожного движения выражен такой фразой, что, задумавшись о том, что бы она могла значить, как раз эти правила и нарушишь.

[2005]

БлагоWест

В моем любимом городе Иркутске есть большой торговый центр, который называется “БлагоWест”, причем “w” написано латиницей, так что коммерсанты как бы несут благую весть, одновременно кивая на Запад. Идея, как раньше любили говорить, богатая: о комбинации смыслов, которая получается в результате, вполне можно порассуждать, и не без удовольствия.

По этому поводу не могу не вспомнить, как однажды я увидела в газете рекламу абортария. Крупными буквами черным по белому было написано: “АБОРТЫ” – и над этим чуть более мелко и белым по черному название фирмы. Да-да, правильно догадались, фирма несколько макабрически называлась “Благвест”.

Все-таки ужасно интересно, что было у людей в голове. Хотя, к чему лукавить, на самом деле понятно. Небось сначала хотели оказывать разнообразную гинекологическую помощь, такое и название поэтому зарегистрировали, но вскоре как-то сосредоточились в основном на одном направлении. А название осталось. Вот и получилось, что они несут благую весть, что нежелательную беременность можно легко прервать.

В Иркутске же есть удивительные аптеки – впрочем, как я потом узнала, такие аптеки есть и в некоторых других го-

родах. Эта аптечная сеть называется “Медея”. Логика человека, который это придумал, в общем, даже понятна.

Медея – красивое женское имя, и притом оно начинается с *мед* – как бы что-то, связанное с медициной. Однако стоит вспомнить, кого именно так звали.

Медея – волшебница, героиня древнегреческого мифа, которая помогла Язону добыть золотое руно и бежала с ним в Грецию. Язон, уже имея от нее двух детей, изменил ей, намереваясь жениться на Креузе, дочери коринфского царя, Медея жестоко отомстила мужу: она послала невесте Язона пропитанный ядами дорогой наряд, от которого та погибла в страшных мучениях. Затем Медея убила двух своих детей – только для того, чтобы отомстить мужу, поскольку это и его дети тоже. Неистовой мстительнице Медее посвящены трагедии Еврипида и Сенеки, а позже – Корнеля. Пожалуй, Медея – самый устрашающий женский образ в мировой литературе. Но, кроме того, Медея – это и одна из самых известных отравительниц в мировой культуре. Она не только отравила соперницу, но еще и задолго до этого был такой эпизод: решив отравить героя Тесея, Медея на пиру послала ему кубок, отравленный ядом.

Так что я вообще всегда удивляюсь, когда женщин зовут Медеями – вот наградили родители имечком! Но особенно сильное впечатление это имя производит в названии аптеки: аптека “Медея” – если захочешь там купить лекарство для детей, ведь рука дрогнет! И вообще сразу начинаешь думать:

может быть, там торгуют зельем, с помощью которого можно извести разлучницу, а заодно и неверного мужа?

Еще в Иркутске есть – или, по крайней мере, до недавнего времени было – страховое общество “Атлантида”. Это тоже совершенно замечательное название. Мифический континент, или остров, Атлантида впервые был описан Платоном; Атлантида названа в честь Атланта, брата одного из титанов греческой мифологии – Прометея. По версии Платона, загадочный континент населяли атланты – бесстрашный и могучий народ, достигший высочайшего уровня цивилизации. Атлантида располагалась в Атлантическом океане за Гибралтаром и погибла примерно 12 тысяч лет назад, погрузившись в пучину океана “в один день и бедственную ночь” в результате грандиозной природной катастрофы. Между прочим, Аристотель, ученик Платона, именно в споре об Атлантиде изрек знаменитую фразу: “Платон мне друг, но истина дороже”.

Какие ассоциации должны возникнуть у человека, если страховая компания называется “Атлантида”? Что она может исчезнуть “в одну бедственную ночь”? Кажется, Атлантида может быть образом чего угодно, только не надежности.

Впрочем, это в других языках слово *страхование* производится от слова *уверенный, надежный* – как английское *insurance* или немецкое *Versicherung,* а в русском-то страхование – от слова *страх*. Поэтому, может быть, как раз “Атлантида” – подходящее название. Можно еще предложить

“Китеж” или “Титаник”.

[2006]

Медный барабан

Эту историю я знаю от молодого талантливого лингвиста Бори Иомдина, который работает вместе со мной в Институте русского языка. У Бори есть младший брат Лева – замечательный скрипач, тогда студент консерватории, а потом он стал играть в оркестре Спивакова. Однажды речь в разговоре братьев каким-то образом зашла о *литаврах.* Боря думал, что этот музыкальный инструмент похож на тарелки, а музыкант Лева сказал, что это не так, и страшно удивился, что брат не знает таких простых вещей. Тут пришла очередь Бори удивляться, он, как лингвист, кинулся к словарям. Действительно, *литавры* – это ударный музыкальный инструмент, состоящий из нескольких (от двух до семи) металлических полусфер, обтянутых кожей. То есть что-то типа барабанов с определенной высотой звучания. Боря стал спрашивать знакомых, что такое *литавры,* и все ошибались.

Оказалось, что это массовое заблуждение, прямо-таки некий культурный миф. Даже в стихах находим тому подтверждение:

“Предутренний рынок,
Врываясь сюда,
Сочится густым
Окровавленным мясом,
Литавры тарелок гремят, и вода

В набухнувших трубах гудит контрабасом.

(П. Васильев. Октябрьский ветер)

Тут прямо так и сказано: “*литавры* тарелок”. А в следующем примере – *литавры* ладоней:

“И мимо вратаря влетал
мяч прямо в сетку,
и больные –
за неимением *литавр* –
в ладони били жестяные.

(Г. С. Семенов. 30 мая 1960 года)

Конечно, в большинстве примеров описывается звук, и мы не знаем, как поэт представляет себе внешний облик инструмента: помните, как пела Новелла Матвеева:

“И в теплом ветре ловить опять
То скрипок плач, то *литавров* медь,
А что я с этого буду иметь,
Того тебе не понять.

(Девушка из харчевни)

А вот Александр Грин: “Бухнуло глухое серебро *литавр*”.

Правда, в литературе много и примеров, из которых ясно видно, что литавра выглядит, как барабан. У Лескова читаем:

“*Литавра* издает отчаянный треск, кожа лопается,

все хохочут, шум становится невообразимый, и Ивана Степановича облегчают за прорванные *литавры* штрафом в пятьсот рублей в пользу музыкантов *(Чертогон, 1879).*

Или вот еще:

"…то в час заката загудели
литавры из звериных шкур.

(Эллис [Л. Л. Кобылинский]. Красная комната)

Совершенно замечательно слово *литавра* использовано у Маяковского ("Наш марш"):

"Радости пей! Пой!
В жилах весна разлита.
Сердце, бей бой!
Грудь наша – медь *литавр*.

Здесь грудь – это как бы медная полусфера, и сердце изнутри гулко бьет, как в туго натянутый барабан, и гудит вся грудь. Потрясающий образ.

Мне кажется, я понимаю, откуда взялось ложное представление о том, что *литавры* – это тарелки. Во-первых, обычный человек не сталкивается в жизни с литаврами или фанфарами, в отличие от скрипок или роялей, которые каждый много раз видел. Например, *фанфара* – это духовой медный музыкальный инструмент в виде удлиненной тру-

бы. Но все ли знают о *фанфарах* что-то кроме того, что они применяются обычно в торжественной обстановке? Ну а про *литавры* все знают, что в них бьют, – хотя бы потому что есть образное выражение *бить в литавры,* то есть торжествовать. С другой стороны, у всех на слуху и сочетание *звон литавр*: например, у Пушкина в “Полтаве” – “Она любила конный строй / И *звон литавр*”. Однако здесь есть одна хитрость. В пушкинские времена слово *звон* имело более широкий смысл и могло обозначать просто звук. Так, в повести Титова “Уединенный домик на Васильевском”, сюжет которой, кстати, принадлежит Пушкину, герой заподозрил, что столкнулся с нечистой силой и

> “со всего размаху ударил своей палкою по спине извозчика. Но каков был его ужас, когда этот удар произвел *звон костей о кости,* когда мнимый извозчик, оборотив голову, показал ему лицо мертвого остова.

Конечно, сейчас не говорят *звон костей*, но тогда так говорили. Итак, если человек составляет представление о слове *литавры* по контекстам его употребления, он узнает, что *в литавры бьют* и что они издают при этом *звон.* Современный человек, естественно, делает вывод, что они металлические. Есть и еще кое-что. Слово *литавры* созвучно словам *литой, литье*, что тоже наводит на мысль о металле. Это созвучие возникло случайно: слово *литавры* происходит от греческого *poly* (“много”) и *taur'ea* (“барабаны”). Но *по* было переосмыслено как предлог, и *политавры* превратились

в *литавры*.

Здесь стоит вспомнить еще слово *гонг*. *Гонг* – это ударный музыкальный инструмент в виде металлического диска, употребляемый также для подачи сигналов. Меня всегда ужасно забавляли названия журналистских премий – “Золотой *гонг*”, “Серебряный *гонг*”. Звучат эти названия, конечно, красиво, но если подумать – в каких ситуациях в европейской культуре фигурирует *гонг*? Чаще всего *гонг* созывает к обеду да еще используется на боксерском ринге. Интересно, на какую из этих ситуаций намекают названия премий?

[2006]

Кенгуру и верблюды

Хочется жить, что называется, “все время схватывая нить”. А терять нить неприятно. Даже когда слышишь полную чушь, все-таки спокойнее, если понимаешь, на чем нас кидают.

Один деятель искусства, рассказывая о своей тяжелой жизни, с подобающим смирением произнес: “Что ж, такая моя харизма”.

Ну вот что может быть несуразнее? Греческое слово *харизма*, означавшее “милость, божественный дар”, чрезвычайно модное в русском языке, все время расширяет свои возможности: от значения “исключительная одаренность (о святых)” к значению “высокий авторитет, основанный на умении подчинять других своей воле” и затем просто “привлекательность, способность внушать доверие”. А часто и вовсе можно услышать высказывания вроде: “Новая обивка придаст стулу *харизму*” (т. е. привлекательность, неповторимость). Но все это никак не помогает понять, что хотел сказать деятель искусства. Ведь что-то же он имел в виду! А очень просто: он спутал слово *харизма* и слово *планида* (“судьба, участь”) – по происхождению то же слово, что *планета*.

Вот как-то был один занятный случай. В погожий весенний денек мы ездили на пикник. На бережку неподалеку от

нашей живописной группы расположились другие не менее живописные группы отдыхающих граждан. Последние с интересом наблюдали, как взрослая часть нашей группы пытается освоить розовый пластмассовый бумеранг, привезенный для обеспечения ее детской части подвижными играми на свежем воздухе. Бумеранг если и летел, то возвращаться точно никак не хотел. В конце концов представитель соседней группы предложил нам мастер-класс.

Оговорившись, что он может показать, как надо запускать, но только, конечно, если это правильный бумеранг. Потому что, мол, вот у него бумеранг настоящий, цитирую, “сделанный в Австралии бедуинами”.

Клянусь, так и сказал: *в Австралии бедуинами*. Сразу представляешь себе картину: плывет, восседая на верблюде, бедуин в длинном белом одеянии, а вокруг вместо Аравийской пустыни совсем другой пейзаж. Мимо то страус эму пробежит, то кенгуру проскачет. Не говоря уже о коалах, ехиднах и утконосах. Бедуин достает из складок своего одеяния томагавк, то есть, пардон, бумеранг, размахивается и как запустит в кенгуру. В общем, какая-то фантасмагория. Почему же тот молодой человек так сказал, что заставило его соединить в одной картине бедуина и Австралию? Не сразу, но довольно скоро я догадалась, что задача, видимо, имеет одно решение: под *бедуинами* он имел в виду *аборигенов.* Скорее всего, ему подарили бумеранг, сказав, что он сделан “австралийскими аборигенами”. Ну а он плохо запомнил, вот и

спутал два слова.

Тут нельзя не упомянуть историю советских времен, которую часто цитирует математик и лингвист Владимир Андреевич Успенский, – историю о даме, которая важно сообщает, что ее муж летит *в Швецию через Австралию* – на самом деле, естественно, *в Швейцарию через Австрию*.

[2006]

Грех по месту жительства

Наверное, многие помнят стихотворение Бориса Пастернака “Август”, где есть такие строки:

“Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня
Шестое августа по старому,
Преображение Господне.

Кстати, я каждый год задумываюсь над климатической загадкой этого стихотворения. Там говорится:

“И вы прошли сквозь мелкий, нищенский,
Нагой, трепещущий ольшаник
В имбирно-красный лес кладбищенский,
Горевший, как печатный пряник.

И далее:

“Прощай, лазурь Преображенская
И золото второго Спаса…

Девятнадцатое августа в Подмосковье – а ведь описывается кладбище в Переделкине – это слишком рано для золотой осени и облетевшего ольшаника. Вряд ли климат так изменился за полвека. А может, поэт силой воображения при-

близил Переделкино к месту событий – горе Фавор? Видимо, литературоведы что-нибудь об этом знают. Но суть не в этом.

В 2005 году 19 августа про Преображение вспомнил не кто-нибудь, а РИА “Новости”. На сайте “Рамблера” в этот день появилось такое сообщение: “Сегодня православные христиане отмечают великий двунадесятый (один из двенадцати) праздник Преображения Господня, называемый также в народе Яблочным Спасом”.

Далее излагается евангельский сюжет: Иисус возвел трех апостолов – Петра, Иакова и брата его Иоанна – на гору Фавор и преобразился перед ними. “Просияло лице Его как солнце, одежды же Его сделались белыми как свет”, – говорится в Евангелии от Матфея… Два ветхозаветных пророка – Моисей и Илия – явились преображенному Христу и беседовали с Ним. А из светлого облака, осенившего их, раздался голос Бога Отца, свидетельствующий: “Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте”.

А теперь внимание – финал: “Услышавшие это апостолы испугались и пали ниц, сообщает РИА «Новости»”.

Макароническое сочетание “пали ниц” и “РИА «Новости»” в последней фразе да и сама не вполне уместная в данном случае формулировка ссылки на новостное агентство дают потрясающий эффект.

Вообще макаронизмы – это иноязычные вкрапления в

тексте, как, например, в “Дубровском”: “Я не могу дормир в потемках” или у Тэффи: “Кё фэр? Фэр-то кё?” Комический эффект может возникать – в соответствии с намерениями авторов или помимо их воли – и за счет смешения стилистически разнородных элементов.

Вспомнился и совсем другой случай. В том же году, причем тоже в августе, мы плыли на теплоходе по Волге. Посетили много интересных мест и в частности – необыкновенной красоты Макарьевский женский монастырь. Экскурсоводом у нас была пожилая монахиня, которая, впрочем, выступала в роли скорее проповедника, чем экскурсовода. Изъяснялась она так: “Грех чадоубийства в утробе можно снять и по месту жительства”. Призывая стирать губную помаду перед целованием чудотворной иконы – чтобы эту икону не запачкать, – она пояснила: “А то с нас священник требует!” А когда ее спросили, долго ли нужно быть послушницей, перед тем как стать монахиней, ответила: “Все от человека зависит! Некоторые сразу вливаются в коллектив…” В общем, по языку этой монахини можно было догадаться, что когда-то она жила принципиально другой жизнью. Оказалось, что в монастыре она тринадцать лет. И на вопрос, кем работала в миру, она ответила явно заготовленной для таких случаев фразой: “А об этом история умалчивает”.

[2005]

Мещанин Фет

Как-то раз в телевизионной передаче об ученом Лобачевском я услышала, что карьера Лобачевского складывалась более чем удачно, так что в таком-то году он получил звание ЭКСТРАОРДИНАРНОГО профессора. При этом слово *экстраординарный* было произнесено с эдакой ликующей интонацией. Было очевидно, что человек, произносивший этот текст, считает, что *экстраординарный профессор* – это какой-то особый, особо важный профессор.

Действительно, в современном языке слово *экстраординарный* употребляется прежде всего в значении “необыкновенный”, “чрезвычайный”, тогда как *ординарный* – напротив, “обыкновенный”, “заурядный”. Но *экстраординарный профессор* в дореволюционной номенклатуре – это внештатный профессор, а *ординарный* – штатный, постоянный.

Так что при стандартной успешной карьере человек получал сначала должность *экстраординарного профессора* университета, а спустя какое-то время – должность *ординарного профессора*.

Если посмотреть таблицу чинов и должностей в России XIX века, то видно, что должность *ординарного профессора* до 1863 года соответствовала 7 классу по Табели о рангах, а после 1863 года – 5 классу, то есть чину статского советника. В то же время должность *экстраординарного профессо-*

ра соответствовала до 1863 года 8 классу, то есть чину коллежского асессора, что, конечно, не то. Хотя, в общем, уже неплохо.

Похожая история часто происходит с понятием *личного дворянства.*

Многие сейчас считают, что *личное дворянство* – это какое-то особое, самое ценное дворянство, что-то вроде *персональной пенсии*. Поэтому и произносят с уважением: *личное дворянство*. Между тем в России *личное дворянство* противопоставлялось *потомственному,* которое передавалось по наследству. И то и другое можно было выслужить, но *потомственное дворянство* получить было гораздо труднее.

Правила много раз на протяжении XVIII–XIX веков менялись, причем планка все время повышалась. Показательна драматическая история поэта Афанасия Фета, чуть ли не вся жизнь которого прошла в погоне за *потомственным дворянством*. Дело в том, что он был сыном *потомственного дворянина*, но незаконным – и тем самым оказывался безродным мещанином. Он считал, что *потомственное дворянство* было у него несправедливо отнято, и стремился любой ценой вернуть его себе. Для этого Фет после университета пошел на военную службу, где чины шли быстрее, много лет мучился, но за время его службы правила дважды ужесточались, и он так и не получил желанного *потомственного дворянства*. Детей у него, впрочем, все равно не было. А его товарищ Аполлон Григорьев, тоже незаконный сын дворянина, после

университета поступил на гражданскую службу и в 1857 году дослужился до коллежского асессора. До 1856 года этот чин давал право на *потомственное дворянство*, но после этого года – только на *личное*. Однако Аполлон Григорьев удовлетворился малым и преспокойно ушел в отставку.

Возвращаясь к интонации, можно заметить, что часто по тому, как люди произносят те или иные слова, можно понять, что они то ли сами не знают, о чем говорят, то ли нарочно дурачат слушателей.

Я очень люблю одну рекламу. Там о каком-то товаре, в числе прочих его достоинств, сообщается его цена (предполагается, что низкая). И тут торжествующий голос прибавляет: “БЕЗ НДС!”

Звучит это очень смешно: ведь если названа цена без налога на добавленную стоимость, значит, реально, с этим налогом, она выше – так что же тут хорошего? То ли человек, озвучивающий рекламу, вообще не знает, что НДС – это такой налог, то ли нарочно говорит с такой интонацией, чтобы ввести невнимательного слушателя в заблуждение: мол, цена без чего-то там – это же хорошо.

[2005]

Эра милосердия и индукции

В 2004 году был юбилей знаменитого фильма “Место встречи изменить нельзя”. По этому поводу о фильме, естественно, много говорили. И вот в одной телепередаче я услышала такой текст: “Если метод Шерлока Холмса – дедукция, то Глеб Жеглов не брезгует индукцией – то есть общим принципом”. Все знают, что Шерлок Холмс называл свой метод *дедуктивным*, ясно также, что противоположность *дедукции* – это *индукция,* но говорить, что именно склонность к индукции отличает Жеглова от Холмса, по меньшей мере странно.

Дедукция – это логическое умозаключение от общего к частному, а *индукция* – от частного к общему, от конкретных фактов к обобщениям. Приведу забавный, но точный пример из одной книжки, где понятия индукции и дедукции поясняются на примере ухода за мотоциклом:

> “*Индуктивные* умозаключения начинаются с наблюдений за машиной и приходят к общим заключениям.
>
> Например, если мотоцикл подскакивает на ухабе, и двигатель пропускает зажигание, потом мотоцикл подскакивает еще на одном ухабе, и двигатель пропускает зажигание, потом опять подскакивает на ухабе, и двигатель опять пропускает зажигание, потом мотоцикл едет по длинному гладкому отрезку пути, и

пропуска зажигания нет, а потом подскакивает еще на одном ухабе, и двигатель пропускает зажигание снова, то можно логически заключить, что причиной пропуска зажигания служат ухабы.

Это – *индукция*: рассуждение от конкретного опыта к общей истине. *Дедуктивные* умозаключения производят прямо противоположное. Они начинают с общих знаний и предсказывают частное наблюдение.

Например, если ‹…› механик знает, что клаксон мотоцикла питается исключительно электричеством от аккумулятора, то может логически заключить, что если аккумулятор сел, клаксон работать не будет. Это *дедукция* (Р. М. Персиг. *Дзэн и Искусство Ухода за Мотоциклом.* Пер. М. Немцова).

Вообще говоря, Шерлок Холмс назвал свой метод *дедуктивным* достаточно произвольно. Он имел в виду вот что. Если антипод Холмса – Лестрейд, сыщик из Скотленд-Ярда, вечно ползающий по месту преступления с лупой, – собирает огромное количество фактов, не умея их по-настоящему осмыслить, то Холмс, в распоряжении которого только Ватсон да еще несколько лондонских мальчишек-посыльных, умеет так проанализировать и соотнести между собой, казалось бы, незначительные подробности, что по ним полностью восстанавливается картина преступления. Так же поступают и герои множества других детективов – особенно частные сыщики и сыщики-любители: и Ниро Вульф, и мисс Марпл, и Перри Мейсон. Вспомним, как при первой встрече

Холмс огорошил доктора Ватсона вопросом о том, давно ли тот из Афганистана (кстати, в советском фильме слово *Афганистан* было подвергнуто цензуре). Он обратил внимание на характерный загар Ватсона, сопоставил это с информацией о профессии Ватсона и о том, где Англия вела в тот момент войну, и на этом основании сделал свой вывод. Разве это имеет отношение к *дедукции* как умозаключению от общего к частному? Между прочим, наблюдательности и сообразительности Жеглову тоже не занимать. А что Холмс не подбрасывал улики и не назначал преступников по классовому признаку, так логика тут вообще ни при чем.

[2006]

Последний парад наступает

Недавно к нам в институт пришло письмо с вопросом: что за странные сочетания замелькали в последнее время в прессе: *крайний полет, крайний ремонт* (самолета), мол, разве так правильно говорить? Конечно, вообще-то неправильно. В русском языке прилагательное *крайний* в норме не используется применительно к характеристике места какого-либо события в ряду других событий. В этом случае употребляется прилагательное *последний*. Говорят *крайний* дом, но *последняя* встреча.

Но тут есть одна проблема. Да, с точки зрения норм современного русского литературного языка, правильны сочетания *последний полет, последний ремонт* и т. п., а сочетания *крайний полет, крайний ремонт* и т. п. неправильны. Однако вот беда – многие сочетания со словом *последний* связаны со смертью (*последняя воля, последний вздох, последний путь, отдать последний долг*). И в славянской мифологии понятие *последний* играло важную роль, в частности, в похоронном обряде. Поэтому получается, что и само слово *последний* стало несколько рискованным.

Как известно, многим профессиям, особенно связанным с риском для жизни, свойственны определенные суеверия. Нет ничего удивительного, что в профессиональном жаргоне летчиков слово *последний* табуируется и заменяется эв-

фемизмом – *крайний*. Если только речь не идет о совсем-совсем *последнем*… – смертельном. Назвать полет *последним* считается плохой приметой: из-за этого полет может закончиться гибелью пилота. В объявлениях о продаже самолетов и вертолетов только так и пишут: *количество ремонтов, дата крайнего ремонта*. Да на автомобильном сайте читаем: “Водительскую дверь дважды уже чинили. После *крайнего* ремонта не прошло и недели – опять та же история”. Забавно, что возникшая пара *последний – крайний* соответствует английской паре *last – latest.* Изучающих английский специально натаскивают эти два слова не путать, именно потому, что в русском им обоим соответствует одно прилагательное – *последний*. Ну, пока летчицкое употребление слова *крайний* не стало общепринятым.

Конечно, профессиональный жаргон летчиков существовал давно, а появление эвфемизмов типа *крайний полет* в печати связано с тем, что в последнее время размылись границы между разными функциональными стилями речи. Раньше можно было прожить жизнь и не услышать сочетания *крайний ремонт*, а теперь другое дело.

Вообще надо заметить, что в наше просвещенное время влияние суеверий на язык не такая уж редкость. В последние годы очень бывает забавно слышать, как изысканные ведущие разных ток-шоу радушно обращаются к гостям: *Присаживайтесь*. Этот уголовно-правоохранительный эвфемизм существовал давно. Он связан с нежеланием произносить *са-*

дитесь – а то накаркаешь еще. Только раньше это было приметой речи определенного круга людей, а сейчас входит – да чего там, вошло уже – в литературный язык.

А вот что пишет критик Антон Долин:

> “Не сдержусь: ненавижу, когда говорят “Присаживайтесь”. Этимология ясна – типа, если скажешь “Садитесь”, так это значит в тюрьму сесть. Во-первых, пора отучаться от этой лагерной логики. Во-вторых, в “Присаживайтесь” слышится какое-то бюрократическое жлобство – мол, садитесь, но на краешек стула, и уютно себя не чувствуйте, ни-ни! Так что, прошу вас, – исключительно “Садитесь”.

Возможно, тот или иной ведущий и чувствует, как вульгарно звучит это *присаживайтесь,* но боится травмировать кого-нибудь из гостей предложением *сесть*. Забавно, кстати, что слово *присесть*, в свою очередь, может употребляться в значении “сесть в тюрьму”: *За такое вообще-то можно и присесть лет эдак на пять*.

Долгое время меня жутко раздражала принятая у вахтеров формула: *Вы далеко?* На мой слух она звучала чудовищно по-хамски, пока я не поняла, что это такая особая просторечная вежливость. Есть примета: *Не кудакай – пути не будет*. Вот вахтер дружелюбно и говорит мне: *Вы далеко?* вместо *Вы куда?*, чтобы меня не сглазить, а то дело, по которому я иду, сорвется. И теперь я не раздражаюсь, а только удовлетворенно отмечаю про себя разницу культурных кодов.

[2007]

Мученики Аляски

Бывают смешные обмолвки: вот как-то по телевизору – “Бригады мучеников Аляски”. А слово *волеизъявление* почему-то регулярно произносят как *волеизлияние.* Так и видишь нервного гражданина, который отправляется на выборы, чтобы *излить* наконец все, что накипело, написав на избирательном бюллетене слово из трех букв.

Поразительно часто в результате оговорок рождаются вполне осмысленные фразы, только смысл вылезает не тот, который планировался. Так сказать, фрейдистские обмолвки. Классика этого жанра – изречения вроде “Хотели как лучше, а получилось как всегда”.

А один военный или милицейский чин выразился так: “В этом здании дистанцировался ОМОН”. Ну конечно, все понятно: он перепутал слова *дислоцироваться*, то есть “находиться, располагаться”, и *дистанцироваться*, то есть держаться на расстоянии. Однако образ, который возник в результате, просто замечателен: ОМОН, который затаился и всячески старается держаться в стороне от конфликтной ситуации.

Мою любимую оговорку сделала одна телеведущая: “Правительство должно создать мелкому бизнесу режим наибольшего благопрепятствования”. Вот уж воистину подарок старику Фрейду. Ведь какое емкое получилось слово – *бла-*

гопрепятствование. То есть, всячески демонстрируя дружелюбие и готовность посодействовать, в то же время создавать непреодолимые препятствия.

Однажды по телевизору корреспондент сказал: “Правительство будет гарантировать срыв поставок”. Конечно, источник ошибки понятен: человек не смог согласовать между собой всевозможные встроенные в слова отрицания и в результате сказал нечто противоположное тому, что собирался. По этой причине постоянно можно услышать: *нарушился дисбаланс* вместо *нарушился баланс* или *возник дисбаланс*. Со *срывом поставок* смешно получилось – если вы почему-то ваши поставки самостоятельно не сорвали, то правительство вам гарантирует: уж оно обязательно расстарается и придумает что-нибудь такое, что ваши поставки будут сорваны все равно.

Михаил Касьянов, в бытность свою премьер-министром, выдал замечательную формулировку, которая обошла все газеты: “Чтобы не было сомнений в зыбкости принятых решений”. Действительно, какие тут могут быть сомнения? Мы, в общем, и так были уверены в зыбкости этих решений.

В книге математика и лингвиста Владимира Андреевича Успенского “Труды по НЕ математике” также обращается внимание на массовые случаи вставления лишнего отрицания. Приведу в сокращении одну из цитат на эту тему:

> “Священноначалие Русской Православной Церкви – стремилось ИЗБЕЖАТЬ того, чтобы канонизация

> новомучеников российских, и в частности царской семьи, НЕ послужила аргументом в политической борьбе…

Иными словами, Церковь добивалась того, чтобы канонизация царской семьи послужила аргументом в политической борьбе. Оно, может, и так, но едва ли автор текста, митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, хотел это сказать.

Один журналист с большим пафосом рассуждал о языке, утверждая как раз, что даже случайные обмолвки, по Фрейду, не случайны. Один журналист с большим пафосом рассуждал о языке, утверждая как раз, что даже случайные обмолвки, по Фрейду, не случайны. Непосредственно после этого он стал цитировать известный пассаж Тургенева о русском языке (о нем рассказывается в этой книжке отдельно), что, мол, нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу, в порыве страсти вставив в него третье *не* – *не великому*. В результате получилось, что Тургенев якобы считал, что такой язык может быть дан только ничтожному народу… Уж не знаю, что бы сказал Фрейд, но я вообще-то думаю, что бедняга журналист ничего такого непатриотического не имел в виду, а просто запутался в отрицаниях.

[2008]

Младограмматика

Ветру и орлу. Споры о языке и глобальное потепление

Как-то раз я участвовала в телевизионной дискуссии о русском языке. По одну сторону баррикады со мной были поэт и эссеист Лев Рубинштейн и Алексей Шмелев, мой коллега.

Мы пели свою либеральную песню, что язык, мол, живой организм, что он правдив и свободен, что государство не должно особенно руководить языком. Мол, лучше бы побольше словарей издавать и передач про русский язык делать, а не требовать санкций за использование заимствованных или просторечных слов. Язык, мол, стихия, океан, и не так-то просто нам, грешным, что-то ему навязать. И все будет хорошо.

Оппоненты же наши пели, естественно, свою державную песню: язык портится, мировой заговор, кругом враги, покушаются на духовность русского народа путем лингвистической диверсии, а вы вообще Пушкина не любите.

Но неожиданно к атаке на нас присоединился находившийся в зале Александр Городницкий: как это – язык не гиб-

нет, ведь ужас что творится, надо спасать, надо остановить порчу языка, а про океан вы мне вообще не говорите, это я тут океанолог. Ну что ж, океанолог так океанолог.

А через пару дней включаю я телевизор, а там сидит тот же самый Городницкий и отвечает на вопрос о глобальном потеплении. Ему говорят: ужас, ужас, надо что-то делать, ведь это мы устроили глобальное потепление, надо срочно его остановить! А он отвечает: да нет, тут стихия, существует естественное колебание температур. Сейчас средняя температура действительно повысилась. Через какое-то время понизится, и человеку просто не под силу тут особенно напортить.

Людям, говорит, нравится, когда их пугают, но я пугать не буду – никакой климатической катастрофы нет. И все будет хорошо.

Я была поражена сходством его аргументации и общей тональности рассуждений о климате, об океане с тем, что мы говорили про язык и против чего сам Городницкий тогда так активно возражал. Я подумала, что эта разница во взгляде, в оптике в общем-то понятна. Когда всю жизнь занимаешься какой-то наукой, постепенно начинаешь ощущать мощь изучаемой стихии, ее дыхание, энергию ее саморазвития, на фоне которой так ничтожны “все наши глупости и мелкие злодейства”. И думаю, что вопрос о том, почему пали редуцированные, по своему экзистенциальному накалу не уступает вопросу о том, почему происходит потепление.

То есть, может быть, кто-то и умеет это объяснять. Или думает, что умеет… Вот взяли редуцированные гласные и пали. Да так аккуратненько, в соответствии с определенными закономерностями. И попробовал бы кто-нибудь запретить это падение декретом, спасти язык от этой страшной порчи!

Вообще-то я как раз люблю объяснять: ну там, почему такое-то слово прижилось, а такое-то изменило свое значение. Но иногда заметишь в языке какое-нибудь пустяковое новое явление – и стоишь, прямо "как Эдип, пред сфинксом с древнею загадкой". Вот, например.

В последние годы я наблюдаю, что все чаще вместо союза *что* стали говорить *то что*. Сначала замелькали фразы типа *Я думаю то, что*… или *Я считаю то, что*… – вместо *Я думаю, что, Я считаю, что*… Это еще ладно. Да тут даже и закономерность можно увидеть. Во многих типах русских сложноподчиненных предложений возможно или даже обязательно наличие такого указательного слова в главной части. И, пожалуй, есть некоторая тенденция к активизации таких слов. Пушкин писал: "Блажен, кто смолоду был молод" – сейчас скорее сказали бы "Блажен тот, кто смолоду был молод". Как, например, у Окуджавы: "Счастлив тот, чей путь недолог…"

Но дальше – больше. Стали говорить: *Я сомневаюсь в том, то что…, Я рад, то что…, Мы поссорились потому, то что*… Возможно, вы мне даже и не верите. Честное сло-

во, вы просто внимания не обращали, а я это слышу постоянно. С чего вдруг стал плох старый добрый союз *что*, зачем понадобилось это наращение? Поди пойми. А вы говорите глобальное потепление.

[2008]

Современный шибболет

Раньше говорили *суши*, но *Мицубиси*. Теперь же модные люди говорят *суси*, но *Мицубиши*. Почему? Чистый *шибболет* – знак принадлежности к определенному кругу. По произношению слова *шибболет* жители галаадские, во время войны с ефремлянами, узнавали ефремлян при переправе их через Иордан и убивали их. Ефремляне произносили это слово как *сибболет* – это была особенность их диалекта (Суд., XII, 6).

А вот недавно я прочитала в книжке Оксаны Робски:

> “– Танцевать он тоже в галстуке ходил? – поинтересовалась я, бросая Терминатору поджаренный хлеб.
>
> – На галстуке, – поправила Рита, делая ударение на предлог “на”. – На костюме, на галстуке. Это так все продвинутые говорят.
>
> – На галстуке? – Я как будто попробовала выражение на вкус. – Прикольно.

Я тоже попробовала выражение на язык и почувствовала, что оно мне совершенно неведомо. Знакомые тоже пожимали плечами и говорили, что это, наверно, что-то одесское.

Но мой сын подтвердил – конечно, говорят: *на моде, гонять на пальто* и даже *на моднявом пальто “Lacoste”, на левайсах, весь на кажуале*. Говорит, слышал даже *на лысом*

черепе. От Александра Гаврилова знаю еще *на гидриках* (в гидрокостюмах).

Вообще-то предлог *на*, как, например, приставка *про* (всякие там *пролечить, проплатить*), в последнее время замелькал довольно активно: *на тюрьме* (как *на зоне*), *на вагоне* ("Кипяток попросите *на соседнем вагоне*" – недавно в поезде услышала), *на районе* (даже в какой-то рекламе было: "У нас *на районе* никто не зажигает"). А мое любимое выражение с предлогом *на – на позитиве*: "Я пришел такой весь *на позитиве*". Раньше говорили *на нервах, на голубом глазу*, а теперь еще и *на лавэ* (то есть *при деньгах*). Так что насчет *на пальто* – в отличие от Станиславского, верю, верю.

Я стала искать в интернете. И правда, говорят так. Вот в каком-то блоге обсуждают фотографию приятеля: смотри, мол, *какой нарядный, на костюме* (далее непечатно). Или вот по поводу дресс-кода: обязательно ли в этой фирме ходить *на костюме, на галстуке*? Попутно выяснила, что выражение *на галстуке* есть еще в жаргоне автомобилистов: в смысле машина заглохла, пришлось ехать *на галстуке*. Ладно, будем знать.

Но в самый большой восторг меня привел пост, в котором человек ужасно раздраженно говорит о тетке-соседке, которая *гоняет на пальто в барбариску. А ведь сколько кепок получилось бы!*

Очень трогательно: "сколько бы вышло портянок для ребят". Я-то, к собственной гордости, сразу догадалась, что

значит *гоняет на пальто в барбариску* и чем это плохо. Ну, *гоняет на пальто* это, как мы понимаем, *ходит в пальто*, а *барбариска* – это характерная бежево-красно-черная клетка бренда *Burberry*. Этот бренд, наряду с такими, как *Stone Island, Henry LLoyd, Lacoste, Fred Perry* и др., является культовым для футбольных фанатов, теперь уже и в России. Забавно, что английские футбольные хулиганы в свое время взяли на вооружение кажуальный стиль одежды для того, чтобы можно было быстро смешаться с толпой. А в современной России любой милиционер в день матча обратит особое внимание на клетчатую кепку, в особенности в сочетании с голубыми джинсами и белыми кроссовками. Все это я уже знала от сына – большого знатока футбольного хулиганизма и обладателя белых кроссовок и куртки *Stone Island*. Но фраза *гоняет на пальто в барбариску* мне понравилась своей загадочностью.

Я вспомнила, как в свое время в диалектологической экспедиции слышала от жителей одной деревни в Архангельской области загадку: что такое *Лонские исподки розные*. Специально собрали в одной фразе свои, специфические слова.

Значила фраза: “Прошлогодние рукавицы рваные”. И вот я стала спрашивать знакомых: что значит *гоняет на пальто в барбариску*. Все, естественно, недоумевали. Своими успехами в изучении русского языка я похвасталась перед сыном. Да, говорит, сейчас есть такая тенденция: пальто из ткани

расцветки *Burberry* носят совсем не по делу. Ну да, подхватила я, вместо того, чтобы нашить кепок для пацанов. Сын с презрением посмотрел на меня: Каких *пацанов?* – А кого же? – *Парней,* конечно!

Да, поняла я. Век живи – век учись. Трудный русский язык.

[2007]

Надуманный предлог

Время от времени кажется, что сюжеты кончаются. А потом в окно выглянешь… Вот, к примеру, косметический салон под красивым названием “Лакрима”. В общем, даже понятно: слово благозвучное и похоже на *крем,* да еще с французским артиклем. Только ведь значит оно по-латыни – слеза. Ну, типа такой косметический салон: посетите его, и потом на вас без слез не взглянешь.

Именно в этой “Лакриме” предлагают те самые *пакеты красоты*, которые мне так понравились. Конечно, у слова *пакет* сейчас появилось такое значение, но все-таки ужасно смешно.

Почему-то, будто в пику Чехову с его максимой про то, что в человеке должно быть, мол, все прекрасно, как раз индустрия красоты часто обслуживается языком нарочито безобразным. Или в пику Пушкину – насчет совместимости красы ногтей и интеллектуальной полноценности.

Да что там *пакеты красоты!* В той же самой “Лакриме” предлагают (как раз в составе этих пакетов): *программу по телу в капсуле ALFISTA; уход по телу в капсуле ALFISTA; уход по лицу LACRIMA*. Сначала я просто глазам своим не поверила. *Уход по лицу* звучит как *поленом по лицу* у Галича. Я поспрашивала людей: как они понимают выражения *уход по телу* и *уход по лицу*. Никак.

А ведь на самом деле тут все понятно. Лингвисты уже не один десяток лет замечают экспансию предлога *по*: ну там, *работаем по Юкосу, договорились по тарифам*, да что там – теперь говорят *по уму, по жизни, по кайфу* (вместо старого *в кайф*) и *по приколу*.

А я еще слышала: “Ну ты прям по дизайну!” Или вот такой диалог: “А я по кефирчику!” – “Что, по ЗОЖу прибивает?” (кто не знает, ЗОЖ – это здоровый образ жизни).

В книжке “Русский язык конца XX столетия” приводится много примеров этого нового “по”:

> “Концентрация вредных веществ, в частности, по угарному газу значительно превышает норму;
> долги России по газу;
> шаги по недопущению эскалации кровопролития;
> Брак по картинке связан с помехами на линии;
> договоренность по Карабаху;
> решение по Африке;
> заявление по боснийским сербам;
> инициатива по Чечне

и т. д. Мне понравилась энергичная фраза Лужкова: “Теперь *по моркови*” и деловитая – из записей разговорной речи: “Теперь давай *по твоему пальто*”.

Собственно, еще в 1966 году лингвист Н. Ю. Шведова (которая словарь Ожегова – Шведовой), отмечая наплыв конструкций с *по*, приписала им

> “общее значение касательства, направленности,

позволяющее использовать их в самых разнообразных случаях выражения определительности, без каких-либо внутренних, идущих от самой конструкции ограничений.

Думаю, что *с уходом по лицу* дело было так. Недавно еще говорили *программа чего* и *уход за чем* (было бы программа *ухода за лицом*). Потом стало программа *по чему (по уходу)*. Так теперь часто говорят. Но продвинутые косметологи пошли дальше, сократив все это до *программы по лицу* или даже *ухода по лицу*.

Понятно-то понятно. И все же – сами-то читали, что написали? Ведь что представляет себе человек, читая: *уход по телу в капсуле, уход по лицу*? Кто-то садится в капсулу и стремительно уходит – прямо по телу. Или еще лучше: кто-то куда-то уходит, топая ножищами прямо по лицу. Жуть. Одно слово, *lacrimae*.

[2007]

Непорядок слов

Лет десять назад я на одной конференции слушала доклад славистки из Австрии. Она говорила о том, что в последнее время в разных славянских языках стала распространяться необычная синтаксическая конструкция, в которой наименование фирмы или марки товара стоит перед названием самого товара. Она приводила такие примеры: “Дурасел подарочные наборы”, “Астрид очищающее молочко”. При этом специально отмечалось, что подобные сочетания найдены в разных славянских языках, но не в русском.

И вот прошло несколько лет, и в русский язык тоже пришли обозначения “Комет гель”, “Прил бальзам”, “Ариэль гель”, “Экселланс крем” и им подобные. В каталоге любимого мною магазина “Икеа” принят такой порядок слов: “Ивар стеллаж”, “Бранэс корзина”, “Кристер стол для компьютера”, “Тэкка покрывало на диван”. Можно встретить там даже такую фразу: “Шиар потолочный абажур подвешивается на Хемма шнур”. Конечно, это звучит абсолютно не по-русски. По-русски марка товара ставится после его наименования. Нужно сказать “Мы пили чай с тортом «Птичье молоко»”, а никак не “Мы пили чай с «Птичье молоко» тортом”. В каталоге магазина подобные сочетания встречаются сотни раз, а читают его десятки, если не сотни тысяч человек. Так что все эти “Ларри складные стулья”, возможно, постепенно

станут привычными.

Впрочем, было бы слишком просто сказать, что такой-то порядок слов правилен или неправилен. Дело в том, что появление подобных конструкций отвечает тенденции, которая уже довольно давно действует в русском языке.

Еще в 1971 году была опубликована классическая статья замечательного лингвиста Михаила Викторовича Панова, которая называлась “Об аналитических прилагательных”. В ней речь шла о том, что за последние полвека в русском литературном языке сложилась особая часть речи, причем сложилась она из единиц, совершенно разных по происхождению. Все эти единицы ведут себя как прилагательные. Тут и неизменяемые слова типа *беж, люкс, коми* (например, *коми писатель*), и первые части сложных слов типа *суперприз, экс-президент, киносценарий, электроприборы* и образований вроде *чудо-печка*, и другие типы единиц. Вот сейчас в русском языке очень активно используется слово *интернет*, причем не только как самостоятельное существительное. Мы говорим *интернет-кафе, интернет-казино* и так далее.

Такие сочетания представляют собой сложные слова и пишутся через дефис. Слово *интернет* очень свободно присоединяется к другим словам, выступая в качестве такого несклоняемого прилагательного. Кстати сказать, я неоднократно обращала внимание, например, на сочетание *интернет образование*, написанное в два слова, без дефиса. В дру-

гих европейских языках, в особенности в английском, достаточно поставить существительное перед другим существительным, и оно превращается в прилагательное. Например, *strawberry* значит “клубника”, а *strawberry* juice – “клубничный сок”, если переводить буквально – “клубника сок”.

Конечно, *клубника сок* по-русски не говорят. Пока еще не говорят. Влияние этой синтаксической конструкции на русский язык очень велико. Особенно оно заметно в рекламных текстах.

Тексты эти часто грешат буквальным переводом, не учитывающим особенностей русской грамматики. Может быть, вам уже случалось видеть телевизионную рекламу продуктов, обозначаемых как *блеск шампунь* и *блеск ополаскиватель*. Возможно, мы скоро услышим о *цвет шампуне* и *объем ополаскивателе*. А там и до *клубника сока* недалеко.

[2005]

Syntaxisu.net

У Льва Лосева есть такие стихи:

> “Я складывал слова, как бы дрова:
> *пить, затопить, купить, камин, собака.*
> Вот так слова и поперек слова.
> Но почему ж так холодно, однако?

Перечисленные здесь слова отсылают к строкам другого поэта – Ивана Бунина:

> “Я камин затоплю, буду пить.
> Хорошо бы собаку купить.

Это я вот к чему. Некоторое время назад в магазинах появилась серия продуктов с удивительными названиями: зефир и пастила *со вкусом йогурт, с ароматом ваниль, с ароматом клубника со сливками*.

Да, именно так – не *с ароматом клубники*, а *с ароматом клубника*. Когда я в первый раз это увидела, то вспомнила сначала не стихи Лосева, а старый фильм: “Ты туда не ходи, сюда ходи. Снег башка попадет, совсем мертвый будешь”.

Я понимаю, что, скажем, в рекламных текстах авторы зачастую жертвуют грамматикой, поскольку грамматически правильная фраза не влезает в формат. Но здесь-то ничто,

кажется, не мешало написать *со вкусом йогурта, с ароматом клубники* или, там, *с ванильным ароматом*. Своим недоумением я поделилась со знакомыми рекламщиками, но они покачали головами: “Нет, это специально. Брендинг!” Что ж, как говорится, это многое объясняет.

Да я, в общем, и сама догадывалась, что так исковеркать русский язык можно только нарочно. Если оставить в стороне пуристические установки, логика авторов вполне понятна. Во-первых, выражения *со вкусом йогурта* и *со вкусом йогурт* не вполне тождественны по смыслу. *Со вкусом йогурта* – это, так сказать, импрессионистическое описание. А *со вкусом йогурт*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.